

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 2 • 2022

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геккель Роберт (Goeckel Robert), доктор, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео, США; **Илсон Роберт (Ison Robert)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона; Лондон, Великобритания; **Ратмайр Ренате (Rathmayr Renate)**, доктор, профессор в отставке, бывш. зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Джек Ричардс (Richards Jack C.)**, доктор наук, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета (Австралия); почетный профессор факультета педагогики университета Окленда (Новая Зеландия); **Сассекс Роланд (Sussex Roland)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, член президиума МАПРЯЛ, почетный член Союза писателей России, почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)**, профессор, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тер-Минасова С.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Молчанова Г.Г. (зам. главного редактора)**, доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры

Члены редколлегии:

Запольская Н.Н., доктор филологических наук, доцент; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Комарова А.И.**, доктор филологических наук, профессор; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор; **Милославский И.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 21.09.2022. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 10,35. Тираж 140 экз. Изд. № 12072. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Язык и межкультурная коммуникация

<i>Богданова Л.И.</i> Ценности и оценки в процессе культурной транс- миссии	9
<i>Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н.</i> Светлое/темное в зеркале лингво- культур (на материале английских и русских народных сказок) . . . 20	
<i>Доржиева Г.С., Гао Цзяньго.</i> Симфония вкусов или лингвокультур- ные коннотации китайских гастронимов	34
<i>Юсупов Х.У.</i> Реалистичная антиутопия: к вопросу о передаче реалий вымышленного мира	44

Теория языка и речи

<i>Бубнова Г.И.</i> Французские гласные двойного тембра: тенденции современного произношения с методическим комментарием 52	
<i>Аветисян Н.Г., Восканян С.К.</i> К вопросу о соотношении языка, культуры, мышления через призму лингвистических учений . . . 67	
<i>Коваленко А.С.</i> Особенности влияния лингвокультурного контекста на терминологические модели в клинических нейронауках 79	

Региональные исследования

<i>Калуцков В.Н.</i> «Тёркин в Сибири»: культурно-географическое ис- следование сложного литературного путешествия (на материале поэмы А.Т. Твардовского «За далью — даль»)	86
<i>Павловский И.И.</i> Россия и Китай: особенности взаимовосприятия . . . 100	
<i>Невежина Е.А.</i> Франко-германское пограничье в Швейцарии: аксио- логический аспект	108

Традиции и современные тенденции культуры

<i>Глазова Е.А.</i> Интертекстуальность во французской рекламе	120
<i>Овчинникова Ю.С.</i> «Обрати взор свой на землю»: репрезентация музыкальной, образовательной и общественной деятельности Баффи Сент-Мари в пространстве медиакультуры	130

Теория и практика обучения иностранным языкам

<i>Дрожащих Н.В., Белякова И.Е.</i> Цифровой тьютор в Тюменском госуниверситете: опыт внедрения и использования	141
<i>Корнев А.А.</i> Коммуникативные виды деятельности как часть профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога	152

Теория и практика перевода

<i>Чжу Инли.</i> Роль культурологического фактора в переводе общественно-политических текстов с китайского на русский язык . .	164
--	-----

Наша научная жизнь

<i>Молчанова Г.Г.</i> 10-я Международная научно-практическая конференция «Учитель. Ученик. Учебник (в контексте глобальных вызовов современности)»	177
--	-----

CONTENTS

Language and Intercultural Communication

<i>Bogdanova L.I.</i> Values and Estimates in Cultural Transmission	9
<i>Levitsky A.E., Nikulshina T.N.</i> <i>The Dark/The Light</i> in English and Russian Folk Tales: Linguocultural Survey	20
<i>Dorzhieva G.S., Gao Juango.</i> Symphony of Tastes or Linguistic and Cultural Connotations of Chinese Gastronomies	34
<i>Yusupov Kh.U.</i> Realistic Dystopia: Translating Fictional Realia	44

Theory of Language and Speech

<i>Bubnova G.I.</i> French Mid Vowels: Trends in Modern Pronunciation with Didactic Commentary	52
<i>Avetisyan N.G., Voskanyan S.K.</i> The Relation Between Language, Culture and Thought Viewed from the Perspective of Linguistic Theories	67
<i>Kovalenko A.S.</i> Influence of Linguocultural Context on Terminological Models in Clinical Neurosciences	79

Regional Studies

<i>Kalutskov V.N.</i> “Terkin in Siberia”: A Cultural and Geographical Study of a Complex Literary Journey (Based on the Material of A.T. Tvardovsky’s Poem “Beyond the Distance”)	86
<i>Pavlovskii I.I.</i> Russia and China: Features of Mutual Perception	100
<i>Nevezhina E.A.</i> Franco-German Borderlands in Switzerland: Axiological Aspect	108

Tradition and Modern Trends in Culture

<i>Glazova E.A.</i> Intertextuality in French Advertising	120
<i>Ovchinnikova J.S.</i> “Put Your Eyes on the Earth”: Representation of Baffy Saint-Marie’s Musical, Educational and Social Activism Work in Media Culture Space	130

Theory and Practice of Teaching Foreign Languages

Drozhashchikh N.V., Belyakova I.E. The Digital Tutor in the Tyumen State University: a Chat-Bot Case 141

Korenev A.A. Modes of Communication as Part of the Language Teacher’s Professional Communicative Competence 152

Theory and Practice of Translation

Zhu Ying-Li. The Role of the Cultural Factor in the Translation of Socio-Political Texts from Chinese into Russian 164

Our Academic Life

Molchanova G.G. The 10-th ISC “Textbook. Student. Teacher (In Context of Modern Global Challenges)” 177

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ЦЕННОСТИ И ОЦЕНКИ В ПРОЦЕССЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ

Л.И. Богданова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; libogdanova1@mail.ru*

Аннотация: В статье обсуждается понятие культурной трансмиссии. Язык рассматривается в качестве одного из инструментов передачи ценностей от одного поколения другому. Работа выполнена на материале словарей и Национального корпуса русского языка. Исследование подтверждает существование кодов культуры, которые управляют языком и способами отражения действительности. Понимание значимости кодов культуры делает возможным формирование и развитие национально-культурной идентичности, что способствует реализации культурной трансмиссии. Особое внимание уделяется выявлению языковых зон концентрации культурных смыслов. В ходе исследования установлено, что внутренняя форма слова и оценочная лексика отражают большие возможности для установления скрытых от прямого наблюдения культурно-специфических смыслов. Значения слов, содержащих субъективный компонент значения, позволяют формулировать некоторые законы «наивной» этики. Употребление ряда слов с оценочной семантикой указывает на нравственные правила данного общества или обнаруживает их нарушение. В статье показано, как ценности получают отражение в формировании этностиля коммуникации. Работа в данном направлении выводит на изучение таких актуальных вопросов, как национально-культурная специфика оценочного компонента, способы его лексикографического представления, декодирование ценностных установок говорящего.

Ключевые слова: оценочная лексика; культурные ценности; оценка; наивная этика; культурная трансмиссия; код культуры

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Богданова Л.И. Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 9–19.

VALUES AND ESTIMATES IN CULTURAL TRANSMISSION

Liudmila I. Bogdanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, libogdanova1@mail.ru

Abstract: The article discusses the concept of cultural transmission. The language is considered as one of the tools for the transmission of values from one generation

to another. The work is based on the materials of dictionaries and the National Corpus of the Russian Language. The research confirms the thesis about the existence of fundamental culture codes, which manage its language and perception schemes. Understanding the significance of cultural codes makes it possible to form and develop a national cultural identity, which contributes to the implementation of cultural transmission. Special attention is paid to identifying linguistic areas of concentration of cultural meanings. In the course of the study, it was found out that the internal form of the word and evaluative vocabulary open up great opportunities for establishing cultural-specific meanings hidden from direct observation. The meanings of words containing a subjective component allow us to formulate some laws of “naive” ethics. The use of words with evaluative semantics indicates the moral rules of the society or reveals their violation. The article also shows how values are reflected in the formation of the ethnic style of communication. This work is deeply connected with such topical questions as the national and cultural specificity of connotations, the means of their lexicographical representation, the decoding of speaker’s value system.

Key words: cultural values; evaluative vocabulary; naive ethics; internal form of the word; cultural transmission; culture code

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Bogdanova L.I. (2022) Values and estimates in cultural transmission. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.)

Последнее время нередко обсуждается проблема дегуманизации современного общества. Процесс «расчеловечивания» нередко обеспечивается за счет технологии, описанной американским социологом Джозефом Овертоном. Суть технологии, получившей название «Окно Овертона», состоит в том, чтобы сделать нормальным и обыденным то, что до сих пор считалось неприемлемым или даже запретным с точки зрения человеческой морали¹. Пошаговое внедрение асоциальных явлений, антиценностей меняет отношение к традиционным ценностям, способствует их выхолащиванию и забвению. В этом контексте вопрос о сохранении и приумножении культурного наследия стоит особенно остро, а исследовательский интерес к проблемам трансляции культурных ценностей становится социально значимым. Систему передачи ценностей, традиций, социальных практик, идеалов и норм от одного поколения другому в процессе социализации личности принято обозначать термином культурная трансмиссия [Дубров, Татарко, 2016: 300]. В межпоко-

¹ Окно Овертона – технология легализации чего угодно. URL: www.SNEG5.com (дата обращения: 10.12.2021).

ленной культурной трансмиссии важную роль играет образование, которое должно «вырастать» из культуры. Ценность образования заключается в том, что оно является одним из надежных способов передать будущим поколениям идею человечности, составляющей глубинное ядро культуры, транслировать понимание смысла человеческой жизни. Идею ценностного подхода на данном этапе связывают с гуманистической парадигмой образования, для которой характерны принципы равенства, партнерства, диалогизма в духе идей М.М. Бахтина, свободы, соразвития, единства.

Проблемы сохранения культурного наследия связаны с развитием идентичности, научное представление о которой было сформировано американским психологом Эриком Эриксоном. Согласно его учению, идентичность выступает не только фундаментом любой личности, но и является показателем ее психосоциального благополучия и жизненной успешности [Эриксон, 2006]. Идентичность базируется на одной из основных потребностей человека, которая состоит в способности взаимодействовать с окружающим миром, в возможности отождествлять себя с определенной культурой, идеями, ценностями, социальными группами. Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии человеком культурных норм и образцов поведения, принятых в данном обществе, а также языка и ценностных ориентаций, данных ему, в том числе и через родной язык. Культурная идентичность формирует ценностное отношение человека к другим людям, к самому себе, к миру в целом. При утрате идентичности человек ощущает свою абсолютную чуждость другим людям, всему окружающему миру, что приводит к депрессии, маргинализации, асоциальному поведению.

Стандартизация процессов духовно-нравственного становления человеческой личности, характерная для современного мира, таит в себе опасность разрушения традиционного образа жизни, норм и правил, выработанных народами в течение их длительного периода развития. Утрата идентичности ведет к моральной деградации этноса. Альберт Швейцер писал, что «если человечество теряет этнические идеалы и ценности, возникает угроза для современного человека стать негуманным <...>, а негуманное общество не предсказуемо и не жизнеспособно» [Швейцер, 1973: 15].

Согласно концепции Питирима Сорокина [Сорокин, 1992], всякая великая культура это не просто конгломерат различных явлений, а совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, а также совокупность самих носителей этих ценностей и норм, т.е. людей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Именно ценность служит основой и фундаментом единой культуры.

При формировании культурной идентичности, являющейся основной трансмиссии ценностей, опора на родной язык является обязательной. При обучении языку как хранителю культуры следует обратить внимания на достойный опыт прошлого. В этом плане показательны темы сочинений, которые предлагались гимназистам дореволюционной России в начале XX в.² Вот некоторые из них: *О высоком достоинстве человеческого слова и письма; О проявлении нравственного начала в истории; На чем основывается духовная связь между предками и потомками.* Особого внимания, как представляется, заслуживает тема: *Слово как источник счастья.* Такого рода темы способны активизировать мыслительную деятельность учащихся, они прививают интерес к Слову, интерес к Смыслу, интерес к самой идее трансляции духовных ценностей.

Слово, являясь самостоятельной ценностью, способно хранить и передавать ценности другим поколениям. Стыд, например, может сигнализировать о нарушении норм нравственности или установленных в обществе правил. Тем самым употребление слова *стыд* «обнаруживает эти нормы и правила» [Богданова, 2021: 110].

Язык, его лексическое богатство и грамматический строй аккумулируют опыт и транслируют ценности от одного поколения к другому, что находит отражение в языковой картине мира — зафиксированной в языке и специфичной для данного языкового коллектива схеме восприятия действительности, в которой выражаемые значения складываются в единую систему взглядов — коллективную философию [Апресян, 1995: 39].

В связи с этим продуктивным понятием следует считать «код культуры». В философии культура в целом нередко рассматривается как система кодов, закрепляющих социально-исторический опыт, как система исторически развивающихся «надбиологических программ» деятельности человека, его поведения, программ или кодов, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее проявлениях [Стёпин, 2011: 43]. Таким образом, коды, представляя собой особые информационные структуры, обеспечивают саморегуляцию системы. Эту роль в биологических организмах выполняют ДНК — генетические коды. Аналогом генетических кодов в обществе, представляющем собой социальный организм, выступает культура. Специалистами в области лингвокультурологии культурный код в широком смысле рассматривается как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, вы-

² Темы сочинений в царской гимназии. URL:www.proza-ru.turbopages.org (дата обращения: 20.11.2021).

работанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [Маслова, Пименова, 2016: 3].

Ценности определенным образом «складированы» в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций. Ценностные характеристики обнаруживают себя уже на уровне внутренней формы слова. Источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который может обладать «памятью» языковых значений. В целях повышения мотивации обучения следует обращать внимание учащихся даже на исчезающую внутреннюю форму. Например, слова *родина*, *народ*, *порода*, *урожай*, *родник* имеют общий исторический корень *род-*. Ср. *Я слово **родник** давно приметил...Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода **за-рожда**ется. **Родник родит** реку, а река льётся, течёт через всю нашу матушку землю, как бы **родня** между собой* (К.Г. Паустовский, НКРЯ³). Внутренняя форма слова нередко является составляющей заключенного в слове культурно-специфичного концепта. Так, согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера⁴, слово *обидеть* произошло из *об-видеть*, где предлог *об* — имеет значение ‘вокруг, огибая, минуя’: ср. *обнести* кого-то угощением, ‘пронести мимо, не дать’, *обделить*, *обвесить*. Слово *обидеть*, тем самым, имеет историческую внутреннюю форму ‘обделить взглядом, не посмотреть’. И, действительно, как показывает семантический анализ, именно недостаток внимания составляет основу возникновения того чувства, которое обозначается русским словом *обида*.

Значения слов, отражая общественные ценности, содержат, как известно, не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» [Апресян, 1995: 351]. Приведем некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы» (*домогаться*, *льстить*, *сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подслушивать*, *подсматривать*, *любопытствовать*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать*, *насмехаться*, *глумиться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*унижаться*, *пресмыкаться*, *угодничать*), «нехорошо оценивать себя слишком высоко» (*хвастаться*, *хвалиться*, *зазнаваться*, *гордиться*). Предосудительный характер подобных действий раскрывается в речи чаще всего в диалогическом режиме: — *Нет, мы не хотим, чтобы ты подслушивал, — скандально сказала мама. — **Подслушивать нехорошо*** (Борис Минаев, *Детство Лёвы*, 2001); — *Как вам не **стыдно унижаться** перед нами?!*

³ НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 20.11.2021).

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1986.

(Юрий Вяземский, Шут, 1982); *Мне было жаль его, я несколько раз вмешивался и объяснял, что стыдно издеваться над человеком, который не в состоянии ответить* (Гайто Газданов, Ночные дороги, 1939); — *И это вам не стыдно хвастаться...?* (И.В. Оммулевский, 1877); — *А нехорошо гордиться перед стариком...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк, 1891)⁵.

Исходя из сформулированных нравственных правил, можем декодировать ряд русских культурных ценностей. Некоторые из них (человеческое достоинство, доброта, уважение к людям) представляются общими, в частности, с западноевропейской культурой, где так высоко ценится личное пространство (*privacy*). Однако ранжирование ценностей в разных культурах, отражающее степень их внутренней значимости, может быть разным.

Структура представлений об одном и том же явлении далеко не всегда совпадает у разных культурных сообществ, что еще раз подтверждает мысль Мишеля Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и схемами восприятия [Фуко, 1994: 37]. При этом представители разных культур, не всегда осознавая несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, сразу замечают различия в оценке, которые могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов. Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне.

В качестве примера можно рассмотреть *прямоту* как человеческое качество. В рамках русской культуры *прямота* (в отличие от прямолинейности), *откровенность*, *искренность* ценятся очень высоко. В толковых словарях *прямой* толкуется в одном из значений как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’⁶. Считается правильным выбирать себе прямую жизненную дорогу, смотреть прямо в глаза, быть прямым и нелицемерным, — все это оценивается положительно: *Испытующе посмотрев в глаза, сказал: «Мне нравятся прямые люди, как вы»* (Олег Фаличев, 2003); *Очень хорошо отзывался о Соболеве: и талантлив, и с нами сработался, прямой человек* (Евгений Велтистов, 1975). Положительную оценку прямоты как человеческого качества подтверждают многочисленные примеры из НКРЯ, в которых *прямой* синтагматически связан с такими положительными качествами, как *честный, благородный, смелый*: *[он] не был ни либералом, ни реакционером, а был — честный, благородный, прямой человек* (С.Ю. Витте, Воспоминания, 1911); *Это был честный художник, смелый и прямой человек, мужественно*

⁵ Здесь и далее примеры из НКРЯ.

⁶ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

перенесший все трудности... (Владлен Давыдов, Театр моей мечты, 2004). Прямота как положительное качество противопоставляется лживости, лицемерию и фальши: *Я знал, что Н.К. Гудзий очень прямой человек и никогда не станет лицемерить* (Д.С. Лихачев, Воспоминания, 1995).

Пространственный код русской культуры реализуется в ценностном плане и с помощью преимущественно положительной оценки параметра *широкий*, характеризующего не только русские просторы, но и состояние души. Быть «широким» (*иметь широкую душу, жить на широкую ногу, иметь широкие взгляды* и т.п.) с позиций русской культуры оценивается высоко, *широкий человек* — это хороший человек: *Романтическая особа. Широкий человек! Шикарный человек!* (Вадим Месяц, Лечение электричеством, 2002); *Она очень щедрый и широкий человек. У нее безукоризненный вкус...* (Г.Д. Катанян, Азорские острова, 1955–1990);... *Люилье был не только умница, но и широкий человек...* (М.А. Булгаков, Жизнь господина де Мольера, 1933); — *Вы — такой талантливый, чуткий, широкий человек...* (А.И. Куприн, Поединок, 1905). Широта натуры осознается в русском культурном пространстве как национально-специфическое качество, что проявляется в устойчивом словосочетании *русская широта*: *Такая вдруг в нем Русь, русская широта* (Людмила Гурченко, Аплодисменты, 1994–2003); *Каким-то чудом в ней сохранялись красота, русская широта натуры и неизъяснимая жесткость* (Виталий Вульф, Судьба Ольги Чеховой, 1998).

Некоторые русские качества (*русская прямота, русская широта, русская открытость, русское терпение* и др.), если их фиксирует «взгляд извне», со стороны могут выглядеть далеко не всегда привлекательно. Представители других культур могут расценивать, например, прямоту как грубость и бесцеремонность, а широту — как нерациональность и непрактичность. Такое русское качество, как *удаль* (ср. *русская удаль*), определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное качество: ср. *удаль молодцука; мал, да удал* (поговорка). Однако, как отмечал Н.С. Трубецкой, целый ряд качеств и черт, которые русский народ в себе особенно ценит (в том числе и удаль), «не имеет никакого эквивалента в славянском моральном облике», что дает основание Н.С. Трубецкому сделать следующий вывод: «...наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но тем не менее совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком» [Трубецкой, 1921: 102].

Культурные коды проявляют себя в «развертывании» метафорических концептов. Метафора, содержащая огромное количество

информации в «сжатом» виде, является одним из скрытых способов воздействия на бессознательное. Ряд культурных концептов в их языковом отражении имеет много сходных черт в разных культурах. Понимание сходства разных культур так же, как и выяснение различий, помогает в формировании культурной идентичности. Примечательно, что языковое воплощение «Книги», важного элемента духовной культуры, объединяет многие культуры: *книга* может быть и метафорой жизни человека (*жизнь как интересная книга*), и метафорой самого человека, автора (*подойти к кульминации своей жизни*), и читателя (*прочитать человека как книгу*). Метафорический концепт «Жизнь — это Книга» способен к детальному развертыванию: *закончилась одна глава, будет следующая; нужно перевернуть страницу; листая страницы жизни...* В поэзии Бориса Пастернака эта метафора реализована следующим образом: *И надо оставлять пробелы / В судьбе, а не среди бумаг, / Места и главы жизни целой / Отчеркивая на полях* (Борис Пастернак, Быть знаменитым некрасиво, 1956).

Для понимания культурного кода важно видеть степень значимости той или иной ценности среди других ценностей. Так, в русской картине мира *красота* как ценность предстает менее значимой, чем счастье, ум, хороший характер: ср. *Не родись красивой, а родись счастливой; С лица воду не пить* и др. Как показали специальные исследования, в китайской картине мира также при восприятии *красоты* происходит сдвиг от эстетики к этике, поскольку *mei* 'красота' и *hao* 'добродетель' синонимичны не только в лексическом, но и в психологическом плане. В представлении китайцев, для которых в определенной степени свойственно соединение интеллектуального и эмоционального начал, человек, с одной стороны, не может оставаться только наблюдателем, поклонником или обладателем эстетической ценности — совершенной красоты. Красота становится частью добродетели. Но, с другой стороны, эстетическое наслаждение не может быть только для души. «Оно непременно вызывает утилитарную, гедонистическую или эмотивную оценку — эстет и аскет редко уживаются в одном человеке» [Тань Аошуань, 2004: 187–188]. Именно поэтому в буквальном переводе *красивым* может быть имя, если оно доброе, намерения, если они хорошие, но *красивой* может оказаться и пища, если она вкусная, и работа, если она выгодная. В русской картине мира *красота* лишена утилитарности, но она не столь однозначно связана с нравственной основой, т.е. красота может быть как божественной, так и дьявольской.

Культурные коды пронизывают не только лексику, но и находят отражение в грамматическом строе языка. В этом убеждает, в частности, анализ актантной структуры русских глаголов, который по-

казал, что «коллективистский характер русской культуры, высокий уровень вертикальной дистанции косвенным образом преломляются в концептуализации межличностных отношений, включающих оценочный компонент, что находит отражение в способе обозначения актантных позиций при данных глаголах» [Богданова, 2019: 9]. Таким образом, «статусность» русской культуры косвенным образом находит отражение и в грамматической оформленности актантов, и в синтагматических связях лексических единиц, что подтверждает тезис о способности грамматики отражать культурные ценности.

В коммуникативном поведении также можно заметить реализацию культурных кодов. Наглядное представление о том, что наша повседневная реальность пронизана культурными кодами, дает, в частности, анализ фрагментов современной повседневной коммуникации. Сравним две используемые в эпоху пандемии речевые формулы, призывающие носить маски: 1) *Спасибо, что вы носите маску*; 2) *Надень уж ты эту маску!* Такие призывы можно встретить, например, при входе в московские рестораны. Первая формула явно заимствованная. Здесь нет грамматических показателей побуждения к действию, не очевиден образ адресата, на которого пытаются воздействовать, сведена к минимуму эмоциональность воздействия, которое имеет лишь констатирующий характер. Вторая речевая формула оформлена в виде императива. Для русской лингвокультуры это привычный, традиционный и далеко не грубый способ воздействия на адресата. Адресат представлен как близкий человек, который все может понять. Интимизация, эмоциональность побуждения, доверительность обращения достигаются за счет обращения на «ты», инверсии, введения местоимений и частиц. За таким побуждением скрывается потенциальный предтекст: *«Мы понимаем, что тебе надоели маски, нам и самим они порядком надоели, но войди в положение: без этого мы не можем работать, будь другом, надень маску!»* Именно такой способ воздействия, связанный с дружеским общением, наиболее полно соответствует русскому культурному коду.

В современном меняющемся мире ценностное содержание, которое осознается молодыми людьми как препятствие на пути к успеху и самореализации, нередко приводит к «угасанию» ряда традиционных русских социокультурных ценностей (*скромность, кротость, совесть, стыд* и др.).

Утрата актуальности той или иной ценности может иметь в языке такие последствия:

а) снижение частотности употребления; б) «размывание значения», которое приводит к затруднениям при определении значения слова; в) девальвация ценности и ценностного противопоставления,

что ведет к смене оценочного знака ценности и даже превращению ее в антиценность; г) постепенная трансформация всей системы ценностей.

Рассматривая культуру как сложную структуру, Питирим Сорокин отмечал, что изменение одних элементов культуры с неизбежностью повлечет за собой изменение других ее частей [Сорокин, 1992: 449]. Как недуг общества он рассматривал возрастающую отстраненность человека от культурных и моральных ценностей, внутреннюю и духовную бессвязность. Именно поэтому ситуации, приводящие к слому тех или иных ценностных ориентиров, представляют собой социокультурную угрозу.

Язык, как известно, передает человеку знание ценностей, норм мышления и социального поведения. Как особый способ концептуализации знаний о мире, он способен отражать «коллективную философию» его носителей. При этом транслятором знаний о мире могут быть скрытые смыслы, извлекаемые из оценочной лексики и грамматических конструкций. Оценочно-ценностные значения формируют субъективный компонент семантики слова. Субъективный фактор оказывается особенно значимым при рассмотрении культурной трансмиссии.

Продолжение работы в данном направлении позволит рассмотреть критерии выявления национально-культурной специфики ценностей и возможные пути сохранения и трансляции культурных ценностей, отраженных в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография: Избр. труды: В 2 т. Т. 2. М., 1995.
2. *Богданова Л.И.* Культурные параметры в грамматике для речевых действий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 9–18.
3. *Богданова Л.И.* Оценки и ценности в структуре глаголов 'стыда' // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 106–116.
4. *Дубров Д.И., Татарко А.Н.* Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. № 2. Т. 13. С. 299–309.
5. *Маслова В.А., Пименова М.В.* Коды лингвокультуры. М., 2016.
6. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
7. *Стёпин В.С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 408.
8. *Тань Аошун.* Китайская картина мира. Язык. Культура. Ментальность. М., 2004.
9. *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. София, 1921. С. 86–103.
10. *Фуко М.* Слова и вещи. СПб., 1994.
11. *Швейцер А.* Культура и этика. М., 1973.
12. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. 1995. *Integral'noye opisanie yazyka I sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. V. 2. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
2. Bogdanova L.I. 2019. Kul'turnyye parametry v grammatike dlya rechevykh deystvij [Cultural parameters in grammar for speech actions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–18. (In Russ.)
3. Bogdanova L.I. 2021. Otsenki I tsennosti v structure glagolov 'styda' [Estimates and values in the structure of verbs with the meaning of 'shame'] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 106–116. (In Russ.)
4. Dubrov D.I., Tatarko A.N. 2016. Mezhpokolennaya transmissiya tsennostey v gorodskoy I sel'skoy srede [Intergenerational transmission of values in the urban and rural environment]. *Psychology. HSE Journal*, v. 13, no. 2, pp. 299–309. (In Russ.)
5. Maslova V.A., Pimenova M.V. 2016. *Kody lingvokul'tury* [Linguistic culture codes]. Moscow, FLINTA. Nauka. (In Russ.)
6. Sorokin P.A. 1992. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo*. [Person. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat. (In Russ.)
7. Stepin V.S. 2011. *Tsvivilizatsiya I kul'tura* [Civilization and culture]. St. Petersburg, SPbGU. (In Russ.)
8. Tan Aoshuang. 2004. *Kitayskaya kartina mira. Yazyk. Kul'tura. Mental'nost'* [Chinese picture of the world. Language. Culture. Mentality]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
9. Trubetskoy N.S. 1921. Verkhi I nizy russkoj kul'tury (Etnicheskaya osnova russkoj kul'tury) [Tops and bottoms of Russian culture (Ethnic basis of Russian culture)]. *In Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya I sversheniya* [Exodus to the East. Premonitions and Accomplishments]. Sofia, Russian-Bulgarian publishing house, pp. 86–103. (In Russ.)
10. Foucault M. 1994. *Slova I veshchi* [Words and things]. St. Petersburg, A-cad. (In Russ.)
11. Schweitzer A. 1973. *Kul'tura I etika* [Culture and ethics]. Moscow, Progress. (In Russ.)
12. Erickson E. 2006. *Identichnost': yunost' I krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, Flinta. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 31.10.2021;
approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносов; libogdanova1@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Liudmila I. Bogdanova — Dr.habil in Philology, Professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; libogdanova1@mail.ru

СВЕТЛОЕ/ТЕМНОЕ В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК)

А.Э. Левицкий, Т.Н. Никульшина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; andrelev@list.ru*

*Донецкий национальный технический университет, Горловка;
tan_n-n@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена выявлению семантических и лингвокультурных особенностей *светлого/ темного* в английской и русской сказочных картинах мира. На основе отобранного авторами корпуса эмпирического материала осуществлена его семантическая классификация; определены общие и специфические особенности вербализации *светлого/темного* в английских и русских народных сказках. Для комплексного исследования вербализации *светлого/темного* использованы описательный и сопоставительный методы, лингвокультурологический и семантический анализ, методы компонентного анализа и словарных дефиниций. Предложенная комплексная методика исследования позволяет системно описать анализируемый материал и внести вклад в разработку методики реконструкции цветового фрагмента сказочной картины мира. В статье выявлены изоморфные и национально-специфические черты исследуемого понятия на соответствующем языковом материале. В основе понимания *светлого/темного* в английских и русских народных сказках лежит онтологический признак — биологическое время, приоритет которого определяется универсальностью и культурозначимостью для носителей соответствующих языков; *темное* доминирует как наиболее актуальное для англичан и русских, маркируя таинственное и неизведанное. Потенциальные носители цветоминации без указания определенного цвета — *светлое/ темное* — используются для объективации блоков ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ. Выделенные тематические блоки совпадают в двух языках, разница заключается в особенностях их внутренней тематической классификации, количественном наполнении и специфике использования носителями английского и русского языков.

Ключевые слова: светлое/темное; семантические и лингвокультурные особенности; цветовой фрагмент; тематические блоки; картина мира; английские и русские народные сказки

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н. Светлое/темное в зеркале лингвокультур (на материале английских и русских народных сказок) //

THE DARK/THE LIGHT IN ENGLISH AND RUSSIAN FOLK TALES: LINGUOCULTURAL SURVEY

Andrei E. Levitsky, Tatyana N. Nikulshina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; andrelev@list.ru

Donetsk National Technical University, Gorlovka; tan_n-n@mail.ru

Abstract: The article deals with the identification of semantic and linguocultural features of *the light / the dark* in the worldview of English and Russian fairy tales. The novelty of the paper lies in the comparative analysis of *the light / the dark* verbalizations viewed through the traditions of the British and the Russians. The empirical material has been compiled and its semantic classification has been carried out; general and specific features of *the light / the dark* in English and Russian fairy tales are determined. The descriptive method, methods of component analysis and lexicographic definitions, linguoculturological analysis, semantic analysis and the comparative method have been applied for providing a study of *the light / the dark*. The proposed research methods systematically describe the material analyzed and contribute to the development of a technique for reconstructing a colour segment in the minds of English and Russian speakers. The colour worldview of *the light / the dark* is used to objectify NATURE, HUMAN and SUPERNATURAL domains. The highlighted thematic domains coincide in two languages, the difference lies in the specificities of their internal thematic classification, quantitative aspect and usage by the English and Russian linguocultural communities.

Key words: the light/the dark; semantic and linguocultural features; a colour segment; thematic domains; worldview; English and Russian folk tales

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Levitsky A.E., Nikulshina T.N. (2022) *Dark/light* in English and Russian folk tales: linguocultural survey. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 20–33. (In Russ.)

Постановка проблемы. Среди основных направлений лингвистики начала XXI в. выделяются исследования, ориентированные на сопоставительное изучение единиц, вербально эксплицирующих национальное мышление, обусловленное экстралингвистическими факторами — историко-культурными и природно-климатическими особенностями жизни этноса. Кроме того, интерес для лингвистов представляет анализ актуальных вопросов взаимосвязи языка и мышления, смежных с ними — языка и общества, языка и культуры,

фокусируя внимание исследователей на антропоцентрической основе процесса общения [Болдырев, 2018; Демьянков, 2016; Кубрякова, 2004; Левицкий, 2016].

В мире, окружающем человека, нет ничего бесцветного. Каждый объект характеризуется определенной окраской, даже если она едва заметна и невыразительна. *Светлое* и *темное* характеризуют свойства объектов, которые воспринимаются через зрительные ощущения и выступают потенциальными носителями цветовыражения без его четкого указания. Не являясь колоративами, *светлое* и *темное* предполагают такую возможность благодаря своим периферийным и коннотативным значениям.

М.В. Ломоносов указывал *свет* как источник возникновения любого цвета, считая, что изучение природы и сущности цветовых ощущений необходимо начинать именно с исследования света [Ломоносов, 1950: 283]. Поддерживал данную точку зрения и немецкий философ, естествоиспытатель И.В. Гете, полагая, что «цвета — деяния света» [Гете, 1957: 261], свет и цвет тесно взаимосвязаны, поскольку цвета существуют для человека благодаря его способности видеть, лишь потому, что человек обладает чувством зрения [Гете, 1957: 270]. Соглашаются с представленным мнением и лингвисты. Согласно классическим работам по цветообозначениям [Berlin, 1969; Вежбицкая, 1996], понятия *светлое* и *темное* являются универсальными в визуальном опыте человека и существуют даже в наименее развитых языках мира. Именно *светлое* и *темное* лежат в основе начальной перцепции и первичного цветоразличения человеком окружающего мира, его концептуализации и категоризации. Дифференциация на хроматические и ахроматические цвета, определение их тона, насыщенности и яркости осуществляются на последующих этапах познания.

Фрагментарные исследования вербальной экспликации *светлого* и *темного* [Вежбицкая, 1996; Герасименко, 2010; Кудря, 2015; Мишенькина, 2006; Терентьева, 2016; Фрумкина, 1984] вызывают много дискуссионных вопросов, оставляя пространство для дальнейших разработок в данной области. Предлагаемая работа продолжает цикл публикаций А.Э. Левицкого и Т.Н. Никульшиной [Левицкий, Никульшина, 2020; 2021a; 2021b], посвященных визуализации сказочного пространства сквозь призму его цветовой перцепции.

Изучая *светлое* и *темное*, мы целенаправленно обращаемся к субстантивированным именам прилагательным, чтобы дифференцировать прилагательные *светлый* и *темный*, используемые для обозначения признака предмета или понятия. Рассматривая *светлое* и *темное* как бинарную оппозицию, в работе пользуемся термином *светлое/темное*.

Цель исследования — выявление и сопоставление специфики содержания и объективации *светлого/темного*, выделение изоморфных характеристик и этнокультурного своеобразия исследуемого феномена сквозь призму английской и русской лингвокультур.

Достижение поставленной цели реализуется путем решения основных *задач*: выявить семантическое наполнение *светлого/темного*; определить их лингвокогнитивные особенности; установить черты изоморфизма и алломорфизма в понимании *светлого/темного* носителями английского и русского языков.

Объект исследования — вербализированный фрагмент сказочной картины мира, отражающей взгляды английского и русского лингвосообществ на *светлое/темное*. Отмечаем, что базовые цветономинации *белый* и *серый*, *коричневый*, *черный*, имеющие соответственно семы ‘светлый’ и ‘темный’, не являются объектом настоящего исследования.

Предмет изучения — сопоставление семантических и лингвокультурных особенностей *светлого/темного* средствами английского и русского языков.

Материалом анализа являются английские и русские народные сказки (далее — сказки) трех жанровых модификаций: сказки о животных, волшебные и бытовые сказки¹.

СВЕТЛОЕ. Лексическая единица *light*, как слово с наиболее широким значением, выражающее общее, родовое понятие и свойство для множества объектов, является гиперонимом *светлого* в английском языке. Дефиниционный анализ лексемы *light* позволил вычлениить четыре признака, составляющих содержательный минимум, в которых конкретизируется исследуемое явление для носителей английского языка: 1) нетемный; 2) не насыщенный; 3) имеющий много света; 4) дневной свет².

В русском языке лексическая единица *светлый* определяется как: 1. Излучающий сильный, яркий свет. 2. Хорошо освещенный, наполненный светом. 3. Чистый, прозрачный (о жидкости, стекле и

¹ Briggs K.M. A Dictionary of British Folktales in the English Language incorporating the F.J. Collection. Routledge & Kegan Paul, 1991; *English Fairy Tales* / Retold by Joseph Jacobs. London: David Nutt, 1890 Folk Tales. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/eng/efl/index.htm> (дата обращения: 15.05.2019); *Folk Tales of England* / Ed. by K.M. Briggs and R.L. Tongue. L., 1964; *Riordan J.* Folktales of British Isles.1987; *Русские народные сказки*. URL: <https://lukoshko.net/storyList/russkie-narodnye-skazki.htm> (дата обращения: 17.07.2019); Русские народные сказки. URL: <http://hyaenidae.narod.ru> (дата обращения: 17.07.2019).

² *Learner's Dictionary*. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 15.05.2020); *Merriam Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 15.05.2020).

т.п.)³. Согласно представленному определению, *светлое* реализуется семами ‘ясный’, ‘чистый’, ‘прозрачный’, которые и составляют содержательный минимум *светлого* в русском языке.

Хотя *дневной свет* как признак *светлого* не упоминается в лексикографических данных русского языка, но присутствует в английских, именно он в русских сказках является прототипом исследуемого феномена для носителей русского языка.

В отличие от английского в русском языке в плане словообразования лексема *светлое* формирует разветвленное и значительное в количественном отношении словообразовательное гнездо, демонстрируя высокую номинативную продуктивность: *свет* — *светлый* — *светел* — *светло* — *светло-светло* — *высветлить* — *осветить* — *светать* — *просветлеть* — *рассвет* — *рассветать*.

В русских сказках для вербализации *светлого* используются диминутивные суффиксы, маркирующие позитивную коннотацию цветовой номинации (*зорька*, *Снегурочка*, *снежинка*, *сливочки*, *снежок*, *солнышко*).

В английских и русских сказках *светлое* контекстуально маркируется, как положительно (*the man cried with joy to see the light again, and at once evil things fled back into dark corners, for they cannot abide the light* ‘человек заплакал от радости, увидев свет снова, и сразу же злые духи скрылись в темных углах, потому что не могли выносить свет’, *the blessed light* ‘благословенный свет’; *самоцветное женское платье, оно сияло, как ясное небо, и свет, как живой ветер, шел по нему*), так и отрицательно (*to be as pale as a corpse* ‘быть бледным как смерть’; *только румянца у Снегурки нет как нет да в губах ни кровиночки*).

Номинации *светлого* используются в прямом (*black hood fell back off her shining yellow hair, and beautiful light came from it drove away the darkness* ‘черный капюшон упал с ее блестящих светлых волос, и появился исходящий от них яркий свет, отгоняющий тьму’; *весь сад осветило*) и переносном (*his death led to inquiries and then the transactions were gradually brought to light* ‘его смерть привела к расследованиям, пролившим свет на махинации’; *душа его просветле*) значениях.

В русских сказках проводится параллель: *светлый* — *чистый* (*Зовет в третий раз — вдруг море зашумело, взволновалось; то было*

³ Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный / Сост. Т.Ф. Ефремова. М., 2000. URL: <https://www.twirpx.com/file/123230/> (дата обращения: 15.05.2020); Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28048> (дата обращения: 18.05.2020); Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/458729.html> (дата обращения: 18.05.2020).

светлое, чистое, а тут совсем почернело); светлый — ясный (Вдруг прилетает Ворон Воронович; был он светел, как ясный день).

Степень насыщенности светлого выражается с помощью дополнительных языковых элементов для усиления данного признака: *daylight* ‘дневной свет’, *the excessive light of the sun* ‘избыток солнечного света’; *ясный день*; *светел, как ясный день*. В русской сказочной картине мира интенсивность светлого выражена разнообразнее: кроме вышеупомянутых способов, используются сравнительная степень сравнения (*Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветил*) и повтор лексических единиц (*светло-светло*).

Хотя признак ‘дневной свет’ не является основным в дефиниционной характеристике светлого в английских лексикографических источниках⁴ и лексикографически не закреплен в словарях русского языка, проведенное исследование доказало его доминирующую позицию в английской и русской сказочных картинах мира, что проявляется в его детальной и разноплановой вербальной экспликации: без временного уточнения (*day* ‘день, светлая половина’; *день*) или акцентированием на определенном временном промежутке:

– рассвет: *early in the morning* ‘рано утром’, *the break of day* ‘рассвет’, *it was near daybreak* ‘был почти рассвет’, *next morning at 4 o'clock* ‘на следующее утро в 4 часа’, *at first dawn of light* ‘на заре’, *to rise with sun* ‘вставать очень рано’, *at early dawn* ‘на рассвете’; *затрениая; заря; мужик до петухов не спал; С петухами сирота вставала; на заре утренней; стало рассветать; вот мелькнул белый всадник — и совсем рассвело*;

– утро: *morning* ‘утро’, *after breakfast* ‘после завтрака’; *наутро, проспал до света, утром ранешенько*;

– полдень: *mid-day* ‘середина дня’, *near the middle of the day* ‘ближе к полдню’; *полдник, солнце высоко*;

– день: *broad daylight* ‘яркий дневной свет’; *обедня*.

Отражение особенностей категоризации окружающего мира представлено в определенных тематических блоках. Так, при актуализации светлого выделяются три из них: ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

Блок ПРИРОДА представлен тремя группами: 1) биологическое время — *daylight* ‘дневной свет’, *day time* ‘дневное время’, *to be light* ‘светло’, *winter* ‘зима’; *ни свет ни заря, раннее утро, день, весна-ясна*; 2) природное явление — *snow* ‘снег’, *a light cloud* ‘светлое облако’;

⁴ *Learner's Dictionary*. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 15.05.2020); *Merriam Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 15.05.2020).

лед, снег; 3) природный объект — *crystal* ‘хрусталь’, *pearl* ‘жемчуг’; жемчуг, Хрустальная гора.

В английских сказках блок ЧЕЛОВЕК конституируется номинациями двух групп: физиологические особенности (*pale face* ‘бледное лицо’, *to be as pale as a corpse* ‘бледный как смерть’) и физиологические потребности, например еда (*cheese* ‘сыр’, *salt* ‘соль’, *sugar* ‘сахар’) и питье (*milk* ‘молоко’). В русской сказочной картине мира блок ЧЕЛОВЕК актуализируется разнообразнее, чем в английской — посредством лексических единиц, вербализирующих: 1) физиологические особенности: *русые волосы*, *седая старуха*; 2) физиологические потребности: а) еда — *манная каша*, *молочная каша*, *сало*, *творог*, *пшеничное тесто*; б) питье — *молоко*; 3) хозяйственную деятельность и ее результат: *высветлить* (ткань).

Блок СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ эксплицирован лексемами, номинирующими сверхъестественные существа (*Christ*, *снежная дочка Снегурочка*); в русском языке зафиксированы также номинации сверхъестественных феноменов (*молочная речка*).

ТЕМНОЕ. Лексическая единица *dark*, как наиболее абстрактная и наименее мотивированная, является инвариантом *темного* цвета в английском языке. Уточняя семантический объем соответствующей лексемы, обратимся к лексикографическим источникам⁵: *dark* (adj) — 1a: devoid or partially devoid of light: not receiving, reflecting, transmitting, or radiating light, b: transmitting only a portion of light; 2a: wholly or partially black, b of a color: of low or very low lightness, ‘1a: полностью или частично лишенный света: не принимает, не отражает, не пропускает или не излучает свет, b: пропускает только часть света; 2a: полностью или частично черный, b: с низкой или очень низкой яркостью’.

Дефиниционный анализ лексемы *dark* актуализирует четыре признака, посредством которых конкретизируется данное понятие для носителей английского языка: 1) полностью или частично лишенный света; 2) пропускает только часть света; 3) полностью или частично черный; 4) имеет низкую или очень низкую яркость.

В русском языке лексическая единица *темный* определяется как: 1) лишенный света; погруженный во тьму; 2) по цвету близкий к черному, несветлый⁶.

⁵ *Learner's Dictionary*. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 15.05.2020); *Merriam Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 15.05.2020).

⁶ Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М., 2000 / Сост. Т.Ф. Ефремова. URL: <https://www.twirpx.com/file/123230/> (дата обращения: 15.05.2020); *Ожегов С.И.* Толковый словарь. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28048> (дата обращения: 18.05.2020); Толковый словарь рус-

Необходимо подчеркнуть, что семантическая наполняемость *темного* детальнее представлена в английском языке, в русском языке она носит более обобщенный характер, актуализируя признаки ‘лишенный света’, ‘близкий по цвету светлый к черному’ и ‘несветлый’. В отличие от лексемы *dark* лексическая единица *темное* формирует разветвленное словообразовательное гнездо: *тьма, темница, темнота, темный, темно, темнеть, потемнеть, стемнеть* (ср. *dark* ‘темный’, *darkness* ‘темнота’, *darklings* ‘сумерки’, *to darken* ‘темнеть’).

В аспекте частеречной принадлежности *темного* в английских и русских сказках представлены существительные (*twilight* ‘сумерки, полумрак’, *night* ‘ночь’; *закат, тень*), прилагательные (*misty* ‘туманный’, *nighty* ‘ночной’; *полуночный, темный*), глаголы (*to shade* ‘затенять’, *to darken* ‘темнеть’; *заночевать, потемнеть*), наречия (*tonight* ‘сегодня ночью’; *темно*) и причастия (*shading (his eyes with one hand)* ‘закрывая (глаза одной рукой)’, *polluted* ‘загрязненный’; *жареный, обгорелый*). *Темное* в английских и русских сказках в большинстве случаев фиксируется в негативно маркированных контекстах (*an imp of darkness* ‘чертенок тьмы’, *bogles and crawling horrors, all came out when the Moon didn't shine* ‘злые духи и ползучие гады — все появлялись, когда было темно’; *Много ли, мало ли проехали — вдруг небо потемнело, ветер завыл, загудел: летит за ними сама старая змеиха; Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник — и совсем стемнело; только светились глаза у черепов*).

Положительная перцепция *темного* в английской и русской сказочных картинах мира связана исключительно с внешними данными персонажа: *the strangest hunter's horse was a splendid creature, black as night and its eyes gleamed like the brightest stars, with unnatural luster* ‘конь странного охотника был великолепным существом, черным как ночь, с глазами, блестящими как самые яркие звезды и горящими неестественным блеском’; *вороной конь*. Известно, что вороных жеребцов скупщики приобретали по очень высоким ценам благодаря прекрасным внешним данным: *вороной окрас* — это шерсть темнее черного, отливающая белым на солнце с маслянистым блеском.

Корпус номинаций *темного* составили лексические единицы, эксплицирующие отсутствие света прямо (*the night was dark* ‘ночь была темной’; *осенняя темная ночь*) или опосредованно (*the light of a lantern* ‘свет фонаря’; *ночь, огонь развели*). Следует отметить, что опосредованная индикация *темного* эксплицирована разнообразнее и представлена чаще всего как: 1) биологическое время (*the light of*

moon ‘лунный свет’, *a late hour* ‘поздний час’; *зажгла лучину, Месяц с неба светил*); 2) отсутствие дневного света из-за внешних помех (*They were in lanes so shaded with trees that a checker of sunshine scarcely gleamed on the road* ‘Они были на дорожках, настолько затененных деревьями, что свет едва освещал дорогу’, *a shady lane* ‘тенистая дорожка’; *Вдруг спустился туман, подземелье*); 3) сооружения из материалов темных тонов (*a gloomy avenue* ‘мрачный проспект’; *землянка*).

Переносное значение *темного* (например, *dark misfortune was at hand* ‘беда была рядом’; *Незрячие мы, темные!*) не является приоритетным в английской и русской сказочных картинах мира, характеризуюсь периферийностью.

Референтную основу *темного* в английских и русских сказках составляет биологическое время, которое передается двумя способами: без временного уточнения (*the dark time* ‘темно’; *стемнело*) или акцентированием на определенном временном промежутке:

– наступление темноты: *it wasn't exactly dark, but a kind of twilight and gloaming* ‘было не совсем темно, что-то вроде сумерек и мерцания’, *dusk was coming on* ‘наступали сумерки’, *shades of night began to fall* ‘начало темнеть’, *after sunset* ‘после заката’, *it began to be dark* ‘начало темнеть’, *to be about dark* ‘темнеть’; *время было к вечеру, начинало темнеть, только солнышко закатилось, за вечерело, день к вечеру клонится*;

– поздний вечер: *late afternoon* ‘поздний вечер’; *А уж было темно, совсем стемнело*;

– полночь: *half night* ‘в середине ночи’, *midnight darkness* ‘полночная темнота’, *it was the noon of the night* ‘была середина ночи’; *полуночное время, половина ночи, середина ночи, ровно в двенадцать часов, как пошло время за полночь*;

– завершение ночи: *sun was going to get up* ‘солнце собиралось вставать’; *Ночь переходит в утро: и барин до того долаял, что рассветло*.

Значимость *темного* прослеживается и в детализации его длительности: *overnight* ‘ночной, продолжающийся всю ночь’, *to pass the night* ‘провести ночь’, *during night* ‘на протяжении ночи’, *to stay all night* ‘оставаться всю ночь’, *till day break* ‘до рассвета’, *never stop until morning* ‘не останавливаться до утра’; *Половина ночи прошла; Барин ночь переночевал, на зорьке встал; читай ее с вечера до тех пор, пока петухи не запоют; целую ночь*.

Приоритетность ночного промежутка для экспликации *темного* в русских сказках подтверждается и разветвленным словообразовательным гнездом: *ночь, ночлег, ночной, ночевать, переночевать, полночь, полуночный, полуночник-ветер*.

В английской и русской сказочных картинах мира актуализация *темного* осуществляется посредством номинаций трех тематических блоков: ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

Блок ПРИРОДА реализуется с помощью лексем восьми групп: 1) время (биологическое): *to plant them over night by morning* ‘посадить их за ночь до утра’, *it’s dark still* ‘еще темно’, *it’s certainly be soon dark* ‘наверняка скоро будет темно’, *the sun didn’t rise there* ‘солнце там не взшло’, *when the nights were [...] very dark she carried a lantern* ‘когда ночи были очень [...] темными, она несла фонарь’, *one evening just about dusk* ‘однажды вечером, когда уже появились сумерки’; время к ночи подходит, *ночь* близко, *ночевать*, *ночлег*, *полуночник-ветер*; 2) явление (атмосферное, пространственно-оптическое): *shade of a green oak tree* ‘тень от зеленого дуба’, *mist* ‘туман’; *тьень*, *туман*; 3) процесс (химический + физический): *rusty sword* ‘ржавый меч’, *burnt* ‘сгоревший’, *overbaked* ‘подгоревший’; *бык печеный*, *горелая корочка*; 4) полезные ископаемые: *coal stuff* ‘уголь’; *уголь*; 5) почва: а) твердое состояние — *ground* ‘земля’; *сыра земля*; б) жидкое состояние — *muck* ‘грязь’, *mud* ‘грязь’; *грязь*; 6) водоемы: *the dark waters of the lake* ‘темные воды озера’, *dirty water* ‘грязная вода’; *гнилое болото*, *гнилая да грязная вода* (про озеро), *топь*; 7) фауна: *bear* ‘медведь’, *bull* ‘бык’; *ворон*, *муха грязна*; 8) флора: *brambles* ‘ежевика’, *ebony* ‘черное дерево’, *a dark glen* ‘темная долина’; *темные леса*, *в самую чащу*, *дремучий-дремучий лес*.

Блок ЧЕЛОВЕК эксплицируется единицами пяти групп: 1) моральные качества: *dark deeds* ‘темные дела’, *dark joy* ‘черный юмор’, *a certain dark personage* ‘некий темный персонаж’; *темные думы*; 2) внешний вид (одежда): *the monks* ‘монахи’, *clothed in deep mourning* ‘одетый в глубокий траур’, *drab-cultured coat* ‘пальто из тусклой ткани’; *изумен*, *монах*; 3) физиологические особенности: а) глаза — *eyes like a coal of fire* ‘глаза-угли’; *Все потеряли и даже свету белого не видим*; б) кожа — *Moors* ‘мавры’, *a Palestine* ‘палестинец’, *a Saracen* ‘сарацин’, *Turks* ‘турки’, *загар*. В примерах, где упоминается «темный цвет кожи» в английских сказках *темное* преимущественно соотносится с географической категорией: перечисленные выше местность и нации ассоциируются с темным цветовым пигментом; в русских сказках темный цвет кожи — *загар* — появляется в результате тяжелого физического труда на солнце; 4) продукты питания: а) еда — *barley bread* ‘ячменный хлеб’; *мак*, *ржаной пирожок*; б) питье — *strong beer* ‘крепкое пиво’, *brandy* ‘бренди’, *whisky* ‘виски’; *квас*, *чай*; 5) продукт хозяйственной деятельности человека: *soot* ‘сажа’; *угли из печи выгребет*, *сажа*, *смола*.

Блок СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ представлен номинациями двух групп: сверхъестественные силы (*dark spirits* ‘духи тьмы’, *spirits of*

darkness ‘духи тьмы’; *нечистый, черт*) и их деятельность (*enchantment* ‘колдовство’, *колдовство*).

В пределах номинаций *темного* зафиксирована его оппозиция к *светлому*: *dark night* ‘темная ночь’ / *clear night* ‘ясная ночь’; *misty evening* ‘туманный, неясный вечер’ / *clear evening* ‘ясный вечер’, *bright evening* ‘ясный вечер’; *темная ночь* / *ясная ночь*, *туманный вечер* / *ясный вечер*.

Выводы. *Светлое/темное* выражают отношение человека к явлениям окружающей природы, выступая в качестве содержательного элемента культуры, с помощью которого характеризуются и систематизируются предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия. В английской и русской сказочных картинах мира *темное* доминирует как иерархически наиболее значимое, что объясняется, на наш взгляд, его недостаточной изученностью в давние времена и желанием человека постичь суть малоизведанного: темное таит неизвестность, оно малознакомо и, как следствие, вызывает интерес человека.

В основе понимания *светлое/темное* в народных сказках английской и русской лингвокультур лежит онтологический признак — биологическое время, приоритет которого определяется универсальностью и культурозначимостью для носителей соответствующих языков.

Светлое/темное вербализируются в английском и русском языках симметрично — с помощью лексических единиц разной частеречной принадлежности. Лексемы, эксплицирующие *светлое/темное*, имеют как широкий диапазон сочетаемости, так и ограниченную лексическую валентность; характеризуются оттеночной семантикой, аксиологической маркированностью и взаимодействием друг с другом в переходной зоне. Парадигма обозначений *светлое/темное* спектрально насыщена: напрямую, непосредственно и опосредованно — посредством единиц, эксплицирующих предмет, цветовой признак которого закреплен на уровне традиции или ассоциации. Отмечаем приоритет обозначений, имеющих опосредованное отношение к экспликации *светлое/темное*.

Национально-культурная специфика восприятия и отражения *светлое/темное* носителями английского и русского языков отличается по семантическим признакам, составляющих их содержательный минимум. В английской лингвокультуре *светлое* воссоздается через оппозицию к *темному*, а представители русской лингвокультуры эксплицируют *светлое* через понятия *ясный, чистый, прозрачный*. Относительно перцепции *темного* носителями английского и русского языков традиционно наблюдается единство — через оппозицию к *светлому*.

Расхождения между лингвокультурами проявляются также в стилистическом маркировании *светлое/темное* в русском языке и разнообразии словообразовательных формантов русскоязычных номинаций *светлого/темного*.

Преимущество симметричных признаков объясняется тем фактом, что в поле зрения нашего исследования находится мир представителей Западной цивилизации. Отличия вызваны наличием национально-культурного компонента в лексических единицах, которые служат для обозначения объектов, соотносимых с историей и культурой английского и русского лингвосообществ, реалиями жизни каждого из них.

Познание национально-культурных особенностей является важным условием для успешного взаимопонимания в рамках межкультурной коммуникации. В связи с этим **перспективой** дальнейших исследований является раскрытие места *светлого* и *темного* в цветовых картинах мира народных сказок различных этносов, а также соотносительность маркеров цвета в дискурсе народной сказки и иных дискурсивных практиках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М., 2018.
2. *Вержбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm> (дата обращения: 23.05.20).
3. *Герасименко И.А.* Лингвокультурные компоненты значения русских колоративов // Мова. 2014. № 22. С. 145–148. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Mova_2014_22_29 (дата обращения: 12.06.20).
4. *Гете И.В.* К изучению о цвете (хроматика) Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С. 261–358.
5. *Демьянков В.З.* О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 5–9.
6. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
7. *Кудря О.А.* Вторичные цветообозначения в словаре и художественном тексте (на материале английского и украинского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015.
8. *Левицкий А.Э.* Антропоцентризм как основа когнитивно-дискурсивного анализа единиц языка // Когнитивные исследования языка. 2016. № XXVII. С. 184–191.
9. *Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н.* Цветообозначение *красный* в английском и русском сказочном дискурсе: лингвокультурный аспект // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов. М., 2020. Вып. 3. С. 127–131.
10. *Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н.* Вербализация *коричневого* в сказочных картинах мира русских и англичан: сопоставительный аспект // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.Г. Кузьминой, Н.А. Фененко. Воронеж, 2021а. С. 321–329.

11. *Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н.* Цвет *серый*: проблема категоризации и вербализации (на материале русского и английского сказочных дискурсов) // Когнитивные исследования языка. 2021б. № 3 (46). С. 168–172.
12. *Ломоносов М.В.* Слово о происхождении света новую теорию о цветах представляющее. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 282–305.
13. *Мишенькина Е.В.* Национально-специфическая характеристика концепта «свет-цвет» в русской и английской лингвокультурной картине мира: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2006.
14. *Терентьева Е.В.* Интенсификация цветового признака (на примере английских прилагательных) // Вестн. ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 20–26.
15. *Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
16. *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkley and Los Angeles, 1969.

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. 2018. *Yazyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and system of knowledge. Cognitive theory of language]. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK. (In Russ.)
2. Wezhbitskaya A. 1996. Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya [*Designation of color and universals of visual perception*]. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Moscow. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm> (accessed: 23.05.20). (In Russ.)
3. Gerasimenko I.A. 2014. Lingvokul'turnye komponenty znacheniya russkikh kolorativov [Linguocultural components of the meaning of Russian words denoting color]. *Mova*, no. 22, pp. 145–148. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Mova_2014_22_29 (accessed: 12.06.20). (In Russ.)
4. Gete I.V. 1957. K izucheniyu o tsvete (khromatika) [To the study of color (chromatics)]. *Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu*. Moscow, Izd-vo AN SSSR, pp. 261–358. (In Russ.)
5. Dem'yankov V.Z. 2016. O kognitsii, kul'ture i tsivilizatsii v transfere znanii [On cognition, culture and civilization in knowledge transfer]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 49, pp. 5–9. (In Russ.)
6. Kubryakova E.S. 2004. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znanii o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. Towards learning the language: parts of speech with cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
7. Kudrya O.A. 2015. *Vtorichnye tsvetooboznacheniya v slovare i khudozhestvennom tekste (na materiale angliiskogo i ukrainskogo yazykov)* [Secondary Color Terms in the Dictionary and Literary Text (Based on English and Ukrainian Languages)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Moscow. (In Russ.)
8. Levitskii A.E. 2016. Antropotsentrizm kak osnova kognitivno-diskursivnogo analiza edinits yazyka [Anthropocentrism as the basis of cognitive-discursive analysis of language units]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. XXVII, pp. 184–191. (In Russ.)
9. Levitskii A.E., Nikul'shina T.N. 2020. Tsvetooboznachenie kpacnyi v angliiskom i ruskom skazochnom diskurse: lingvokul'turnyi aspekt [*Red color in Russian and*

- English fairy tale discourse: linguocultural specifics]. *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov*, no. 3, pp. 127–131. (In Russ.)
10. Levitskii A.E., Nikul'shina T.N. 2021a. *Verbalizatsiya korichneвого v skazochnykh kartinakh mira russkikh i anglichan: sopostavitel'nyi aspekt* [Verbalization of Brown in the Fairy-Tale Pictures of the World of the Russians and the British: a Comparative Aspect]. In L.G. Kuz'mina, N.A. Fenenko (eds.) *Yazykovaya kartina mira v usloviyakh mul'tilingvizma i mul'tikul'turalizma: perevodcheskii, lingvisticheskii i didakticheskii aspekty: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Voronezh, "Istoki", pp. 321–329. (In Russ.)
 11. Levitskii A.E., Nikul'shina T.N. 2021b. Tsvet seryi: problema kategorizatsii i verbalizatsii (na materiale russkogo i angliiskogo skazochnykh diskursov) [Grey colour: categorization and verbalization in Russian and English fairy tale discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 3 (46), pp. 168–172. (In Russ.)
 12. Lomonosov M.V. 1950. Slovo o proiskhozhdenii sveta, novuyu teoriyu o tsvetakh predstavlyayushchee [About the origin of the light a new theory of colors]. *Izbrannye filozofskie proizvedeniya*. Moscow, Gospolitizdat, pp. 282–305. (In Russ.)
 13. Mishen'kina E.V. 2006. Natsional'no-spetsificheskaya karakteristika kontsepta "svet-tsvet" v russkoi i angliiskoi lingvokul'turnoi kartine mira [National-specific characteristics of the concept "light-color" in Russian and English linguocultural worldview]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Yaroslavl'. (In Russ.)
 14. Terent'eva E.V. 2016. Intensifikatsiya tsvetovogo priznaka (na primere angliiskikh prilagatel'nykh) [Intensification of the color (based on English adjectives denoting colour)]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 1, pp. 20–26. (In Russ.)
 15. Frumkina R.M. 1984. *Tsvet, smysl, skhodstvo: Aspekty psikholingvisticheskogo analiza* [Color, Meaning, Similarity: Aspects of Psycholinguistic Analysis]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
 16. Berlin B., Kay P. 1969. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021;
одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 25.10.2021;
approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРАХ

Левицкий Андрей Эдуардович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; andrelev@list.ru

Никольшина Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки» Автомобильно-дорожного института Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет»; tan_n-n@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrei E. Levitsky — Dr.habil in Philology, Professor of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; andrelev@list.ru

Tatiana N. Nikulshina — Dr.habil in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages of the Automobile and Highway Engineering Institute, Donetsk National Technical University; tan_n-n@mail.ru

СИМФОНΙΑ ВКУСОВ ИЛИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ КИТАЙСКИХ ГАСТРОНИМОВ

Г.С. Доржиева, Гао Цзяньго

*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Улан-Удэ, Россия; galdor@yandex.ru, gao2023@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуются вкусовые характеристики китайской кухни как неотъемлемой части национального гастрономического искусства. Китайские кулинарные традиции формировались веками, в течение которых появилось множество региональных направлений, созданы тысячи разных блюд, отличающихся многообразием вкусовых оттенков. Число «восемь» в китайской нумерологии символизирует достаток и удачу. Символика числа «восемь» применяется и в китайской кулинарии. Основопологающие вкусы национальной кухни — Восемь Бессмертных Вкусов: Хом (咸) — Том (淡), Тим (甜) — Син (酸), Фу (苦) — Лот (辣), Хеонг (香) — Гум (金黃). Из них пять базовых вкусов: кислый Син, сладкий Тим, горький Фу, острый Лот, соленый Хом и три второстепенных — безвкусный (пресный) Том, ароматный Хеонг, золотой Гум. Комбинирование вкусов и сложное сочетание их регистров являются главными характеристиками аутентичной китайской кухни.

Ключевые слова: лингвокультурология; межкультурная коммуникация; гастрономия; китайская кухня; регистры вкуса; Восемь Бессмертных Вкусов: Хом — Том, Тим — Син, Фу — Лот, Хеонг — Гум

Для цитирования: Доржиева Г.С., Гао Цзяньго. Симфония вкусов или лингвокультурные коннотации китайских гастрономов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 34–43.

SYMPHONY OF TASTES OR LINGUISTIC AND CULTURAL CONNOTATIONS OF CHINESE GASTRONOMYS

Galina S. Dorzhieva, Gao Jiango

*Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia;
galdor@yandex.ru; gao2023@mail.ru*

Abstract: The article considers the Chinese cuisine taste characteristics as an integral part of the national gastronomic art. Chinese culinary traditions have been formed for centuries, during which many culinary trends have appeared, thousands of different dishes have been created, differing in a variety of flavors. The number “eight” in Chinese numerology symbolizes prosperity and luck. The symbolism of the number “eight” is also used in Chinese cooking. The fundamental tastes of

national cuisine — Eight Immortal Tastes: Hom — Tom, Tim — Sin, Fu — Lot, Heong — Gum. Of these, there are five basic tastes: sour Sin, sweet Tim, bitter Fu, spicy Lot, salty Hom and three minor ones — tasteless (bland) Tom, fragrant Heong, golden Gum. Combining registers of flavors and their complex combination are the main characteristics of authentic Chinese cuisine.

Key words: cultural linguistics; intercultural communication; gastronomy; Chinese cuisine; taste registers; Eight Immortal Tastes: Hom (咸) — Tom (淡), Tim (甜) — Sin (酸), Fu (苦) — Lot (辣), Heong (香) — Gum (金黄)

For citation: Dorzhieva G.S., Gao Jiango (2022). Symphony of tastes or linguistic and cultural connotations of Chinese gastronomies. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 34–43. (In Russ.)

Гастрономический вкус является символическим разграничением любого человеческого общества как вне его, по сравнению с другими культурами, так и внутри социума, учитывая индивидуальные вкусы. Об этом свидетельствуют пословицы разных народов: рус. «На вкус и цвет товарища нет», фр. “Des goûts et des couleurs, on ne discute pas”, англ. “Tastes are not disputed”, кит. 臭味相投 xiùwèi xiāngtóu, сходиться во вкусах; одного поля ягода, два сапога пара). Подобно великим музыкальным сочинениям старых мастеров, древние китайские кулинарные рецепты представляют собой гармоничную смесь из различных продуктов и приправ. Блюда, приготовленные по этим рецептам искусными поварами, можно уподобить симфонии, исполненной под руководством вдохновенного дирижера. Известная пословица гласит: «Китайская кухня для желудка подобна европейской музыке для слуха».

Пищевой код, семиотика вкуса, гастрономический дискурс исследовались многими отечественными и зарубежными учеными: Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Р. Барт, П. Бурдьё, Ю.М. Лотман, А.Я. Гуревич, А.В. Павловская, Т.Ю. Загрязкина, Г.Г. Молчанова, З.Н. Афинская, А.И. Костяев, В.О. Пигулевский и др. Ф. Бродель писал: «... существует уровень жизни (это касается и пищи, и жилья, и одежды)», ниже которого человека ждет гибель [Бродель, 1994: 47]. Национальная кухня — это совокупность кулинарных традиций и практик, распространенных в определенном регионе. По справедливому замечанию А.В. Павловской, «национальная кухня является одним из наиболее определенных национальных признаков, долгие другие бытовых явлений сохраняя традиционные особенности и являясь одним из самых устойчивых признаков национальной идентичности [Павловская, 2016: 65]. С древности у каждого народа кулинарные традиции имели особое значение и первостепенной важностью об-

ладали именно вкусовые эстетические оценки и ощущения такие, как наслаждение или отвращение, острота или безвкусие.

Различают следующие регистры вкуса:

- физиологический вкус — ощущение сладкого, соленого, горького, кислого, острого;
- органолептический вкус предполагает помимо физиологического вкуса распознавание консистенций и аффектаций — сочного, однородного, волокнистого, нежного, крошливого и клейкого, терпкого, пряного, жгучего и охлаждающего;
- гастрономический вкус — способность воспринимать гармонии и дисгармонии кухни, привкусы и вкусоности, когда вкусовые ощущения дополняются ароматами, флейвор;
- эстетический вкус — способность к критическому суждению, пониманию и эмоциональной оценке явлений жизни с позиции прекрасного, способность судить о художественных ценностях¹.

Цель статьи — исследовать вкусовые характеристики китайской кухни в лингвокультурном аспекте. Кулинарные традиции Китая создавались столетиями и являются неотъемлемой частью национальной культуры.

Термин «гастроном» предполагает не только изучение названий национальных блюд, но и тесную связь с природно-географическими и климатическими особенностями среды обитания, а также историко-культурными и религиозными традициями питания различных народов в лингвокультурологическом и ономаσιологическом аспектах. Понятие «высокая кухня» обычно ассоциируется с изысканным и утонченным стилем французской кухни [Загряжкина, 2016: 165]. В наши дни термин «высокая кухня» не принадлежит какой-то конкретной стране и в более широком контексте подразумевает гастрономическое искусство. Китайская кухня с точки зрения высокой кухни должна отвечать главным параметрам: цвету, аромату (запаху) и вкусу. Самый важный из этих параметров — *вэй* (味 «вкус»). Возможно поэтому лакомства в китайском языке называют *мэй вэй* (美味 «красивые на вкус»). Как опера начинается с увертюры, так и китайская трапеза — с холодных блюд. Обычно подаются самое меньшее четыре разных блюда — нарезанные тонкими ломтиками говядина, креветки, свинина, рыба, утка и курица; маринованные грибы, огурцы и капуста; жареный арахис и засахаренные грецкие орехи; тысячелетние яйца; тофу и пшеничная клейковина в различных формах; миниатюрные пирожные, пирожки и булочки. Иногда все перечисленные яства искусный повар

¹ См.: *Пигулевский В.О.* Вкушение и трапеза // Гуманитарий Юга России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vkushenie-i-trapeza> (дата обращения: 03.09.2021).

соединяет в одно изысканное блюдо, выложенное в форме бабочки, птицы-феникс, дракона, фонарика или корзины цветов. Все продукты отличаются отменным вкусом, их вид призван прежде всего возбуждать у гостя аппетит.

Китайская кухня апеллирует к эстетическому опыту не только как сочетанию ароматов и вкусов, терпких соусов и маслянистых приправ, цветовых комбинаций, но также контрасту консистенций, сочетанию хрустящих и сочных овощей в блюдах. Юань Мэй (Yuán Méi, 1716–1797), великий китайский поэт и ученый династии Цин, писал: «Между вкушением и обычной едой существует разница. Вкушение — это искусство, когда вы услаждаете свое небо, вкушая пищу так, чтобы насладиться ею с наибольшей полнотой, а не только утолить свой голод. Вот это, друг мой, и называется вкушением»². Возможно, именно этим фактором объясняется чрезвычайная популярность китайской кухни во всем мире.

Гастрономическое искусство Китая развивалось в сторону возрастания сложности концепции и максимальной простоты результата. Понятие «китайская кухня» включает несколько основных направлений, которые отличаются друг от друга как продуктами, соусами и специями, так и технологией приготовления пищи. Кроме того, в Китае выделяется более широкое многообразие вкусовых оттенков нежели в европейской кухне: есть такие понятия, как пресный, золотой, вызывающий онемение сычуанский острый и другие вкусы. Истинное кулинарное искусство начинается с приправ, которые подчеркивают лучшие вкусовые качества блюда и заглушают нежелательные запахи.

На языке насчитывается от двух до десяти тысяч вкусовых рецепторов, которые помогают человеку быстро распознать несъедобные продукты и избежать отравлений, повреждений пищеварительного тракта. Кончик языка — самая чувствительная часть нашего тела. Благодаря находящимся в его слизистой оболочке специфическим нервным окончаниям язык является и органом вкуса и осязания³.

Традиционно было принято считать, что сладкий и соленый вкусы воспринимаются преимущественно кончиком языка, кислый — его боками, горький — средней частью спинки языка [Медников, 1994: 368]. Тем не менее имеющиеся к настоящему моменту молекулярные и функциональные данные показывают, что все вкусовые рецепторы распределены по всей поверхности языка и отличаются лишь плотностью своего распределения [Зильбернагель, Деспопулос, 2013: 350]. Ученые пришли к выводу, что никакой «кар-

² Китайская кухня. М., 2002. С. 17.

³ Язык. Строение языка. Мышцы языка. Иннервация, кровоснабжение языка. Пищеварительная система (SYSTEMA DIGESTORIUM) — верхние отделы. URL: <https://meduniver.com/Medical/Anatom/142.html> (дата обращения: 03.09.2021).

ты языка» не существует, вопреки ошибочным популярным представлениям [Chandrashekar, etc., 2006: 288].

На рубеже XX–XXI вв. выявлен пятый тип рецепторов вкуса, отвечающий за восприятие «мясного» вкуса (умами) [Beauchamp, 2009: 723–727]. Этот термин заимствован из японского языка и обозначает специфический привкус, свойственный высокобелковой пище. Говорят, впервые о существовании вкуса умами говорил еще в XVI в. французский придворный врач и астроном Жан Франсуа Фернель. Но его теория в те времена не получила признания. Во второй раз о существовании белкового вкуса заговорили в начале XX в. Это был японский химик Кикунэ Икеда. Ему удалось экстрагировать из морских водорослей вещество «аминокислота глутамат». В обычной речи его стали называть «вкусом мяса» или «умами», т.е. вкус приятной пищи.

Но войны начала XX в. приостановили исследования в этой области и только спустя 100 лет, в 2000 г., ученые приняли теорию существования пятого вкуса — умами «аппетитный». Естественный глутамат содержится во многих продуктах: пармезане, рокфоре, грецких орехах, соевом соусе, термически обработанном мясе. Некоторые утверждают, что умами — это сочетание сразу всех вкусов. Во всем мире его используют как усилитель вкуса, глутамат известен потребителю в качестве добавки E621. В 2015 г. были опубликованы результаты исследования, показавшего, что вкус неэтерифицированных жирных кислот («масляный вкус») совершенно отличен от пяти других вкусов, хотя между этим вкусом и умами обнаружилось некоторое перекрывание. Короткоцепочечные жирные кислоты имеют вкус, сходный с кислым, однако при увеличении длины ацильной цепи вкус кислоты становится всё более «масляным» [Running, etc., 2015: 507–516]. По мнению гурманов, самыми умами композициями являются сыр и кабачки, рыбный суп и куриный бульон, сыр с помидорами и грибами.

Предполагается, что в ходе эволюции высокая чувствительность к горечи развилась как средство избегать ядов (многие вещества, воспринимаемые как горькие, ядовитые), а к сладости — для детектирования высокоэнергетических продуктов [Романов, 2014: 3–10]. Рецепторы, реагирующие на сладкий и горький вкус, а также умами, метаболитные и связаны с G-белками. Например, у человека имеется свыше 30 типов рецепторов горького вкуса, но только один — для умами и один — для сладкого.

В некоторых источниках в качестве отдельного вкуса выделяют вкус воды. Показано, что смешанная ветвь лицевого нерва млекопитающих содержит волокна, реагирующие на попадание воды на язык. Однако субъективно «вкус» воды воспринимается по-разному

в зависимости от того, какое вкусовое ощущение ему предшествовало. Так, после действия хинина или лимонной кислоты вкус воды оценивается как сладкий, а после поваренной соли или сахарозы — как горький. Возможно, между рецепторами воды и вышеупомянутых вкусовых ощущений есть взаимодействие [Смит, 2013: 241–242].

Способность различать вкусы зависит не только от сосочков на языке, но и от работоспособности обоняния. В верхней части носа есть специфические клетки, которые воспринимают запах пищи. И если он подозрительный, мозг подталкивает нас не дегустировать продукт. Кроме того, именно ольфакторные признаки отвечают за распознавание некоторых вкусов. Как известно, пища может быть вяжущей, острой, терпкой. И эти вкусовые разновидности распознают вовсе не рецепторы на поверхности языка, а именно нос⁴.

Представление китайцев о гармонии в еде базируется на восьми основополагающих вкусах — «вкусовой октаве». Число восемь в китайской нумерологии — счастливое, так как символизирует достаток и удачу. Оно часто фигурирует в литературе, фольклоре и в обыденной жизни китайцев. Предметы, обладающие волшебным свойством, именуются Восемь сокровищ. В буддизме существует восемь особо значимых символов, имеющих отношение к Будде. В истории китайской литературы известны Восемь Бессмертных Поэтов китайского золотого века поэзии. Во множестве географических названий Древнего Китая звучит это число; например, в окрестностях Пекина есть Холм Восьми сокровищ (八宝山 Бабаошань), мост Бацзы (八字桥 букв. «восемь символов») в провинции Фуцзянь (форма моста похожа на китайский иероглиф “八” (“восемь”)), район Багуншань (八公山区) в провинции Аньхой.

В Поднебесной империи торжественный обед всегда накрывался на традиционных квадратных столах, где сидели восемь гостей. Такие столы именовались Столами Восьми Бессмертных. Ритуальное число «восемь» применяется и в китайской кулинарии. При составлении меню праздничного обеда в китайском стиле учитываются как можно больше из восьми основополагающих вкусов, чтобы они доставляли удовольствие истинным гурманам. Набор кушаний должен представлять разные способы приготовления блюд, разную фактуру продуктов и, разумеется, Восемь Бессмертных Вкусов: Хом — Том, Тим — Син, Фу — Лот, Хеонг — Гум⁵.

Хом (咸) — соленый. Китайцы различают множество оттенков соленого вкуса, учитывая и фактуру продукта, от соленой копченой рыбы до соленых консервированных яиц. Китайцы часто сушат и

⁴ Зачем нам уметь различать вкусы. Food, Health. URL:<https://foodandhealth.ru/info/zachem-razlichat-vkusy>. (дата обращения: 28.09.2021).

⁵ Китайская кухня. М., 2002. С. 110–117.

засаливают птицу, изобретая такие деликатесы, как соленая копченая утка, которая подается к столу вместе с блюдом из риса.

Том (淡) — безвкусный, пресный. Таков вкус вареного риса. У белого хлеба различим чуть заметный вкус «выпечки», хотя хлеб в целом тоже безвкусный. Для китайцев «безвкусный» — это прежде всего «несоленный». Несмотря на свой пресный вкус, рис обладает своим собственным ароматом, немного похожим на свежий хлеб, но более смягченным благодаря увлажняющим свойствам пара. Гурманы считают, что пресный на вкус рис тоже способен нежить вкусовые рецепторы нашего языка. Его пресность сливается со вкусовыми оттенками других блюд. К тому же рис очищает небо, подготавливая его для восприятия нового вкусового оттенка, чтобы гость мог беспрепятственно смаковать все восемь вкусов.

Тим (甜) — сладкий. Насчитывается много степеней сладости. Однако термин «Тим» не означает сладость сиропа. Китаец может восхититься вкусом корней лотоса и супом из каракатицы и воскликнуть: «Какой он восхитительно сладкий!», имея в виду еле различимую природную сладость продукта, не всегда заметную европейцу.

Син (酸) — кислый. «Син» присутствует во многих блюдах китайской кухни, особенно в знаменитом сочетании «кисло-сладкий» — таковы, например, свинина с ананасом, рис с уксусными свиными ножками, утка с миндалем, маринованная зелень горчичного растения с почками. Излюбленное домашнее блюдо китайцев — маринованные ростки бамбука с тонкими ломтиками говядины.

Фу (苦) — горький. Этот вкусовой оттенок — только не слишком горький — целиком принадлежит китайской кухне. Еле заметной горчинкой обладает горькая дыня (Foo Gwa), а также некоторые травы, применяющиеся в кулинарии. В суп кладут листья горчицы, чтобы придать ему легкую горечь.

Лот (辣) — жгучий. Это относится к перцу чили и горчице, которые часто добавляются к кушаньям, и не только к мясным. Это пикантный имбирный корень, сушеная капуста, кубики жареной свинины, сушеные креветки и жгучий зеленый перец чили.

Хеонг (香) — ароматный. Этот термин относится к приятной реакции органа обоняния, которая сама по себе больше, чем вкусовое ощущение. Ее неуловимый характер можно пояснить только примером. Классически простое блюдо — сердцевинки китайского мангольда, правильно поджаренные с перемешиванием, с добавлением только растительного масла и соли, обладает “wok hay”, или «ароматом сковороды», восхитительным для гурманов. Это означает, что овощи свежие, сковорода очень горячая, а пропорции масла и соли безупречные. Важно и то, что овощи в готовом блюде не утрачивают свой природный цвет.

Гум (金黃) — золотой, как кожура лимона. «Кум» или «гум» означает «золотой». В Китае растет плод кумкват, похожий на оливки. Вкус, обозначаемый словом «гум», означает сходство с кумкватом, поэтому гурман наслаждается «золотым» вкусом, уловив такое сходство. Как и «фу», этот вкус тоже можно считать типично китайским. Послевкусие, остающееся от артишока, передает идентичное ощущение сладковатого и едкого холодка, которое сохраняется на вкусовых рецепторах языка. У знаменитых китайских тысячелетних яиц тоже «золотой» вкус — «гум».

Китайский гурман, придя в новый для него ресторан, закажет прежде всего жаренные с перемешиванием сердцевинки китайского мангольда (Yow Yin Sboy Sum). Это классический пример того, как это блюдо, кажущееся обманчиво простым, затрагивает все пять чувств человека: **ЗРЕНИЕ** — овощи должны выглядеть аппетитными — зелеными и твердыми; **ОБОНЯНИЕ** — они должны сохранять свежий аромат и «запах свковороды»; **ВКУС** — мангольд должен быть не слишком соленым и не слишком пресным и не утрачивать природную «сладость» овощей; **ОСЯЗАНИЕ** — овощи должны быть очень горячими, дымиться; **СЛУХ** — пережевывая кусочек мангольда, гурман должен слышать его хруст. Об искусстве повара этого ресторана гурман может судить по тому, как приготовлено это блюдо, выдержит ли оно этот тест пяти органов чувств. Если тест окажется успешным, гурман закажет в этом ресторане и другие блюда — из мяса, птицы или морепродуктов.

В Китае искусный повар умеет правильно сочетать между собой пять базовых вкусов: кислый, сладкий, горький, острый и соленый. В блюдах можно делать акцент на каждый из вкусов по отдельности или комбинировать их, создавая более сложные сочетания: «перечная соль» (椒盐); «душистый острый» (香辣); «кисло-острый» (酸辣); «кисло-сладкий» (酸甜); «кисло-сладко-острый» (酸甜辣); юйсян (鱼香) классическая сладко-острая китайская приправа, в которую добавляют лук-порей, чеснок, имбирь, сахар, соль, перец чили; «со странным ароматом» (浓香) — таким ароматом обладают многие деликатесы; «острый и вызывающий онемение» (麻辣) — популярный вкус традиционной китайской кухни, сочетание остроты красного перца и легкого онемения от сычуаньского; и многие другие⁶. Китайские кулинарные традиции создавались веками и известны во всем мире. За столь долгий период в Китае появилось множество кулинарных направлений, созданы тысячи разных блюд. Во многих странах существует неверное представление о китайских блюдах и

⁶ Юй Пэн, Цзяо Юймэй. Китайская кухня в рецептах и историях / Пер. с кит. М.А. Беляевой. М., 2020. С. 6.

кулинарной культуре. За рубежом аутентичную китайскую кухню попробовать не всегда удастся, т.к. зачастую она адаптирована к вкусам своих клиентов, которые не любят острые, кисло-сладкие и прочие типично китайские блюда. В ресторанах Маньчжурии, где до пандемии поток российских туристов был высок, учитываются их вкусовые предпочтения «бу ла дэ» (不辣的), что в переводе с китайского означает «неострый».

Современные межнациональные культурно-языковые контакты требуют знания и соблюдения этикетных правил поведения с представителями другой культуры, перцептивную способность постигать иную ментальность и осмысливать информацию, затрагивающую любые стороны жизни носителей языка. В последние десятилетия российско-китайские отношения характеризуются активными связями на всех уровнях. Для успешного взаимодействия с носителями китайского языка необходимы знания лингвокультурных моделей сознания и поведения, маркированные особой национально-культурной спецификой. Китайская кухня — уникальное явление в истории человечества. Это один из ведущих концептов национальной концептосферы, восходящий к вербально-ассоциативной сети языка, который создает культурологический, социально-исторический и ценностный фон тезаурусного уровня языковой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афинская З.Н.* Питание как объект когнитивных исследований // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира: Материалы V межд. научно-практич. симпозиума. М., 2021. С. 53–57.
2. *Барт Р.* К психосоциологии современного питания // Барт Р. Система моды. М., 2003. С. 368.
3. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история. М., 1994.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Повседневное и эксклюзивное в культуре и языке французской кухни // История еды и традиции питания народов мира: Материалы II Межд. симпозиума. Вып. 2. М., 2016. С. 64–75.
5. *Зильбернагль С., Деспотулос А.* Наглядная физиология. М., 2013.
6. *Лотман Ю.М., Погосян Е.А.* Великосветские обеды. СПб., 1996. С. 5, 41, 74.
7. *Медников Б.М.* Биология: формы и уровни жизни. М., 1994.
8. *Павловская А.В.* Понятие национальной кухни: к теории вопроса // История еды и традиции питания народов мира: Материалы II Межд. симпозиума. Вып. 2. М., 2016. С. 64–75.
9. *Романов Р.А.* Клеточные механизмы восприятия вкуса // Природа. 2014. № 8. С. 3–10.
10. *Смит К.Ю. М.* Биология сенсорных систем. М., 2013.
11. *Beauchamp G.K.* Sensory and receptor responses to umami: an overview of pioneering work // The American Journal of Clinical Nutrition. 2009. Vol. 90. № 3. P. 723–727.
12. *Running C.A., Craig B.A., Mattes R.D.* Oleogustus: The Unique Taste of Fat // Chemical senses. 2015. Vol. 40. № 7. P. 507–516.
13. *Chandrashekar J., Hoon M.A., Ryba N.J.P., Zuker C.S.* The receptors and cells for mammalian taste // Nature. 2006. Vol. 444. № 7117. P. 288–294.

REFERENCES

1. Afinskaya Z.N. 2021. Pitanie kak ob`ekt kognitivny`x issledovanij. In *Tradicionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istorija edy` i tradicii pitaniya narodov mira: mat-ly` V mezhd. nauchno-prakt. simpoz.* Moscow, Novoe vremya, pp. 53–57. (In Russ.)
2. Bart R.K. 2003. *Psixosociologii sovremennogo pitaniya.* In Bart R. *Sistema mody`.* Moscow. (In Russ.)
3. Brodel' F. 1994. *Chto takoe Franciya? Kn. 1. Prostranstvo i istoriya.* Moscow. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2016. Povsednevnoe i e`sklyuzivnoe v kul'ture i yazy`ke francuzskoj kuchni. *Istorija edy` i tradicii pitaniya narodov mira // mat-ly` II mezhd. simpoz.* Moscow, no. 2, pp. 64–75. (In Russ.)
5. Zil'bernagl' S., Despopulos A. 2013. *Naglyadnaya fiziologiya.* Moscow, Binom. Laboratoriya znaniy. (In Russ.)
6. Lotman Yu.M., Pogosyan E.A. 1996. *Velikosvetskie obedы`.* Saint-Petersbourg, pp. 5, 41, 74. (In Russ.)
7. Mednikov B.M. 1994. *Biologiya: formy` i urovni zhizni.* Moscow, Prosveshhenie. (In Russ.)
8. Pavlovskaya A.V. 2016. Ponyatie nacional`noj kuchni: k teorii vopros [The concept of national cuisine: a question to the theory]. *Istorija edy` i tradicii pitaniya narodov mira: mat-ly` II mezhd. simpoz.* Moscow, no. 2, pp. 64–75. (In Russ.)
9. Romanov R.A. 2014. Kletochny`e mexanizmy` vospriyatiya vkusa. *Priroda: zhurn,* no. 8, pp. 3–10. (In Russ.)
10. Smit K.Yu.M. 2013. *Biologiya sensoryny`x sistem.* Moscow, Binom. Laboratoriya znaniy. (In Russ.)
11. Beauchamp G.K. 2009. Sensory and receptor responses to umami: an overview of pioneering work. *The American Journal of Clinical Nutrition,* vol. 90, no. 3, pp. 723–727.
12. Running C.A., Craig B.A., Mattes R.D. 2015. Oleogustus: The Unique Taste of Fat. *Chemical senses,* vol. 40, no. 7, pp. 507–516.
13. Chandrashekar J., Hoon M.A., Ryba N.J.P., Zuker C.S. 2006. The receptors and cells for mammalian taste. *Nature,* vol. 444, no. 7117, pp. 288–294.

Статья поступила в редакцию 24.11.2021;
одобрена после рецензирования 21.12.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 24.11.2021;
approved after reviewing 21.12.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Доржиева Галина Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор, Бурятский государственный университет; galdor@yandex.ru
Гао Цзяньго — аспирант кафедры немецкого и французского языков, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова; gao2023@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Galina S. Dorzhieva — Dr.habil in Philology, Professor, Professor of Department of the German and French languages, Banzarov Buryat State University; galdor@yandex.ru
Gao Jiango — Postgraduate student of the Department of German and French languages, Banzarov Buryat State University; gao2023@mail.ru

РЕАЛИСТИЧНАЯ АНТИУТОПИЯ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ РЕАЛИЙ ВЫМЫШЛЕННОГО МИРА

Х.У. Юсупов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; khalid.iusupov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос передачи реалий вымышленного мира, мотивированных невыдуманными лексическими единицами. Реалии вымышленного мира понимаются как лексические единицы, называющие предметы, понятия и явления, характерные для фантастического мира. Выдвигается предположение о наличии связи между степенью реалистичности изображаемого мира и количеством реалий, мотивированных невыдуманными лексическими единицами, присутствующих в тексте произведения. Мотивированность невыдуманными лексическими единицами, в свою очередь, рассматривается как условие, при котором становится возможной передача вымышленной реалии при помощи подбора готовых соответствий. Тем не менее принципиальная возможность передачи данного вида реалий вымышленного мира при помощи подбора готовых соответствий не упрощает задачу переводчика. Напротив, данное обстоятельство может выступать в качестве препятствия, поскольку вариант перевода, лежащий на поверхности, не всегда оказывается наиболее удачным. Для удачного перевода вымышленных реалий данного вида переводчику по-прежнему необходимо четко осознавать роль конкретной реалии в контексте произведения. В качестве материала исследования используется роман К. Исигуро «Не отпускай меня», который можно рассматривать как пример реалистичной антиутопии.

Ключевые слова: реалии; реалии вымышленного мира; квазиреалии; перевод; антиутопия

Для цитирования: Юсупов Х.У. Реалистичная антиутопия: к вопросу о передаче реалий вымышленного мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 44–51.

REALISTIC DYSTOPIA: TRANSLATING FICTIONAL REALIA KHALID U. YUSUPOV

Khalid U. Yusupov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; khalid.iusupov@yandex.ru

Abstract: The article discusses the translation of fictional realia motivated by non-fictional lexical units (as opposed to neologisms coined by writers of fiction).

Fictional realia are understood as a special kind of lexical units that denote objects, concepts, and phenomena specific to a fictional world. The article attempts to draw connections between the degree of realism of a fictional world and the number of fictional realia motivated by non-fictional lexical units that are present in the text. Motivation by non-fictional lexical units is seen as a condition which makes it possible to translate fictional realia using ready-made equivalents. However, it is argued that the possibility to translate realia using the aforementioned equivalents does not make the translator's task any easier. Conversely, this condition can present an obstacle, since the most obvious translation is not necessarily the most precise one. Translation of this kind of fictional realia involves a deep understanding of the role that a particular unit plays in the context of its fictional world. "Never Let Me Go" by Kazuo Ishiguro, which can be considered an example of a realistic dystopian novel, is used as the material for the study.

Key words: realia; fictional realia; quasi-realialia; translation; dystopia

For citation: Yusupov Kh.U. (2022) Realistic dystopia: translating fictional realia. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 44–51. (In Russ.)

Одной из основных проблем перевода является передача безэквивалентной лексики — лексических единиц, не имеющих эквивалентов в языке и культуре перевода. Прежде всего к данному типу лексики относятся слова, служащие для обозначения предметов, понятий и явлений, характерных только для данного языкового коллектива. В лингвистике для наименования слов, называющих данные предметы, понятия и явления, используется термин «реалия».

Согласно определению данного термина, предложенному С. Влаховым и С. Флориным, реалии — это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин, 1980: 47]. Таким образом, передача реалий сопряжена с двумя основными трудностями: с одной стороны, с отсутствием в языке перевода готового соответствия, обусловленного отсутствием в культуре языка перевода референта, стоящего за реалией, а с другой — с необходимостью сохранения национального и исторического колорита реалии.

Можно утверждать, что именно в данном виде лексики связь языка и культуры ощущается наиболее отчетливо. Говоря о влиянии культуры на язык, В.В. Шмелькова отмечает, что «в любой момент развития культуры язык полностью и адекватно отражает ее»

[Шмелькова, 2009: 162]. Так, лингвистические реалии-слова фиксирует в языке свои прототипы, реалии-предметы.

Обращаясь к фантастическим произведениям, мы обнаруживаем, что описываемые в них миры наполнены различными объектами и феноменами, характерными только для данного мира. Лексические единицы, служащие для обозначения данных объектов и феноменов, можно рассматривать как отдельный вид реалий, функционирующий в рамках жанра фантастики. В отечественной традиции данный тип реалий преимущественно обозначается двумя терминами: «реалия вымышленного мира» и «квазиреалия». Ю.Е. Тараканова определяет квазиреалии как «слова (словосочетания), связанные с тематикой научно-фантастических произведений, с описанием теоретически возможных, но не осуществленных в настоящее время, решений научных или технических проблем, с описанием элементов окружающей среды вымышленного мира» [Тараканова, 2009: 295]. Е.М. Божко, в свою очередь, понимает квазиреалии как «единицы квазикультуры или квазиэтнуса, описываемых в произведениях жанра фэнтези» [Божко, 2011: 189].

Таким образом, реалии вымышленного мира, или квазиреалии, служат для наименования предметов, понятий и явлений, характерных для мира фантастического произведения. Будучи реалиями, данный тип лексических единиц наследует все трудности перевода, упомянутые выше: отсутствие в реальности референта, стоящего за вымышленной реалией, а также необходимость сохранения фантастического колорита. Остается актуальной и проблема переводческой асимметрии, которая, как отмечают Т.В. Тарасенко и Э.Ф. Керо Хервилья, обусловлена «актуализированными связями в самом тексте, когда в переводе на уровне лексем появляются добавления или опущения семантических компонентов оригинала, а с другой — различиями культур, участвующих в процессе перевода» [Тарасенко, Керо Хервилья, 2016: 15]. Также важно учитывать реципиента перевода, выступающего в качестве адресата коммуникации. Как отмечает Г.Г. Молчанова, «в переводе важно осознание адресованности коммуникации», при этом «выбор типа перевода определяется различием в социокоммуникативной ситуации» [Молчанова, 2016: 11].

Данный вид реалий можно разделить на две большие группы:

1. Реалии-неологизмы — реалии, представляющие собой изобретение автора: авторский неологизм или окказионализм (numerator, speakwrite, telescreen, doublethink, feelies и т.д.). Будучи неологизмами, называющими предметы, понятия и явления, зачастую не имеющие аналогов в реальности, данный тип реалий воспринимается более фантастическим и чужеродным. Связь данного вида реалий вымышленного мира с объективной реальностью прослежи-

вается менее отчетливо. Как следствие, данный тип реалии обладает более сильной фантастической окраской. Воздействие данного вида реалий на читателя можно сравнить с воздействием реалий другой культуры. При передаче данного вида реалий, как правило, применяются такие способы перевода, как калькирование, транскрибирование, транслитерирование и т.д.;

2. Реалии, мотивированные невыдуманными лексическими единицами (Ministry of Truth, Victory Mansions, благодетель, Gamma Gazette). Оставаясь плодом воображения автора, данные реалии по-прежнему могут описывать предметы, понятия и явления, не имеющее аналогов в реальности, но связь с реальностью в них прослеживается более отчетливо, поскольку компоненты данного вида реалий представляют собой невыдуманные лексические единицы. Если сравнить данный тип реалий вымышленного мира с реалиями-неологизмами, мы обнаружим, что благодаря своей структуре данный тип реалий как бы эксплицирует обозначаемый референт, делает его более доступным и понятным. Это можно пронаблюдать на примере реалий “Ministry of Peace” и “Minipax” из романа Дж. Оруэлла «1984»: данные реалии обозначают один и тот же референт, однако первая реалия оказывается более доступной для интерпретации в силу своей мотивированности реальными лексическими единицами (мы как минимум понимаем, что речь идет о некоем министерстве), в то время как значение второй реалии трудно понять без дополнительного контекста. Как правило, данный тип реалий вымышленного мира поддается переводу при помощи подбора тех или иных готовых соответствий (или для реалии целиком, или для ее компонентов, если реалия представляет собой словосочетание).

Можно предположить, что чем более реалистичен мир анализируемого произведения, тем больше в нем реалий вымышленного мира второго типа, и тем менее остро стоит проблема перевода данных реалий. Обратимся к роману К. Исигуро «Не отпускай меня». Если сравнить данный роман с такими произведениями, как «1984» Дж. Оруэлла и «О дивный новый мир» О. Хаксли, мы обнаружим, что описываемый в нем мир изображен максимально приближенным к реальности: единственное, что отличает его от реального мира, — это наличие развитой технологии клонирования людей. Фантастика как прием в данном случае задействована в меньшей степени, нежели в вышеуказанных романах. При этом важно отметить, что произведение фокусируется не на изображении фантастического антиутопического мира как такового, а на переживаниях главной героини: на истории ее взросления, дружбы, любви, разочарования и т.д. Как отмечает В. Лу, «данный роман также называют реали-

стическим именно благодаря реалистичному изображению персонажей и мира: романом о душевных поисках, дружбе, любовном треугольнике и истории взросления трех главных персонажей» [Ли, 2020: 703]. Хотя роман и затрагивает фундаментальные вопросы о природе человека, мы считаем возможным утверждать, что антиутопия в данном случае выступает как бы фоном для разворачивающихся событий.

Методом сплошной выборки в изучаемом романе было отобрано 56 вымышленных реалий. Было обнаружено, что все отобранные реалии мотивированы невыдуманными лексическими единицами. Как следствие, можно предположить, что большая часть данных реалий может быть передана при помощи подбора готовых соответствий. Действительно, анализ использованных способов перевода показал, что передаче при помощи подбора вариантного соответствия подверглось 39 реалий (69,6% от общего числа). Среди них мы обнаруживаем такие реалии, как “donor” (донор), “clone” (клон), “recovery centre” (центр реабилитации), “guardian” (опекун), “Juniors” (младшие классы), “Seniors” (старшие классы), “Madame” (Мадам), “Gallery” (Галерея), “to complete” (завершить), “deferral” (отсрочка) и т.д. Однако нельзя оставить без внимания оставшиеся 30,4% реалий. Именно данные случаи показывают, что перевод реалий вымышленного мира все же требует особого подхода, независимо от степени мотивированности реалии невыдуманными лексическими единицами. Мы сфокусируем внимание на нескольких примерах, представляющих наибольший интерес.

“Donation” — ключевая реалия романа «Не отпускай меня». В мире К. Исигуро все клоны создаются с одной единственной целью: стать донорами органов. Несмотря на то что перевод данного слова лежит на поверхности (акт донорства, донорство, дар, пожертвование и т.д.), переводчик романа применяет модуляцию и передает данную лексическую единицу словом «выемка» (донорство → изъятие органов → выемка). Данное решение оправдано контекстом произведения: выемка — это недобровольное мероприятие. В этом заключается основная трагедия романа: неминуемость выемки преследует главную героиню и ее друзей на протяжении всего повествования. При этом нельзя сказать, что вышеуказанные варианты перевода были бы менее точными, поскольку автор использует именно слово “donation”. По-видимому, в данном случае рассуждение о «правильности» или «неправильности» предложенных вариантов перевода оказывается нецелесообразным. Можно лишь утверждать, что перед переводчиком стоит непростой выбор: либо следовать букве оригинала, либо попытаться эксплицировать авторский посыл, который проходит красной нитью через все про-

изведение, тем самым продемонстрировав свое тонкое понимание оригинала.

Как правило, процедура выемки представляет собой длительный процесс: она продолжается до тех пор, пока клон не погибнет. Между операциями клонам дают время на непродолжительную реабилитацию. В это время за данными клонами ухаживают другие специально обученные клоны. Для обозначения данных клонов К. Исигуро использует слово “carer” (сиделка; лицо, осуществляющее уход за больным, ребенком, инвалидом и т.д.). Передавая данную реалию на русский язык, переводчик применяет генерализацию и вводит в текст перевода слово «помощник». Данное решение оправдано контекстом произведения: должность “carer” могут занимать клоны обоих полов, в то время как слово «сиделка» является гендерно окрашенным. Данный вариант перевода оказывается более удачным с точки зрения инклюзивности и позволяет избежать введения громоздких конструкций по типу «мужчина-сиделка», «женщина-сиделка», «лицо, осуществлявшее уход» и т.д.

Улучшение отношения общественности к клонам привело к созданию специальных школ, практикующих гуманные методы воспитания клонов. В одной из таких школ, Хейлшеме (Hailsham), обучается главная героиня романа. Каждую весну школа организует мероприятие под названием “Spring Exchange”, в ходе которого ученики продают друг другу свои рисунки, стихи и поделки за специальные жетоны, которые в дальнейшем можно обменять на предметы из внешнего мира. Слово “exchange” в данном контексте можно трактовать двояко: либо как «обмен», либо как «биржа». Однако переводчик отходит от данных вариантов перевода и вводит контекстуальную замену — «ярмарка». Данное решение оправдано тем, что вариант перевода «биржа» скорее связан с миром финансов и профессионального бизнеса, а слово «обмен» не в полной мере раскрывает суть описываемого мероприятия (речь идет об операциях по купле-продаже, а не о простом обмене). Ко всему прочему, ярмарки имеют сезонный характер, как и описываемое мероприятие.

Каждую неделю ученики школы проходят медицинский осмотр, который проводит медсестра по кличке “Crow Face”. Столкнувшись с подобным словосочетанием в первый раз, переводчик, скорее всего, калькирует его: «воронье лицо», «лицо вороны». Несмотря на то что слово «лицо» не используется применительно к птицам, данный вариант перевода, в целом, можно назвать приемлемым, поскольку он достаточно точно передает замысел автора: лицо медсестры напоминает воронью голову. Однако в качестве клички данный вариант перевода выглядит слишком громоздко. В связи с этим переводчик романа применяет модуляцию и передает исходную

лексическую единицу словом «клювастая» (воронье лицо → длинный нос, похожий на клюв → клювастая). Получившийся вариант перевода в большей степени походит на кличку благодаря своей лаконичности и элементу просторечья.

Разобрав вышеприведенные примеры, мы считаем возможным заключить, что передача реалий вымышленного мира — это непростая задача, независимо от мотивированности вымышленной реалии невыдуманскими лексическими единицами. Напротив, можно утверждать, что данная проблема встает наиболее остро, когда у переводчика появляется возможность работать с готовыми соответствиями: несмотря на то, что в ряде случаев перевод вымышленной реалии действительно лежит на поверхности, переводчику каждый раз необходимо вникать в контекст произведения, четко осознавать специфику вымышленной реалии, ее инаковость, а также роль, которую она выполняет в произведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Божко Е.М.* Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя // Научно-технические ведомости СПбГПУ, Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3. С. 188–191.
2. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
3. *Молчанова Г.Г.* Кто боится Гирта Хофстеде? Преподавание межкультурной коммуникации и перевода в условиях нарастающей культурной гибридности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 9–16.
4. *Тараканова Ю.Е.* Квазиреалии как лексический элемент научно-фантастического текста на примере перевода рассказа «Февраль 1999: Илла» Рэя Брэдбери на русский язык // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. 2007. № 1. С. 294–299.
5. *Тарасенко Т.В., Керо Хервилья Э.Ф.* Повседневная культура и ее элементы в художественном и переводном тексте (на материале переводов на испанский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 14–26.
6. *Шмелькова В.В.* Отражение в лексике русского языка динамики развития русской культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 161–167.
7. *Lu W.* Sci-fi realism and the allegory of dystopia: with Kazuo Ishiguro's *Never Let Me Go* as an example // *Comparative Literature Studies*. 2020. Vol. 57. No. 4. P. 702–714.

REFERENCES

1. *Bozhko E.M.* 2011. *Kvazirealii mira fentezi, ikh klassifikatsiya i rol' v vozdeistvii teksta perevoda na poluchatelya* [Quasi-reals of the fantasy world, their classification and role in influence of the target text on the recipient]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*, no. 3, pp. 188–191. (In Russ.)

2. Vlahov S., Florin S. 1980. *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
3. Molchanova G.G. 2016. Kto boitsya Girta Khofstede? Prepodavanie mezhkul'turnoi kommunikatsii i perevoda v usloviyakh narastayushchei kul'turnoi gibridnosti [Who is afraid of Geert Hofstede? Teaching intercultural communication and translation in the context of growing cultural hybridity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–16. (In Russ.)
4. Tarakanova Y.E. 2007. Kvazirealii kak leksicheskii element nauchno-fantasticheskogo teksta na primere perevoda rasskaza “Fevral’ 1999: Illa” Reya Bredberi na russkii yazyk [Quasirealia as a lexical element of a science-fiction text based on the Russian translation of the Ray Bradbury’s story “February 1999: Ylla”]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, no. 1, pp. 294–299. (In Russ.)
5. Tarasenko T.V., Quero Gervilla E.F. 2016. Povsednevnyaya kul'tura i ee elementy v khudozhestvennom i perevodnom tekste (na materiale perevodov na ispanskii yazyk romana M. A. Bulgakova “Master i Margarita”) [Elements of everyday culture in literature and translated texts (based on the translations of the Master and Margarita novel by Mikhail Bulgakov)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 14–26. (In Russ.)
6. Shmelkova T.T. 2009. Otrazhenie v leksike russkogo yazyka dinamiki razvitiya russkoi kul'tury [The dynamics of Russian culture as reflected in the lexicon of the Russian language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 161–167. (In Russ.)
7. Lu W. 2020. Sci-fi realism and the allegory of dystopia: with Kazuo Ishiguro’s Never Let Me Go as an example. *Comparative Literature Studies*, vol. 57, no. 4, pp. 702–714.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 28.09.2021; approved after reviewing 28.10.2021;
accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Юсупов Халид Умалтович — аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; khalid.iusupov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Khalid U. Yusupov — Postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; khalid.iusupov@yandex.ru

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

ФРАНЦУЗСКИЕ ГЛАСНЫЕ ДВОЙНОГО ТЕМБРА: ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ С МЕТОДИЧЕСКИМ КОММЕНТАРИЕМ

Г.И. Бубнова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; gboubnova@mail.ru*

Аннотация: Гласные двойного тембра представлены двумя сериями звуков: полузакрытые /e/ ~ /ø/ ~ /o/ и полуоткрытые /ɛ/ ~ /œ/ ~ /ɔ/. По сравнению с другими гласными французского языка, они характеризуются значительной вариативностью, которая объясняется несколькими факторами. Один из них называется *loi de position* или закон позиции в закрытом/открытом слоге. Это значит, что полузакрытые гласные произносятся преимущественно в открытом слоге, а полуоткрытые — в закрытом.

Реализация закона позиции в ударном слоге, несмотря на существующие фонологические ограничения, получает в современном узусе все большее распространение. Эта тенденция дает основание рассматривать фонемы, составляющие оппозиции /e/ ~ /ɛ/, /ø/ ~ /œ/, /o/ ~ /ɔ/, как позиционные варианты трех фонем /E/, /Ø/, /O/.

Другим важным фактором вариативности гласных двойного тембра является дистантная регрессивная ассимиляция или гармонизация гласных, которая заключается в том, что гласный ударного слога влияет на реализацию гласного двойного тембра в предшествующем слоге. До сих пор считалось, что ассимиляция влияет на степень подъема языка (первая форманта) при артикуляции безударного гласного. Иначе говоря, ударный гласный высокого подъема, как правило, увеличивает подъем безударных полуоткрытых гласных, а гласный низкого подъема понижает подъем безударных полузакрытых гласных. Поэтому в безударной позиции произносится, как правило, звук среднего тембра [E], [Ø], [O].

В статье рассмотрены новые данные, полученные в корпусных исследованиях этого феномена в последнее десятилетие. На их основе сформулированы методические рекомендации по преподаванию теоретической и практической фонетики французского языка.

Ключевые слова: гласные двойного тембра; закон позиции в закрытом/открытом слоге; аллофоны позиционные и комбинаторные; гармонизация гласных

Для цитирования: Бубнова Г.И. Французские гласные двойного тембра: тенденции современного произношения с методическим комментарием // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 52–66.

FRENCH MID VOWELS: TRENDS IN MODERN PRONUNCIATION WITH DIDACTIC COMMENTARY

Galina I. Bubnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gboubnova@mail.ru

Abstract: Mid vowels are presented by two series of sounds: mid-high vowels /e/ ~ /ø/ ~ /o/ and mid-low /ɛ/ ~ /œ/ ~ /ɔ/ vowels. Compared to other vowels in French, they are characterized by significant variability, which is explained by several factors. One of them is the so called “oi de position” or closed/open syllable adjustment. This means that mid-high vowels are pronounced mainly in an open syllable, while mid-low vowels are pronounced in a closed one. Despite the existing phonological limitations, the realization of the law of position in the stressed syllable is becoming increasingly widespread in modern usage. This trend gives reason to consider the phonemes composing the oppositions /e/ ~ /ɛ/, /ø/ ~ /œ/, /o/ ~ /ɔ/ as positional variants of three phonemes /E/, /Ø/, /O/. Another important factor of the mid vowels variability is distant regressive assimilation or vowel harmonization, which consists in the fact that the vowel of the stressed syllable affects the realization of the mid vowel in the preceding syllable. Until now, it was believed that assimilation affected the tongue height (first formant) of an unstressed vowel. In other words, high stressed vowels tend to increase the height of unstressed mid-low vowels, whereas low stressed vowels tend to low mid-high vowels. Therefore, in an unstressed position, as a rule, the sound of the middle timbre is pronounced [E], [Ø], [O]. The article discusses new data obtained in the corpus studies of this phenomenon in the last decade. Those data let us formulate methodological recommendations for teaching theoretical and practical phonetics of the French language.

Key words: mid vowels; closed/open syllable adjustment; positional and combinatorial allophones; vowel harmonization

For citation: Bubnova G.I. (2022). French mid vowels: trends in modern pronunciation with didactic commentary. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 52–66. (In Russ.)

Гласные двойного тембра в ударном слове

Французские гласные двойного тембра (полузакрытые и полуоткрытые) представлены тремя оппозициями, члены которых различаются степенью подъема языка к твердому небу: /e/ ~ /ɛ/, /ø/ ~ /œ/

и /o/ ~ /ɔ/. Оппозиции /e/ ~ /ɛ/ и /ø/ ~ /œ/ имеют переднеязычную точку артикуляции, а /o/ ~ /ɔ/ являются заднеязычными.

По сравнению с другими гласными французского языка (далее — ФЯ) они характеризуются значительной вариативностью, которая объясняется несколькими факторами. Один из них называется *loi de position* (closed/open syllable adjustment) [Delattre, 1965: 59–60] или законом дополнительной дистрибуции (*loi de distribution complémentaire*) [Léon, 1992: 85].

В соответствии с этим законом, который действует в ФЯ с XVI в. [Matte, 1982: 55], полузакрытые /e/ ~ /ø/ ~ /o/ произносятся преимущественно в открытом слоге, а полуоткрытые /ɛ/ ~ /œ/ ~ /ɔ/ — в закрытом. Следует отметить, что в ударном слоге позиционные ограничения (*loi de position*) входят в ряде случаев в противоречие с фонологическим правилом, что проиллюстрировано в табл. 1.

Таблица 1

Гласные двойного тембра: взаимодействие фонологического правила и закона позиции в ударном слоге

Оппозиция	Ударный слог	
	Открытый слог (СГ)	Закрытый слог (СГС)
/e/ ~ /ɛ/	Произносятся оба звука (связь с орфографией): fée [fe] — fait [fɛ]	Произносится только [ɛ] открытый (при любом написании, кроме “é”): mer, maire, mère [mɛ:r], fête [fet]
/ø/ ~ /œ/	Произносится только [ø] закрытый (при любом написании): bœufs [bø], feu [fø], dites-le [dit'lø]	Произносится только [œ] открытый (при любом написании): bœuf [bœf], jeune [zœn] Исключения: 1) перед произносимым [z]: menteuse [mã'tø:z], il creuse [il'krø:z] (морфология) 2) в словах feutre [fø:tr], neutre [nø:tr], jeune [zø:n], meute [mø:t], beugle [bø:gl], meugle [mø:gl] (этимология)
/o/ ~ /ɔ/	Произносится только [o] закрытый (при любом написании): pot [po], peau [po], radio [ra'djo], chaud [ʃo]	Произносятся оба звука (тесная связь с орфографией): sol [sɔl] — saule [so:l], cote [kɔt] — côte [ko:t], bosse [bɔs] — Beauce [bo:s]

Итак, закон позиционного ограничения не работает в ударном открытом слоге для оппозиции /e/ ~ /ɛ/, а в ударном закрытом слоге — для оппозиции /o/ ~ /ɔ/. В обоих случаях налицо реализация смысловоразличительной функции, поэтому, по мнению П. Мертенса [Mertens, 2019: 4], закон «позиции» не может рассматриваться как универсально действующий в ударном слоге.

Оппозиция /ø/ ~ /œ/ представляет особый случай: ее смысловозначительный потенциал реализуется в ударном закрытом слоге только в двух минимальных парах *jeûne-jeune* и *veule-(ils) veulent* и, следовательно, ее функциональный потенциал в ФЯ незначителен. Употребление полузакрытого /ø/, связанное с морфологическим чередованием (*menteur-menteuse*) и некоторыми лексическими исключениями (табл. 1), с фонологической точки зрения нерелевантно.

В этом случае члены оппозиции /ø/ ~ /œ/ могут рассматриваться как позиционные варианты (аллофоны), представляющие дополнительную дистрибуцию фонемы, которую можно обозначить значком /Ø/¹. Иначе говоря, в ударном открытом слоге реализуется /ø/, а в закрытом /œ/.

Исследования французской звучащей речи [Walter, 1977: 45–47, 113, 115–117; Matte, 1982: 55; Léon, 1992: 84–87; Gadet, 1997: 74; Lyche, 2010: 149–152; Gendrot & Audibert, 2019], на сегодняшний день достаточно продвинутые, свидетельствуют, что оппозиция /e/ ~ /ɛ/ в открытом ударном слоге показывает устойчивую тенденцию к нейтрализации: большинство французов, особенно молодое поколение, произносят в этой позиции полузакрытый звук [e]: *billet* [bi'lje], *sujet* [sy'ʒe]. Есть все основания считать, что эта нейтрализация происходит под влиянием двух факторов:

- закон «позиции»: открытый слог-закрытый звук,

аналогия с оппозициями /ø/ ~ /œ/ и /o/ ~ /ɔ/, которые подчиняются закону «позиции»: в открытом ударном слоге произносятся [ø] и [o].

Оппозиция /o/ ~ /ɔ/ в закрытом ударном слоге реализуется в Париже и на севере Франции, но практически нейтрализовалась на юге Франции в пользу полуоткрытого [ɔ]: *sault* [sɔl], *faute* [fɔt]. Факторы, влияющие на нейтрализацию:

- закон «позиции»: закрытый слог-открытый звук,

аналогия с оппозициями /e/ ~ /ɛ/ и /ø/ ~ /œ/, которые подчиняются закону «позиции»: в закрытом ударном слоге произносятся [ɛ] и [œ] (табл. 2).

Таблица 2

Реализация закона позиции в ударном слоге

Открытый ударный слог ('СГ)		Закрытый ударный слог ('СГС)	
опозиция	тенденция	опозиция	тенденция
/e/ ~ /ɛ/	[e]	/ɛ/	[ɛ]
/ø/	[ø]	/œ/	[œ]
/o/	[o]	/o/ ~ /ɔ/	[ɔ]

¹ Э. Матт использует значок /E/.

Со структурной точки зрения члены оппозиций /e/ ~ /ɛ/, /ø/ ~ /œ/, /o/ ~ /ɔ/ могут рассматриваться как позиционные варианты трех фонем /E/, /Ø/, /O/.

В результате в вокалической системе ФЯ может быть представлено три, а не четыре степени подъема языка к твердому небу [Matte, 1982: 55; Gadet, 1997: 74].

Методические рекомендации по курсу фонетики:

Практический курс:

1) обязательно вводить и отрабатывать две средние степени подъема французских гласных: их дифференциация обеспечивает корректное произнесение позиционных вариантов [Бубнова, Тарасова, 2015: 201–202, 235, 252–253].

2) для обучающихся, завершающих курс на уровне В1-В2, можно ограничиться произношением в рамках проанализированной тенденции: открытый слог-полузакрытый звук/закрытый слог-полуоткрытый звук.

Курс теоретической фонетики:

3) при подготовке будущих преподавателей и магистров необходимо изучение оппозиций с объяснением того, как структурные ограничения взаимодействуют с законом позиции в ударном слоге [Бубнова, 2011: 20–22].

Гласные двойного тембра в безударном слоге

Продолжим анализ гласных двойного тембра и рассмотрим их употребление в безударном слоге: явление, называемое гармонизацией гласных².

В этой позиции наблюдаемая нейтрализация гласных двойного тембра имеет функциональную основу: не существует минимальной пары, члены которой противостоят друг другу только чередованием /e/ ~ /ɛ/ *essai, message, effet, effort, terrible, terreur* или /ø/ ~ /œ/ *heureux, peureux, peuplé*, или же /o/ ~ /ɔ/ *solitude, homogène, ignorant, politique, économique* [Mertens, 2019: 4]. Отсюда тембральные различия теряют свою релевантность, и в игру вступает фонетический контекст, основным параметром которого является закон «позиции», гласящий, как было отмечено выше: открытый слог-закрытый звук, закрытый слог-открытый звук [Delattre, 1965: 59–60; Walter, 1977: 115].

Напомню, в этой связи, что, по данным П. Леона, графически открытые слоги (*ré-ré-ti-tion*) составляют в ФЯ 80% общего количества слогов [Léon, 1978: 16]. Кроме того, в процессе речеобразования

² Для описания гармонизации гласных употребляются термины *harmonie / harmonisation / dilation vocalique, assimilation vocalique*.

слоги произносятся по нарастающей модели [Delattre, 1953: 61], что создает благоприятные условия для реализации «открытого» слога деления даже в графически закрытых слогах (admission [a-dmi-'sjɑ̃]). Это увеличивает количественную представленность открытого слога в потоке речи, активизируя тенденцию к «закрытому» произнесению безударных гласных двойного тембра.

Гармонизация гласных двойного тембра наряду с такими явлениями, как связывание (liaison) и употребление [ə] беглого, относится к варьируемой зоне языка, поскольку встроена в речевую динамику. Это предопределяет дискуссионность как методов их анализа, так и полученных результатов.

Так, по мнению целого ряда фонетистов [Grammont, 1966: 41; Léon, 1978: 50–61; Dell, 1973; Carton, 1997: 87; Nguyen & Fagyal, 2008; Turco, Fougeron & Audibert, 2016], выбор тембра безударного гласного двойного тембра зависит не только от структуры слога и его ритмически слабой позиции (безударность), но и от степени подъема ударного гласного в терминальном слоге ритмической группы.

Леон [1978: 50–61], в частности, считает, что гармонизации подвержены только полуоткрытые гласные [ɛ], [œ], [ɔ], которые «закрываются» в открытом предударном слоге³, и только под влиянием закрытого ударного гласного. Подчеркивая, что гармонизация представляет собой индивидуально варьируемое явление, автор отмечает, что безударные [ɛ], [œ], [ɔ] произносятся в основном с нейтральным тембром, то есть средним, который не является ни закрытым, ни открытым. Иллюстрируя свой вывод о вариативности процесса гармонизации, Леон приводит следующие примеры: (1) *essance* [e'sɑ̃s] ou [e'sɑ̃s], (2) *Europe* [œ'rɔp] ou [ø'rɔp], (3) *Mauriac* [mɔ'rjak] ou [mo'rjak].

Проанализируем их с точки зрения соотношения ударного и безударного гласных по степени подъема. Очевидно, что в (1) и (3) ударные открытые [ɑ̃] и [a] не могут закрывать полуоткрытые [ɛ] и [ɔ], а в (3) полуоткрытый [ɔ] не может закрывать полуоткрытый [œ].

Эти примеры подтверждают не только вариативность процесса гармонизации, но и наталкивают на мысль о том, что основным условием нейтрализации гласных двойного тембра является не степень подъема следующего ударного гласного, а структура слога (открытый) и его слабая позиция (безударный).

Анализируя результаты проведенного фонетического анкетирования, Г. Вальтер указывает, что гармонизация гласных, наблюдаемая в исследованных ею идеолектах, характеризуется вариативно-

³ В закрытом безударном слоге гармонизация, по мнению Леона, не реализуется.

стью, которая не поддается систематизации на перцептивном уровне [Walter, 1977: 152].

Очевидно, именно в этой связи современные фонетисты проявляют интерес к изучению гармонизации французских гласных двойного тембра на акустическом уровне.

Рассмотрим выводы, полученные в ходе акустического изучения этого явления.

Авторы статьи *From dilation to coarticulation: is there vowel harmony in French?* дают положительный ответ на вопрос, поставленный в заглавии [Fagyal, Nguyen & Boula de Mareüil, 2003].

Исследование проводится на материале двух полузакрытых гласных двойного тембра в безударном открытом слоге: [e] переднего ряда и [o] заднего ряда. В ударном слоге представлены все гласные двойного тембра [e], [ø], [o], [ɛ], [œ], [ɔ] и гласные самого высокого [i] и самого низкого [a] подъема. Материалом послужило чтение 119 экспериментальных пар слов, сгруппированных в две серии, тремя женскими голосами, представляющими два варианта ФЯ: южный (один диктор из Экс-ан-Прованс) и стандартный (два диктора из Иль де Франс).

Серия для [e]: *été-éther, prêcheuse-prêteur, dévot-dévoté, épice-éplate.*

Серия для [o]: *potée-poterne, poseuse-poseur, auto-automne, notice-nota.*

В центре внимания гармонизирующее влияние ударного гласного на вторую форманту F2⁴ предшествующих безударных [e] и [o].

Полученные данные указывают на статистически значимую упреждающую ассимиляцию [e] и [o] по точке артикуляции (то есть по ряду): перед ударными закрытыми и полузакрытыми гласными у переднеязычного [e] F2 повышается (*été, prêcheuse, dévot, épice*), а у заднеязычного [o] — понижается (*potée, poseuse, auto*). Иначе говоря, в указанных выше контекстах точка артикуляции ассимилируемого [e] немного выдвигается вперед, а точка артикуляции [o] немного задвигается.

Акустическое исследование гармонизации гласных, проведенное на большом корпусе⁵ звучащих текстов [Turco, Fougeron & Audibert,

⁴ Вторая форманта F2 определяет точку артикуляции гласных: она имеет более высокую частоту для гласного переднего ряда (например, [i]) и более низкую частоту для гласного заднего ряда (например, [u]).

⁵ Основным признаком корпуса является его представительность, относящаяся к разнообразию языка, отраженного в соответствующих, естественных пропорциях. Корпус текстов должен быть сбалансированным и иметь достаточную выборку по числу текстов и авторов/информантов, чтобы служить основой для статистически достоверных исследований лингвистических феноменов.

2016], изучает ассимилятивные процессы по степени подъема языка, т.е. по первой форманте F1⁶.

Материалом исследования являются звучащие тексты двух фоностилей: журналистического и разговорного.

Для акустического анализа отобраны слова, содержащие

- в безударном слоге (т.е. в гармонизируемой позиции)
 - гласные переднего ряда: полузакрытый [e] и полуоткрытый [ɛ],
 - гласные заднего ряда: полузакрытый [o] и полуоткрытый [ɔ].
- в ударном слоге (т.е. в гармонизирующей позиции)
 - закрытые [i] [y] [u], полузакрытые [e] [o], полуоткрытый [ɛ] и открытые [a], [ɑ].

При отборе слов отсутствуют ограничения по следующим параметрам: структура безударного слога, слоговая структура слова, количество и качество согласных на границе между предупредарным и ударным слогами, длина слова.

Полученные результаты позволяют авторам сделать следующие выводы:

1. Значения F1 безударных гласных [e], [ɛ], [o], [ɔ] свидетельствуют о положительной корреляции с F1 ударного гласного, т.е. высокая F1 ударного гласного повышает F1 предшествующего безударного, а низкая — понижает.

2. Гласные заднего ряда [o], [ɔ] подвержены ассимилирующему воздействию ударного гласного в большей степени, чем гласные переднего ряда [e], [ɛ].

3. Наблюдается влияние орфографии: графемы *é/au/ea* в предупредарном слоге произносятся как [e] / [o], несмотря на высоту подъема ударного гласного.

4. Гармонизация по F1 характерна в большей степени для речи журналистов, чем для разговорной речи.

Для полноты описания гласных двойного тембра следует остановиться на оппозиции /o/ ~ /ɔ/, которая заслуживает более глубокого анализа.

В рамках традиционного подхода заднеязычные [o], [ɔ] либо исключаются из процесса гармонизации, либо их участие рассматривается как случайность или небрежность говорящего [Fouché, 1956; Tranel, 1987].

В этой связи важным выводом, полученным современными исследователями на акустическом уровне [Turco, Fougeron & Audibert, 2016], является тот факт, что [o] и [ɔ] не только подвержены гармо-

⁶ Первая форманта F1 определяет апертуру гласных: она имеет более высокую частоту для открытого гласного (например, [a]) и более низкую частоту для закрытого гласного (например, [i] или [u]).

низации, но и испытывают это воздействие в большей степени, чем [e] и [ɛ].

Отдельного комментария заслуживает тенденция к замене фонемы /ɔ/ переднеязычным [œ], анализу которой посвящена обширная фонетическая литература.

Социофонетический анализ позволяет классифицировать отмеченное произношение с диатопической точки зрения, как парижское, в отличие от провинциального, с диастратической точки зрения, как просторечное или вульгарное, в отличие от стандартного, с диахронической точки зрения, как устаревшее, хотя и все еще реально наблюдаемое.

Переднеязычное произнесение /ɔ/ отмечается французскими лингвистами начиная с XVII в.: П. Дегранж [Desgranges, 1821: цит. по: Walter, 1976: 270] отмечает в словаре *Petit dictionnaire du peuple* произнесение *heume* вместо *homme*, *meublier* вместо *mobilier*.

В 1958 г. А. Мартине публикует статью “C’est jeuli le Mareuc!”, в которой рассматривает произнесение /ɔ/ как [œ] в качестве одной из характерных черт парижского просторечья [Martinet, 1969].

Анализируя это явление с точки зрения фонологии, Мартине сравнивает функциональную нагрузку (*rendement fonctionnel*) оппозиций /u/ ~ /y/, /o/ ~ /ø/, /ɔ/ ~ /œ/, /ɑ/ ~ /a/ и приходит к выводу, что /ɔ/ ~ /œ/ является, по сравнению с тремя другими, функционально слабой оппозицией. Она выполняет смысловоразличительную роль в ограниченном количестве минимальных пар *meule/molle*, *seul/sol*, *veulent/volent* и поэтому ее нейтрализация в пользу /œ/ практически не влияет на реализацию смысловоразличительной функции оппозиции.

Не-реализация оппозиции в парах *meurt/mort*, *heure/or*, *beurre/bord*, *sœur/sort*, *leurre/lors* может, по мнению Мартине, вызвать лишь улыбку, но не затронет понимание, так как эти слова имеют разную контекстную дистрибуцию.

Указанные факты ослабляют статус /ɔ/ в серии заднеязычных гласных, которая в свою очередь перегружена необходимостью различать 4 степени подъема. Для того, чтобы уменьшить эту перегруженность и обеспечить более четкое противопоставление таких слов, как *homme* и *âme*, *pomme* и *pâme*, *pote* и *pâte*, *poli* и *pâli*⁷, система выдвигает точку артикуляции /ɔ/, которая является самой слабой фонемой в серии заднеязычных.

Таковы, по мнению Мартине, фонологические предпосылки для реализации /ɔ/ как звука с передней точкой артикуляции. В заключение Мартине формулирует гипотезу о том, что отмеченное выше

⁷ Мартине отмечает, что произнесение заднеязычного /ɑ/ сопровождалось в парижском просторечном варианте небольшой лабиализацией: звук, обозначаемый специальным транскрипционным знаком [ɹ].

движение /ɔ/ к [œ] будет ослабевать по мере нейтрализации оппозиции /a/ ~ /ɑ/ в пользу /a/ переднего ряда.

Последующие исследования [Walter, 1976; Tranel, 1987; Fónagy, 1989: 243–244; Malderez, 1994; Gadet, 1997; Léon, 1992; Lyche, 2010; St-Gelais, 2019], в которых авторы не ставят под сомнение фонологическое обоснование, предложенное Мартине, свидетельствуют однако о том, что выдвигание точки артикуляции /ɔ/ к [œ] имеет тенденцию к нарастанию, а не к ослаблению, как это предполагает Мартине, несмотря на то, что нейтрализация оппозиции /a/ ~ /ɑ/ в пользу /a/ переднего ряда рассматривается сегодня как факт, а не как тенденция.

Выдвигание точки артикуляции /ɔ/ активно изучается в корпусных исследованиях, авторы которых развивают и детализируют мысли Мартине, превращая название опубликованной им статьи в своего рода фонетический мэм.

C'est encœur plus jeuli, le Mareuc! подхватывают Nigel Armstrong и Jennifer Low [2008].

C'est jeuli, la Gascœugne! восклицает Damien Mooney [2016].

Более того, отмечается и противоположная тенденция: точка артикуляции /œ/ задвигается, приближаясь к /ɔ/. Отмеченная вариативность членов оппозиции /ɔ/ ~ /œ/ затрагивает и оппозицию /ø/ ~ /o/: в устно порождаемой речи исследователи фиксируют 4 варианта произнесения одного слова: [zœli], [zoli], [zøli], [zɔli], а иногда и [zəli], часто даже в рамках продукции одного информанта. Не следует, однако, забывать, что указанная фиксация зависит не только от того, кто и как произносит изучаемое слово, но и от аудитора-скриптора, который слушает и делает транскрипцию. На акустическом уровне, как было показано выше, упреждающая ассимиляция реализуется по двум формантам F1 (степень подъема языка) и F2 (точка артикуляции). Кроме того, велико значение консонантного окружения, акцентно-мелодического паттерна и темпа речи.

Важную роль играет социолингвистическая вариативность идентифицирующего типа: возраст; секс; социальный статус; географическая принадлежность говорящего и пр.

Методические рекомендации

Резюмируя все рассмотренное выше по вокалической гармонизации, можно сделать следующие важные для обучения устной речи и преподавания фонетики выводы.

В ФЯ гармонизация (упреждающая ассимиляция) гласных наблюдается в основном у гласных двойного тембра [e], [ɛ], [ø], [œ], [o], [ɔ] и только в безударной (или слабой) позиции.

Все исследователи [Grammont, 1966; Walter, 1977: 115–117; Léon, 1978: 50–61; Léon, 1992: 85; Mertens, 2019; St-Gelais, 2019] обращают внимание на сложный характер этого явления, подчеркивая, что в нейтрализации двойного тембра принимают участие такие факторы, как географическое происхождение говорящего, его социальная принадлежность и возраст, ускорение темпа речи, открытая/закрытая структура безударного слога и степень подъема ударного гласного.

С фонетической точки зрения гармонизация реализуется в ФЯ прежде всего по степени подъема (форманта F1): безударные [e], [ɛ], [ø], [œ], [o], [ɔ] «подстраивают» движение спинки языка под высоту подъема ударного гласного и произносятся как звуки среднего тембра, что в транскрипции передается значками [E], [Ø], [O]. Кроме того, гармонизация наблюдается и по ряду (форманта F2): перед ударными закрытыми и полужакрытыми точка артикуляции [e] слегка выдвигается, а точка артикуляции [o] слегка задвигается.

Вальтер [Walter, 1977: 115–117], основываясь на результатах проведенного фонетического анкетирования 17 информантов, констатирует, что реализация оппозиции /o/ ~ /ɔ/ в безударном открытом слоге (botté, rôti) характеризуется значительной вариативностью, отмечая, однако, что молодые информанты демонстрируют устойчивую тенденцию к заднеязычной артикуляции [o] в этом контексте. Автор считает, что информанты произвольно следуют закону «позиции» для /o/ ~ /ɔ/ в ударном открытом слоге.

Резюмируем все вышесказанное в табл. 3.

Таблица 3

Реализация закона позиции в ударном и безударном слоге

Ударный слог				Безударный слог
‘СГ		‘СГС		
оппозиция	тенденция	оппозиция	тенденция	тенденция
/e/ ~ /ɛ/	[e]	/ɛ/	[ɛ]	[E]
	[ø]		[œ]	[Ø]
/o/	[o]	/o/ ~ /ɔ/	[ɔ]	[O]

В качестве рекомендаций по обучению фонетике полезно сопоставить редукцию, которой подвергаются русские безударные гласные, и вокалическую гармонизацию, наблюдаемую в ФЯ.

1. Редукция русских гласных:

- распространяется на все безударные гласные звуки;
- имеет две степени редукции;
- существенно меняет тембр звука (варьируют все три форманты);
- сопровождается дифтонгизацией звука;

- сопровождается уменьшением интенсивности и длительности звука;
- 2. Гармонизация французских гласных:
 - затрагивает исключительно гласные двойного тембра в безударной позиции;
 - сопровождается изменением степени подъема языка (первая форманта), вариативность которой не выходит за рамки каждой оппозиции /e/ ~ /ɛ/, /o/ ~ /ɔ/ и /ø/ ~ /œ/, т.е. произносится звук средне-го тембра;
 - звук, подвергшийся гармонизации, не выпадает из режима слогового выравнивания безударных слогов, т.е. не отличается по длительности и интенсивности от других безударных звуков в рамках ритмической группы.

В заключение отмечу, что произнесение гласных двойного тембра находится в зоне коартикуляционной и акцентно-мелодической динамики современного французского языка и требует, следовательно, грамотного комментария в процессе обучения ФЯ как иностранного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнова Г.И. Фонетика французского языка. Справочник. СПб., 2011.
2. Бубнова Г.И., Тарасова А.Н. Практическая фонетика французского языка с элементами грамматики. М., 2015.
3. Armstrong N., Low J. 'C'est encœure plus jeuli, le Mareuc: some evidence for the spread of /ɔ/-fronting in French' // Transactions of the Philological Society. 2008. № 106(3). P. 432–455. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-968X.2008.00206.x> (accessed: 28.09.2021).
4. Carton F. Introduction à la phonétique du français. P., 1997.
5. Desgranges J.C. Petit dictionnaire du peuple à l'usage des quatre cinquièmes de la France, Houilles (France): Éditions Manucius, 1821. [цит. по: Walter, 1976: 270].
6. Dell F. Les règles et les sons. Introduction à la phonologie générative. P., 1973.
7. Delattre P. Les modes phonétiques du français // The French Review. Vol. 2. № 1 (Oct., 1953). P. 59–63. URL: <https://www.jstor.org/stable/382418> (accessed: 28.09.2021).
8. Delattre P. Comparing the Phonetic Features of English, French, German and Spanish: An Interim Report. Julius Groos Verlag, 1965.
9. Fagyal Z., Nguyen N., Boula de Mareüil P. From dilation to coarticulation: is there vowel harmony in French? // Studies in Linguistic Sciences. 2003. № 32. P. 1–21. URL: https://www.researchgate.net/publication/32227034_From_dilation_to_coarticulation_is_there_vowel_harmony_in_French (accessed: 28.09.2021).
10. Fónagy I. Le français change de visage? // Revue romane. 1989. № 24-2. P. 225–254. (P. 243–244) URL: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29677/26966 (accessed: 28.09.2021).
11. Gadet F. Le français ordinaire. 2ème édition. P., 1997.
12. Gendrot C., Audibert N. La distinction /e/ vs /ɛ/ en français standard est-elle maintenue en finale de mot ? Étude sur des corpus de parole journalistique et de parole spontanée // Langue française. 2019. № 3 (N 203). P. 53–66. URL: <https://www.cairn.>

- info/article.php?ID_ARTICLE=LF_203_0053&contenu=article (accessed: 28.09.2021).
13. *Grammont M.* Traité Pratique De Prononciation Française. P., 1966.
 14. *Léon P.R.* Prononciation du français standard. Aide-mémoire d'orthoépie. P., 1978.
 15. *Léon P.R.* Phonétisme et prononciations du français. Aide-mémoire d'orthoépie. P., 1992.
 16. *Lyche C.* Le français de référence: éléments de synthèse // Les variétés du français parlé dans l'espace francophone. Ressource pour l'enseignement. S. Detey, J. Durand, B. Lacs, C. Lyche (éds.). P., 2010. P. 142–165.
 17. *Malderez I.* Vers la perte de l'opposition du lieu d'articulation des voyelles moyennes arrondies dans la parole des jeunes gens d'Île-de-France. Trégastel, 1994. P. 361–366.
 18. *Martinet A.* "C'est jeuli le Mareuc" // Le Français sans fard. P., 1969. P. 191–219.
 19. *Matte E.J.* Histoire des Modes phonétiques du Français. Genève, 1982.
 20. *Mertens P.* Les alternances des voyelles moyennes // P. Mertens. Phonétique, phonologie et prosodie du français. Leuven, Belgium 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/336798846_Les_alternances_des_voyelles_moyennes (accessed: 28.09.2021).
 21. *Mooney D.* 'C'est jeuli, la Gascogne!' L'antériorisation du phonème dans le français régional du Béarn. French Studies. 2016. № 70 (1). P. 61–81. URL: <https://doi.org/10.1093/fs/knv228>. https://research-information.bris.ac.uk/ws/portalfiles/portal/48026368/FS_Article_Revision2.pdf (accessed: 28.09.2021).
 22. *Nguyen N., Fagyal S.* Acoustic aspects of vowel harmony in French // Journal of Phonetics. 2008. № 36 (1). DOI: 10.1016/j.wocn.2007.07.001 URL: https://www.researchgate.net/publication/32229733_Acoustic_aspects_of_vowel_harmony_in_French (accessed: 28.09.2021).
 23. *St-Gelais X.* L'antériorisation de /ɔ/ en français contemporain: une étude acoustique comparative entre Québec et France. Mémoire. Québec: Université Laval, 2019. URL: <https://corpus.ulaval.ca/~jspui/bitstream> (accessed: 28.09.2021).
 24. *Tranel B.* The Sounds of French: An Introduction. Cambridge, 1987. URL: <https://www.amazon.com/Sounds-French-Introduction-Bernard-1987-12-25/dp/B01N6L1O8Q> (accessed: 28.09.2021).
 25. *Turco G., Fougeron C., Audibert N.* Que nous apprennent les gros corpus sur l'harmonie vocalique en français? Conférence: 31ème Journées d'Études sur la Parole (JEP). P., 2016. URL: <https://aclanthology.org/2016.jeptalnrecital-jep.64.pdf> (accessed: 28.09.2021).
 26. *Walter H.* La dynamique des phonèmes dans le lexique français contemporain. P., 1976.
 27. *Walter H.* La phonologie du français. P., 1977.

REFERENCES

1. Bubnova G.I. 2011. *Fonetika francuzskogo yazy'ka. Spravochnik* [Phonetics of the French language. Reference book]. Saint-Petersbourg, Lumière. (In Russ.)
2. Bubnova G.I., Tarassova A.N. 2015. *Prakticheskaya fonetika francuzskogo yazy'ka s elementami grammatiki* [Practical phonetics of the French language with grammar elements]. Moscow, Yurayt Publishing House. (In Russ.)
3. Armstrong N., Low J. 2008. 'C'est encœure plus jeuli, le Mareuc: some evidence for the spread of /ɔ/-fronting in French'. *Transactions of the Philological Society*, no. 106(3), pp. 432–455. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-968X.2008.00206.x> (accessed: 28.09.2021).
4. Carton F. 1997. *Introduction à la phonétique du français* [Introduction to the phonetics of French]. Paris, Dunod, p. 250. (In Russ.)

5. Desgranges J.C. 1821. *Petit dictionnaire du peuple à l'usage des quatre cinquièmes de la France* [Small dictionary of the people for the use of four-fifths of France]. Houilles (France), Éditions Manucius, p. 160. [quoted from Walter, 1976: 270]. (In French.)
6. Dell F. 1973. *Les règles et les sons. Introduction à la phonologie générative* [Rules and sounds. Introduction to generative phonology]. Paris, Hermann, p. 282. (In French.)
7. Delattre P. 1953. Les modes phonétiques du français. *The French Review*, vol. 27, no. 1, pp. 59–63. URL: <https://www.jstor.org/stable/382418> (accessed: 28.09.2021). (In French.)
8. Delattre P. 1965. *Comparing the Phonetic Features of English, French, German and Spanish: An Interim Report*. Julius Groos Verlag, p. 120.
9. Fagyal Z., Nguyen N., Boula de Mareüil P. 2003. From dilation to coarticulation: is there vowel harmony in French? *Studies in Linguistic Sciences*, no. 32, pp. 1–21. URL: https://www.researchgate.net/publication/32227034_From_dilation_to_coarticulation_is_there_vowel_harmony_in_French (accessed: 28.09.2021).
10. Fónagy I. 1989. Le français change de visage? [French changes face?] *Revue romane*, no. 24-2, pp. 225-254. URL: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29677/26966 (accessed: 28.09.2021). (In French.)
11. Gadet F. 1997. *Le français ordinaire* [Ordinary French]. 2ème édition. Patis, Armand Colin, p. 153.
12. Gendrot C., Audibert N. 2019. La distinction /e/ vs /ɛ/ en français standard est-elle maintenue en finale de mot ? Étude sur des corpus de parole journalistique et de parole spontanée [Is the distinction /e/ vs /ɛ/ in standard French maintained in word finals? Study on corpora of journalistic and spontaneous speech]. *Langue française*, no. 3 (203), pp. 53–66. URL: https://www.cairn.info/article.php?ID_ARTICLE=LF_203_0053&contenu=article (accessed: 28.09.2021). (In French.)
13. Grammont M. 1966. *Traité Pratique De Prononciation Française* [Treatise French Pronunciation Practice]. Paris, Delagrave, p. 231. (In French.)
14. Léon P.R. 1978. *Prononciation du français standard. Aide-mémoire d'orthoépie*. [Pronunciation of standard French. Orthoepia checklist]. Paris, Didier, p. 186. (In French.)
15. Léon P.R. 1992. *Phonétisme et prononciations du français* [Phonetism and pronunciations of French]. Paris, Nathan, p. 192. (In French.)
16. Lyche C. 2010. *Le français de référence: éléments de synthèse* [Reference French: elements of synthesis]. In S.Detey, J.Durand, B.Lacs, C.Lyche (éds.). *Les variétés du français parlé dans l'espace francophone. Ressource pour l'enseignement*. Paris, Ophrys, pp. 142–165. (In French.)
17. Malderez I. 1994. *Vers la perte de l'opposition du lieu d'articulation des voyelles moyennes arrondies dans la parole des jeunes gens d'Île-de-France* [Towards the loss of the opposition of the place of articulation of the rounded middle vowels in the speech of the young people of Île-de-France]. Trégastel, JEP, pp. 361–366. (In French.)
18. Martinet A. 1969. «*C'est jeuili le Mareuc*» [«It's jeuili le Mareuc»]. In *Le Français sans fard*. Paris, Armand Colin, pp. 191-219. (In French.)
19. Matte E.J. 1982. *Histoire des Modes phonétiques du Français* [History of the phonetic Modes of French]. Genève, Librairie DROZ, p. 237. (In French.)
20. Mertens P. 2019. *Les alternances des voyelles moyennes* [Alternations of middle vowels]. In P. Mertens. *Phonétique, phonologie et prosodie du français*. Leuven, Belgium. URL: https://www.researchgate.net/publication/336798846_Les_alternances_des_voyelles_moyennes (accessed: 28.09.2021). (In French.)

21. Mooney D. 2016. 'C'est jeuili, la Gascœugne!' L'antériorisation du phonème /ɔ/ dans le français régional du Béarn [It's jeuili, la Gascœugne!] The anteriorization of the phoneme in the regional French of Béarn]. *French Studies*, no. 70 (1), pp. 61-81. URL: https://research-information.bris.ac.uk/ws/portalfiles/portal/48026368/FS_Article_Revision2.pdf (accessed: 28.09.2021). <https://doi.org/10.1093/fs/knv228> (In French.)
22. Nguyen N., Fagyal S. 2008. Acoustic aspects of vowel harmony in French. *Journal of Phonetics*, no. 36 (1). DOI: 10.1016/j.wocn.2007.07.001. URL: https://www.researchgate.net/publication/32229733_Acoustic_aspects_of_vowel_harmony_in_French (accessed: 28.09.2021).
23. St-Gelais X. 2019. *L'antériorisation de /ɔ/ en français contemporain: une étude acoustique comparative entre Québec et France. Mémoire* [The anteriorization of /ɔ/ in contemporary French: a comparative acoustic study between Quebec and France. Memory]. Québec, Université Laval, p. 264. URL: https://constellation.uqac.ca/5087/1/StGelais_uqac_0862N_10001.pdf (accessed: 28.09.2021). (In French.)
24. Tranel B. 1987. *The Sounds of French: An Introduction*. Cambridge University Press, p. 232 URL: <https://www.amazon.com/Sounds-French-Introduction-Bernard-1987-12-25/dp/B01N6L1O8Q> (accessed: 28.09.2021).
25. Turco G., Fougeron C., Audibert N. 2016. *Que nous apprennent les gros corpus sur l'harmonie vocale en français ?* [What do the large corpora on vocal harmony in French teach us?]. Conference: 31ème Journées d'Etudes sur la Parole (JEP). Paris. URL: <https://aclanthology.org/2016.jeptalnrecital-jep.64.pdf> (accessed: 28.09.2021). (In French.)
26. Walter H. 1976. *La dynamique des phonèmes dans le lexique français contemporain* [The dynamics of phonemes in the French lexicon contemporain]. Paris, France Expansion, p. 481. (In French.)
27. Walter H. 1977. *La phonologie du français* [The phonology of French]. Paris, PUF, p. 163. (In French.)

Статья поступила в редакцию 13.10.2021;
одобрена после рецензирования 13.11.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 13.10.2021;
approved after reviewing 13.11.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Бубнова Галина Ильинична — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; gboubnova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Galina I. Bubnova — Dr.habil in Philology, Professor, The Head of the Department of the French Language of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University; gboubnova@mail.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ, МЫШЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Н.Г. Аветисян, С.К. Восканян

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; ngavetisyan@gmail.com; sivosk@yandex.ru*

Аннотация: В статье делается попытка рассмотреть проблемы взаимодействия и взаимовлияния языка, культуры, мышления. Язык — это важнейшее средство человеческого общения, непосредственная деятельность мысли, один из самых главных параметров идентификации нации. В статье приводятся некоторые из множества разных определений языка, рассматриваются основные теоретические положения о языке таких выдающихся исследователей как В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Фердинанд де Соссюр и др. Язык способствует консолидации, идентификации и дифференциации не только наций, но и других этнических общностей, а также социальных групп. При изучении языка, его связи с культурой и мышлением нельзя исключать из рассмотрения проблемы воздействия социальных факторов на язык и его структуру, т.е. возможности изучения языка в его социальном контексте. Рассматривая язык как продукт национальной культуры, его следует изучать как индивидуальное и своеобразное явление человеческой истории. Рассуждать о взаимоотношении языка и культуры, соотношении языка и мышления, опираясь на представителей разных эпох, стран и школ, можно бесконечно. Различные аспекты проблем, связанных с языком, разрабатывали и продолжают разрабатывать не только культурологи, но и лингвисты, антропологи, политологи, социологи, философы, психологи. Неоспоримым является неразрывная связь языка и мышления и их соотношение и взаимообусловленность с культурой и действительностью.

Ключевые слова: язык и реальный мир; язык и этнос; язык — элемент идентификации нации; язык — мышление — культура; воздействие социальных факторов на язык; языковая картина мира; проблема национально-самобытного в культуре; проблема универсального в культуре

Для цитирования: Аветисян Н.Г., Восканян С.К. К вопросу о соотношении языка, культуры, мышления через призму лингвистических учений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 67–78.

THE RELATION BETWEEN LANGUAGE, CULTURE AND THOUGHT VIEWED FROM THE PERSPECTIVE OF LINGUISTIC THEORIES

Nellie G. Avetisyan, Sirush K. Voskanyan

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
ngavetisyan@gmail.com, sivosk@yandex.ru*

Abstract: The article presents and discusses the interaction and mutual influence of language, culture and thought. Language is an essential means of communication between people, a direct result of human thought, and one of the principal criteria for identifying a nation. The article considers some of the numerous definitions of language and provides an overview of language-related theories by such outstanding researchers as Wilhelm von Humboldt, Edward Sapir, Ferdinand de Saussure and others. Language promotes the consolidation, identification and differentiation not only of nations, but also of ethnic communities and social groups. When studying language and its links with culture and thought, one has to take into account the effect of social factors on language and its structure, that is, the feasibility of studying language in its social context. As a product of national culture, language should be viewed as a unique phenomenon of human history. The relation between language and culture, language and thought as seen by the thinkers of different epochs, countries and schools, can be discussed endlessly. Linguists, anthropologists, political and social scientists, philosophers and psychologists, as well as cultural studies scholars continue to research a number of aspects of language-related phenomena. Undoubtedly, language and thinking are inextricably connected, interrelated, in direct interaction with culture and reality.

Key words: language and reality; language and ethnos; language as a criterion for identifying a nation; language — thought — culture; impact of social factors on language; linguistic worldview; nation-specific aspects of culture; universal aspects of culture

For citation: Avetisyan N.G., Voskanyan S.K. (2022) The relation between language, culture and thought viewed from the perspective of linguistic theories. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 67–78. (In Russ.)

Соотношение языка и мышления, проблемы взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры, изучение языка в аспекте его соотношения с этносом всегда привлекали внимание исследователей. Различные аспекты этих проблем разрабатывали не только культурологи, но и лингвисты, антропологи, политологи, социологи, философы, психологи. Известно, что язык — это и важнейшее средство человеческого общения, и непосредственная деятельность мысли, и средство эмоционального воздействия, и особая семиотическая система, и один из элементов идентификации нации. Язык играет важную роль, способствуя консолидации, идентификации и диффе-

рениции не только наций, но и других этнических общностей, а также социальных групп.

Существует множество разных определений языка. Приведем некоторые из них. Создавая философию языка, В. фон Гумбольдт подчеркивал и стремился глубоко раскрыть связь языка и мышления. Он заявлял, что «язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность — совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно — посредством звука речь материализуется и становится доступной для чувственного восприятия. Деятельность мышления и язык представляют, поэтому неразрывное единство» [Кондрашов, 1979: 49]. В языке, по мнению Гумбольдта, фиксируется также определенное мировоззрение, отражающее духовные качества народа — его носителя. «Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом... Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникают друг в друга, что, коль скоро существует одно, другое можно вывести из него... язык есть как бы внешнее проявление духа народа, язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык — трудно представить что-либо более тождественное» [Кондрашов, 1979: 52]. Гумбольдтовское понятие «народного духа» предполагает то, что каждый язык является воплощением особой этнической культуры, народного духа, национального мировоззрения и языкового гения.

«Понятие духа является трудноуловимым и сложным для анализа. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, все носители языка интуитивно ощущают наличие этого духа, а с другой, оно с трудом поддается определению, поскольку нелегко соотнести само понятие духа с материальными средствами его выражения» [Гумбольдт, 1985: 380]. В. Гумбольдт рассматривает дух человечества как содержание, вмещенное в человеческую форму, и полагает, что «по-разному сформированные языки обладают разной степенью пригодности к той или иной духовной деятельности» [Гумбольдт, 1985: 380]. В связи с этим изучение языка без учета социокультурных факторов, а также его национального характера, языковой картины мира, духовного мира и менталитета человека представляется бессмысленным. «Только тогда, когда научное рассмотрение объединит характер народа во всех его независимых от языка проявлениях, субъективный характер индивидуальности, не зависящей от различных путей мысли и дела, и характер, которым обладают или который могут принимать языки, только тогда мы приблизимся к проникновению в то многообразие и единство, в котором сходится бесконечное и неисчерпаемое целое духовных устремлений» [Гумбольдт, 1985: 373].

Но такой взгляд на национальные особенности связан у Гумбольдта со своеобразным пониманием взаимоотношений между челове-

ком и его мышлением, языком и объективной действительностью. Гумбольдт полагал, что язык находится между человеком и воздействующим на него внешним миром. Активная роль языка приводит к тому, что он рисует умственному взору каждого человека картину внешнего мира в соответствии с особенностями того мировоззрения, которое отражено в языке. Гумбольдт утверждал: «Если звук стоит между предметом и человеком, то весь язык в целом находится между человеком и воздействующей на него внутренним и внешним образом природой ... Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком» [Кондрашов, 1979: 52]. Мысль о том, что язык человека находится между эмпирическим миром и сознанием, является одной из ключевых идей Гумбольдта.

Огромное значение для развития языковедческой мысли имели основные положения Гумбольдта о языке — антиномии (противоречия между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых признается доказуемым). В частности:

1. Противоречие между социальным и индивидуальным моментами в языке. Язык одновременно является принадлежностью индивида и отражает общественные и национальные факторы.

2. Противоречие между завершением развития языка в данный момент и его непрерывным развитием.

3. Язык как совокупность определенных фактов и вместилище приемов, с помощью которых развивается речь.

4. Язык как определенная система и в то же время реализация в виде отдельных актов речевой деятельности.

5. Язык как средство объективизации мысли, доступной благодаря этому и для других, и язык как стимул мысли слушающего.

6. Стремление отличить логические формы мышления от языковых форм, в частности грамматических, хотя Гумбольдт настаивал на влиянии системы языка на характер мышления.

Идеи великого мыслителя на конкретном материале и в различной связи обсуждались и развивались не только последующими лингвистами и языковедами, но и стали основополагающими в развитии целых направлений, таких как социалингвистика, лингвострановедение, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, этнолингвистика [Кондрашов, 1979: 48–54].

Нельзя исключать из рассмотрения при изучении языка проблемы воздействия социальных факторов на язык и его структуру, т.е. возможности изучения языка в его социальном контексте. Проблемы «язык и культура», «язык и общество» всегда играли одинаково важную роль. Именно в рамках социальной (или культурной) антропологии получила развитие так называемая этнолингвистика,

для которой проблемы «язык и культура» и «язык и общество» всегда играли чрезвычайно важную роль.

В частности, мысль о том, что отношение человека к окружающей его действительности «целиком обусловлено языком», что язык обладает огромной властью над говорящим человеком, свойственна и Э. Сепиру, хотя теория Сепира-Уорфа, утверждающая господство языка над мышлением, действиями и мировосприятием людей, в настоящее время подвергается сомнению большинством отечественных и зарубежных лингвистов и антропологов.

Например, по словам С. Пинкера, «идея, что язык формирует мышление, казалась правдоподобной, когда ученые не знали ничего о том, как происходит процесс мышления ... теперь, когда все знают, как следует мыслить о мышлении, стало меньшим искушение приравнивать его к языку только по той причине, что слова легче пощупать руками, нежели мысли» [Пинкер, 2004: 48].

Иными словами, С. Пинкер «скорее отрицает теорию лингвистической относительности, нежели дает ей право на существование» [Семенова, 2018: 81].

Существуют и более категоричные высказывания на этот счет. Так, по мнению Гая Дойчера, Сепир и Уорф пришли к выводу, что «наш родной язык определяет наше мышление и мировосприятие» [Deutscher, 2011: 130]. «Благодаря увлечению Уорфа фантазиями, не имеющими фактического подкрепления, мы поняли, что любые утверждения о влиянии языка на сознание его носителей необходимо не просто допускать, а доказывать. Второй важный урок, который мы извлекли из ошибок Уорфа и его последователей, состоит в том, что нам необходимо вырваться из плена языка. Вернее, в том, что нам необходимо преодолеть заблуждение о том, что язык — узилище мысли, ограничивающее способность его носителя рассуждать логически и воспринимать идеи, высказываемые носителями других языков» [Deutscher, 2011: 148–149].

Как утверждает Сепир, человек рождается не только в природе, но и в обществе, где он, учась говорить, сообщает свои мысли согласно традиционной системе определенного общества. У языка есть свое окружение, а на нем говорящий народ принадлежит к какой-то расе (или нескольким расам), иными словами, к такой группе человечества, которая своими физическими свойствами отличается от прочих групп. Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни.

В связи с этим Сепир поднимает следующие вопросы:

- как географически распределяются люди?
- каковы наиболее широкие языковые группы?

- каково распространение каждой из них?
- как народы на данной территории распределяются в плане культуры?
- каковы важнейшие «культурные зоны» и каковы господствующие идеи в каждой из них?

Рядовой человек, считает Сепир, является частью общей системы человечества, с одной стороны, и с другой — он ощущает себя представителем определенной национальности или расы, полагая, что все, имеющееся у него, как у типичного представителя этой обширной группы (= региона), образует некое единство. «Если он англичанин», писал Сепир, «он чувствует себя членом “английской” расы, чей “гений” сформировал английский язык и “англосаксонскую” культуру, выражением которой является этот язык» [Сепир, 1993: 185]. Расы и языки не перемешиваются одинаково: языки могут распространяться далеко за пределы своей первоначальной родины, т.е. за пределы своего региона — захватывая регионы новых рас и культурных зон. Язык может вовсе исчезнуть в регионе своего первоначального распространения и продолжать существовать у народов, живущих в другом регионе. Так, границы культурных зон постоянно перекраиваются, не стирая существующих рубежей.

Таким образом, согласно Сепиру, язык определенного региона не соответствует какой-либо расовой или национальной группе, или культурной зоне. Например, английский язык — это не язык единой расы или одной нации. Общность английского языка у Великобритании и США или общность французского языка у Франции, Бельгии и Швейцарии или общность немецкого языка у Германии, Австрии и Швейцарии отнюдь не свидетельствует об общности культуры. Несмотря на то что народы Великобритании и США имеют общее «англосаксонское» культурное наследие, существуют серьезные различия в их жизни, мышлении, институтах и т.д. Тем не менее необходимо отметить то, что чрезвычайно сложно проследить степень взаимовлияния языка и культуры и определить степень общности культуры народов, живущих в разных регионах, но говорящих на одном и том же языке. Вместе с тем, как уже говорилось, существуют очевидные совпадения культурных границ с языковыми границами и зависимость между языком и культурой. Сепир считает, что «культуру можно определить, как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [Сепир, 1993: 193].

Язык, таким образом, является тем приемом, с помощью которого общество любого региона выражает свой опыт. Культура — это ряд изменений содержания опыта. Язык не связан с изменениями содержания, а только с изменениями формального выражения. Раз-

витие языка и развитие культуры, согласно Сепиру, могут быть взаимно не связанными процессами.

Однако Сепир не мог не понимать неразрывную связь языка и культуры, так как справедливо считал, что язык отражает культуру, которую он обслуживает. Язык — это «наиболее значительное и колоссальное создание человеческого духа не что иное, как совершенная форма выражения для всякого подлежащего передаче опыта» [Сепир, 1993: 194]. Эта форма может варьироваться индивидом или народом, проживающим в определенном регионе, не теряя при этом своих различительных черт. Она также может постоянно преобразовываться. «Язык есть наиболее массовое и наиболее всеохватывающее из известных нам искусств, гигантская и анонимная подсознательная работа многих поколений» [Сепир, 1993: 194].

Таким образом, суммируя можно сказать, что язык является одним из самых важных, главных параметров определения народа конкретного региона.

Однако Сепир отрицал, что между формой языка и культурой существует простое соответствие, т.е. нет никакой общей корреляции между культурным типом и языковой структурой. Об этом еще раньше говорил Фердинанд де Соссюр, который отделял внутреннюю лингвистику (саму языковую систему) от внешней лингвистики (внешних условий функционирования и развития языка). Вместе с тем Соссюр подчеркивает связь истории языка с историей общества и цивилизации. Он признает, что «обычаи нации отражаются на ее языке, а с другой стороны в значительной мере именно язык формирует нацию» [Соссюр, 1977: 59]. Аналогичную мысль высказывал и Гумбольдт: «Хотя языки в значительной степени и представляют создание наций, но они ими руководят, удерживая их в известных пределах, и именно они первостепенным образом формируют или определяют национальный характер» [Гумбольдт, 1985: 363].

По мнению Соссюра, язык «является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка» [Соссюр, 1977: 48]. «Язык, — говорил Соссюр, — это клад, практикой речи отличающийся во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» [Соссюр, 1977: 52].

Резюмируя кратко основные свойства языка по определению Соссюра, можно выделить следующие положения:

«1. ... Язык представляет собою социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать его, ни изменять. Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива...

2. Язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению...

3. В то время как речевая деятельность в целом имеет характер разнородный, язык ... есть явление по своей природе однородное — это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны.

4. Язык ... конкретен по своей природе, и это весьма способствует его исследованию. Языковые знаки хотя и психичны по своей сущности, но вместе с тем они — не абстракции; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализующиеся в мозгу. ... Именно возможность фиксировать явления языка позволяет сделать словарь и грамматику верным изображением его: ведь язык — это сокровищница акустических образов, а письмо обеспечивает им осязаемую форму» [Соссюр, 1977: 52–53].

Политическая история, связанная с завоеваниями, колонизацией, миграцией, языковой политикой, развитие материальной культуры и производства влияют на язык: определяют его границы, взаимодействие с другими языками, определяют особенности литературного языка, приводят к заимствованиям и т.п.

Несмотря на многие критические выступления против Сепира, его теоретические воззрения до сих пор продолжают оказывать влияние на работы как в области социальной антропологии, так и в области социолингвистики. В рамках этого течения была разработана и широко известная теория языковой относительности Б. Уорфа, которая до сих пор продолжает оказывать известное влияние на многих социолингвистов и антропологов.

Рассуждать о взаимоотношении языка и культуры, соотношении языка и мышления, опираясь на представителей разных эпох, стран и школ, можно бесконечно. Что является неоспоримым — это неразрывная взаимосвязь языка и мышления и их соотношение и взаимообусловленность с культурой и действительностью. Между языком и реальным миром стоит человек. «Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его» [Тер-

Минасова, 2000: 40]. С.Г. Тер-Минасова считает, что реальный мир представлен в трех формах — реальная картина мира, культурная (или понятийная) картина мира и языковая картина мира.

«Язык — орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т.д., т.е. через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения.

Если же рассматривать язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов обладания им (как родным, так и иностранным), то социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка или фоном его реального бытия.

Язык — мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова, 2000: 15].

Язык и культура, конечно, отдельные самостоятельные общественные явления. Вместе с тем в своем развитии и синхронном сосуществовании они настолько тесно соотносятся и взаимодействуют друг с другом, что закономерно, с одной стороны, ставится вопрос о языке как одной из основных форм реализации национальной культуры, как важнейшем компоненте национальной культуры и фундаментальном факторе ее существования и развития, с другой стороны, говорится о языке как продукте национальной культуры. Как известно, язык рассматривают в качестве идеальной стороны выражения и как предмет культурной истории. Рассматривая язык в последнем аспекте, его изучают как индивидуальное и своеобразное явление человеческой истории. Так, Г.О. Винокур утверждал: «Отдельный язык есть индивидуальное и неповторимое историческое явление, принадлежащее к данной индивидуальной культурной системе... Даже всецело оставаясь на почве одного языка, мы уже изучаем тем самым соответствующую культуру, именно первую, и в известном отношении, может быть, самую важную главу ее истории» [Винокур, 1959: 211]. И с этой точки зрения язык есть условие и продукт культуры, культуры носителей конкретного языка. Достаточно упомянуть слова А.В. Щербы: «Каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит» [Щерба, 1974: 50].

Язык служит той линзой, через которую преломляется реальность. «Язык — зеркало окружающего мира, он отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения» [Тер-Минасова, 2000: 38].

Язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык — свою. «Понимание мира каждой отдельной языковой личностью обусловлено ее способностью концептуализировать и соотносить полученные концепты со своим личным мироощущением, с одной стороны, и восприятием того языка, с помощью которого она конструирует свою картину мира, — с другой» [Цзэн Тин, 2018: 53.]

С одной стороны, язык антропоцентричен, т.е. он предназначен для человека, и категоризация объективов и явлений действительности есть единое, всеобщее. С другой стороны, каждый язык национально специфичен, т.е. этноцентричен, ориентирован на определенный этнос, проживающий в определенном регионе. Так как язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, у каждого данного языка — своя. Национальных языковых картин мира столько, сколько языков, каждый из которых отражает особенности всех аспектов жизни, национальной культуры определенного региона и своеобразие национального характера его носителей. «Очевидно, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения, отображаются в его сознании, фиксируя причинные связи явлений и эмоций, и картина мира меняется от одной культуры к другой» [Григорян, 2016: 28–29].

Несомненно, проблема универсального в культуре (как совокупности или системы духовных ценностей, созданных человечеством) чрезвычайно важна. Она, по существу, перерастает в проблему общечеловеческой, гуманистической значимости явлений, традиций культуры для всех и каждого из народов.

Между тем наиболее актуальным представляется рассмотрение национально самобытного в каждой культуре, если подходить к вопросам соотношения и взаимодействия культуры и языка с позиций истории конкретного языка.

«Существуя объективно, окружающий мир преломляется в человеческом сознании через призму культуры, модифицированную на основе индивидуальных восприятий личности. Таким образом, языковая картина мира включает: 1) универсальные черты, общие для всего человечества, 2) черты культурно-специфические — “некоторую культурную «сердцевину», единую для всех членов социальной группы или общности” [Леонтьев, 1997: 273] и 3) индивидуальные черты, присущие определенной личности» [Леонтович, 2007: 119].

Разные системы видения мира, предлагаемые разными языками, несопоставимы, т.к. каждый язык образует свой семантический мир, свою семантическую модель. Иными словами, фундаментальные понятия одной модели мира, присущие единому народу и присут-

ствующие в одном регионе, могут отсутствовать в другой модели. С другой стороны, как указывает А. Вежибцкая, несмотря на то, что «языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основывается человеческий язык, мышление и культура» [Вежибцкая, 1996: 144].

Анализ языка лишь в терминах внутриязыковых отношений, в рамках автономного языкознания, представляется узким и далеко неполным сегодня. Изучение функций языка возможно лишь через призму тесной взаимосвязи языка и мышления, но не в отрыве от понимания сути их (языка и мышления) соотношения и взаимодействия с культурой, обществом и реальной действительностью. И, следовательно, исследование такого многогранного явления, как язык требует объединения усилий с такими общественными науками, как социология, психология, культурология, этнография, антропология и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вежибцкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
2. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку М., 1959.
3. *Григорян А.В.* Критерии выбора лексических единиц лингвосоциокультурного плана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 27–37.
4. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985.
5. *Кондрашов Н.А.* История лингвистических учений. М., 1979.
6. *Леонтович О.* Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007.
7. *Леонтьев А.А.* Основы Психолингвистики. М., 1997.
8. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004.
9. *Семенова А.В.* Лингвоспецифические концепты как фактор образования вариантов английского языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 80–85.
10. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
11. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.
12. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
13. *Цзэн Тин.* Концепт и концептуальные связи как важнейшие понятия когнитивной лингвистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 50–56.
14. *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1974.
15. *Guy Deutscher.* Through the Language Glass. N.Y., 2011.

REFERENCES

1. Deutscher G. 2011. *Through the Language Glass*. NY, Arrow Books.
2. Grigoryan A.V. 2016. Kriteriai vybora leksicheskikh edinit lingvosotsiokul'turnogo plana [Lexical Units Selection Criteria of Lingual, Social and Cultural Content]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 27–37. (In Russ.)

3. Humboldt W. von. 1985. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress. (In Russ.)
4. Kondrashov N.A. 1979. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [History of Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie. (In Russ.)
5. Leontiev A.A. 1997. *Osnovy Psiholingvistiki* [Foundations of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl. (In Russ.)
6. Leontovich O. 2007. *Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu* [Introduction to Intercultural Communication]. Moscow, Gnosis. (In Russ.)
7. Pinker S. 2004. *Yazyk kak instinkt* [The Language Instinct]. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.)
8. Saussure F. de. 1977. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works in linguistics]. Moscow, Progress. (In Russ.)
9. Semenova A.V. 2018. Lingvospetsificheskie kontsepty kak faktor obrazovaniya variantov angliiskogo yazyka [Language-specific Concepts as a Factor of Variety formation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 80–85. (In Russ.)
10. Sepir E. 1993. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologi* [Selected works on linguistics and culturology]. Moscow, Progress. (In Russ.)
11. Shcherba L.V. 1974. *Prepodavanie inostrannykh yazykov v srednei shkole. Obshchie voprosy metodiki* [Teaching foreign languages in secondary school. General questions of methodology]. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russ.)
12. Ter-Minasova S.G. 2000. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo. (In Russ.)
13. Vinokur G.O. 1959. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow. (In Russ.)
14. Wierzbicka A. 1996. *Yazik.Kultura.Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. Moscow, Russkie Slovarei. (In Russ.)
15. Zeng Ting. 2018. Kontsept i kontseptual'nye svyazi kak vazhneishie ponyatiya kognitivnoi lingvistiki [Concept and Conceptual Connections as the most important notions of Cognitive Linguistics]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 50–56. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.10.2021;
одобрена после рецензирования 15.11. 2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 15.10.2021;
approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРАХ

Аветисян Нелли Гургеновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; ngavetisyan@gmail.com

Восканян Сируш Карленовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; sivosk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nellie G. Avetisyan — PhD in Philology, Associate Professor, Area Studies Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies Lomonosov Moscow State University; ngavetisyan@gmail.com

Sirush K. Voskanyan — PhD in Philology, Associate Professor, Area Studies Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies Lomonosov Moscow State University; sivosk@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА НА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В КЛИНИЧЕСКИХ НЕЙРОНАУКАХ

А.С. Коваленко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; kovalenko.wt@gmail.com*

Аннотация: Медицинская терминология характеризуется частотным использованием терминов-эпонимов, содержащих в своем составе имя собственное или производное от него имя нарицательное, благодаря чему представляет особый интерес для лингвистов и специалистов в области ономастики и лингвокультурологии, поскольку изучение данного лексического пласта позволяет обнаружить в термине, помимо языковой, еще и культурологическую информацию. Целью работы стало изучение особенностей влияния лингвокультурного контекста на формирование эпонимических терминов — названий синдромов в рамках неврологии и психиатрии. Источником практического материала стал портал *MedicineNet.com*. Портал функционирует с 1996 г., а врачи, занимающиеся его развитием, являются авторами-составителями *Webster's New World™ Medical Dictionary*. В статье представлена информация, посвященная изучению терминов-эпонимов в отечественной науке, а также когнитивно-функциональное исследование названий неврологических и психиатрических синдромов, содержащих эпонимический компонент.

Ключевые слова: терминоведение; ономастика; эпонимические термины; синдромы; неврология; психиатрия

Для цитирования: Коваленко А.С. Особенности влияния лингвокультурного контекста на терминологические модели в клинических нейронауках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 79–85.

INFLUENCE OF LINGUOCULTURAL CONTEXT ON TERMINOLOGICAL MODELS IN CLINICAL NEUROSCIENCES

Anna S. Kovalenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kovalenko.wt@gmail.com

Abstract: Currently, medicine is focusing not only on the physical health of people, but also on various psychological and social factors of modern life. In addition, general public uses medical terminology in everyday life. Medical terminology is

characterized by the frequent use of eponymous terms that contain a proper name or a common noun derived from it, which is of a particular interest for linguists and specialists in the field of onomastics and cultural linguistics, since the study of this lexical layer allows to find in a term, in addition to linguistic, also cultural information. The aim of the work is to study the features of the influence of the linguocultural context on the formation of eponymous terms — names of syndromes in the field of neurology and psychiatry. Practical material is taken from MedicineNet.com. The portal has been in operation since 1996, and the doctors involved in its development are the authors of the Webster's New World™ Medical Dictionary. The article provides information on the study of eponymous terms in Russia, as well as a cognitive-functional study of the names of neurological and psychiatric syndromes containing an eponymous component.

Key words: terminology; onomastics; eponymous terms; syndromes; neurology; psychiatry

For citation: Kovalenko A.S. (2022) Influence of linguocultural context on terminological models in clinical neurosciences. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 79–85. (In Russ.)

Медицинский дискурс является одной из разновидностей языка для специальных целей. Т.Н. Хомутова отмечает, что словарь языка для специальных целей состоит из общеупотребительных и профессионально-ориентированных лексем, общеупотребительного и профессионального сленга, а также терминологии [Хомутова, 2008].

Терминология, функционирующая в языке для специальных целей, реализует сциентическую функцию, которая заключается в «восприятии слова как вербализатора фрагмента стройной научной системы значительным числом коммуникантов» [Лутцева, 2007: 16]. Кроме того, термины используются для избегания неточности при передаче информации, характеризуются нейтральностью, недвусмысленностью, прикладным характером [Раздубов, 2010].

Медицинская терминология включает лексемы латинского и греческого происхождения, а также «слова родного языка врачей, например, английского или русского» [Глинская, Черезова, 2019: 29]. Кроме того, важное место в терминологической системе любой из отраслей медицины занимают эпонимические термины, поскольку имена собственные, согласно мнению А.В. Суперанской, «несут значительную информацию, специально направленную на развитие идей данной отрасли» [Суперанская, 1995: 16].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дается определение эпонима: «...эпоним — лицо, от имени которого произведено название народа, местности и т.п.»¹ Е.М. Какзанова в

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 520.

своих исследованиях расширяет понятие данного термина и отмечает, что в качестве эпонимического компонента может выступать не только антропоним, но и топоним, и мифоним [Какзанова, 2015].

Существуют две точки зрения на статус терминологических единиц с эпонимическим компонентом: одни языковеды (Г.О. Винокур, Е.М. Какзанова) относят подобные лексические единицы к разряду терминов; другие ученые (А.А. Реформатский, С.Д. Шелов) причисляют их к группе номенклатурных единиц.

Вслед за Ю.Е. Костериной отметим, что имя собственное, становящееся эпонимом в составе терминологического словосочетания, частично теряет связь с первоначальным денотатом, поскольку «начинает выражать дифференцирующий признак, отличающий данное понятие в ряду других», и, таким образом, превращается в термин [Костерина, 2014: 78]. К данному выводу приходят также В.В. Робустова и М.А. Горшенина, утверждающие, что ономастический компонент в термине отсылает нас не к денотату в целом, а только к определенным его характеристикам. В частности, лингвисты выделяют «поведение, внешность, сюжет» в качестве наиболее часто встречающихся групп характеристик [Горшенина, Робустова, 2018: 116].

Тем не менее термины-эпонимы в системе терминологии определенной научной сферы отличаются от терминов без ономастического компонента и обладают собственными характеристиками, связанными с различной степенью мотивированности, структурно-семантическими, этимологическими особенностями. Кроме того, данный вид терминов отражает лингвокультурные особенности терминологической системы: национально-маркированные термины отражают культурные реалии конкретной лингвокультурологической системы, а термины, перешедшие в разряд интернационализмов, отражают научные межкультурные контакты.

Для проведения исследования терминов с эпонимическим компонентом в области неврологии и психиатрии методом сплошной выборки из словаря, размещенного на портале *MedicineNet.com*², были отобраны названия 443 синдромов, 88 из которых стали практическим материалом. Отобранные термины содержат в себе ономастический компонент и относятся к области неврологии или психиатрии.

В результате проведенного исследования были выделены следующие терминологические модели, в основе которых лежит этимологический признак:

² Портал *MedicineNet.com*. URL: <https://www.medicinenet.com> (дата обращения: 15.12.2021).

1. Термины, образованные от фамилии врача или врачей, впервые описавших данный синдром. Это самая большая категория, в нее входит 60 терминов из изученных 88, что составляет 68%. Примерами могут служить термины *Aicardi syndrome*, *Cotard's Syndrome*, *Rasmussen's syndrome*.

2. Термины, образованные от фамилии врача или врачей, представивших первое наиболее полное описание синдрома (восемь синдромов, 9%). Например, *Kleine-Levin syndrome*, впервые был описан в 1786 г. французским врачом Шаво де Бошеном. Позже Вилли Кляйне описал девять случаев с подобной симптоматикой, а Макс Левин — еще пять случаев. В результате фамилии данных врачей закрепились в названии синдрома. Еще одним примером является *Sotos syndrome*, эпонимическим компонентом в котором стала фамилия Дж. Сотоса, хотя синдром был впервые описан Б. Шлезингером.

3. Термины, основой которых является фамилия первого или самого известного пациента (семь терминов, 7.9%). Ярким примером служит *Adele syndrome*, эпонимом в котором является имя Адель — дочери Виктора Гюго. Девушка долгое время страдала от неразделенной любви к английскому офицеру Альберту Пинсону, поэтому синдром любовной одержимости был назван в честь нее. Еще одним ярким примером служит *Stendhal syndrome* — необычное психосоматическое состояние, при котором человек испытывает эстетический шок от произведений искусства. Симптомы данного расстройства были подробно описаны Стендалем в мемуарах.

4. Термины с топонимом в качестве эпонимического компонента (семь терминов, 7.9%). Например, *Nijmegen breakage syndrome*, *Pisa syndrome*.

5. Термины, содержащие имя литературного персонажа. Было обнаружено шесть подобных терминов, что составило 6.8%. В качестве примера можно привести *Rapunzel syndrome*, *Alice in Wonderland syndrome*.

Эпонимические термины выполняют коммеморативную функцию: они становятся своего рода «именными памятниками», тем самым увековечивая имя ученого [Какзанова, 2015]. Открытым остается вопрос об этичности использования фамилии пациентов в составе термина.

Абсолютное большинство изученных терминов являются интернационализмами. А.И. Едличко и Р.Х. Яфаров утверждают, что появление интернационализмов связано с «общекультурным или общенаучным значением называемых понятий и явлений», а также способствует более успешной коммуникации [Едличко, Яфаров, 2016: 61–62]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что факт

использования фамилии врачей становится признанием мировым научным сообществом вклада ученого в развитие медицины.

Однако есть термины, которые имеют в русской лингвокультуре выражения, синонимичные английским. Одним из таких терминов является синдром Ангельмана (*Angelman syndrome*), который в российской традиции может называться также «синдром Петрушки». Петрушка — персонаж русского народного театра, обладающий культурной маркированностью только в пределах русской лингвокультуры, поэтому в англоговорящей среде данное название синдрома не используется.

Вслед за Е.М. Какзановой выделим четыре уровня лингвокультурной информации, которую можно получить при изучении термина с эпонимическим компонентом [Какзанова, 2015: 35–39].

1. Этимологический уровень, позволяющий выявить мотивационный признак, на основе которого возникло название синдрома. Например, *Rett syndrome* — заболевание, впервые описанное неврологом Андреасом Реттом. На этимологическом уровне мы можем понять, что эпонимическим элементом в термине является антропоним — фамилия врача, впервые описавшего синдром.

2. Временной уровень, позволяющий определить год или век создания данного термина на основании лет жизни ученого или точной даты события, если она известна. Например, описание Реттом первого случая заболевания произошло в 1966 г.

3. Страноведческий уровень, позволяющий определить место появления данного термина: Андреас Ретт — австрийский невролог, следовательно, термин пришел в английский и русский язык из Австрии.

4. Ассоциативный уровень. Часто понимание термина на данном уровне доступно преимущественно медикам. Например, у врача-невропатолога при упоминании синдрома Ретта возникнут ассоциации, связанные с характерными для него симптомами. Если врач в своей практике непосредственно сталкивался с данным синдромом, скорее всего, у него возникнет ассоциация с пациентом. Кроме того, термины, содержащие не фамилию врача, а эпоним с эксплицитным образным компонентом, обладающим яркой лингвокультурологической окраской, также могут быть доступны для большого круга реципиентов.

Стоит признать, что имя собственное на ассоциативном уровне очень ограниченно передает смысл термина, поэтому часто в медицинской терминологии можно встретить синонимичные эпонимическим терминам описательные словосочетания без ономастического компонента. Например, *Gradenigo's syndrome* в научной литературе может называться отоневрологическим синдромом.

Недостаточная семантическая прозрачность терминов с эпонимическим компонентом, с одной стороны, затрудняет понимание смысла термина, но, с другой стороны, за счет экономии языковых средств, часто может быть более удобна для специалиста, чем описательный термин (можно сравнить «синдром Богорада» и «патологическое прорастание волокон лицевого или отводящего нервов в слюнную и слезную железы»), а также данная характеристика выступает в качестве эвфемизма: пациенту психологически проще жить с диагнозом «синдром Драве», чем с «тяжелой миоклонической эпилепсией младенчества», хотя данные термины синонимичны. Кроме того, подобные термины могут выполнять кодирующую функцию языка и становиться паролем, в частности, в тех ситуациях, когда врачи не хотят, чтобы пациенты понимали предмет обсуждения.

Таким образом, эпонимы в составе неврологических и психиатрических симптомов выполняют следующие функции: индивидуализация, функция экономии языковых средств, функция эвфемизма, парольная функция. Кроме того, выделяются кумулятивная и коммеморативная функции, благодаря чему изучение эпонимических терминов становится особенно важным для специалистов в области ономастики и лингвокультурологии. Наиболее часто используемой моделью эпонимических терминов в клинических нейронауках является термин с антропонимическим компонентом, что свидетельствует о признании вклада определенного ученого в развитие медицинской науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глинская Н.П., Черезова Т.Л. Современная медицинская терминология в свете глобализации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 28–33.
2. Горшенина М.А., Робустова В.В. Использование имени собственного в клинической терминологии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2018. № 2. С. 114–118.
3. Едличко А.И., Яфаров Р.Х. Процессы интернационализации и национализации терминологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 61–70.
4. Какзанова Е.М. Имя собственное в термине. М., 2015.
5. Костерина Ю.Е. Эпонимные единицы в англоязычной терминологии физики // Вестник ИГЛУ. 2014. С. 76–82.
6. Лутцева М.В. К проблеме изучения и унификации юридических терминов // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения. Материалы VII Международной школы-семинара. Иваново, 2007.
7. Раздужев А.В. Основные характеристики языка для специальных целей // Университетские чтения-2010. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2010. С. 90–95.
8. Суперанская А.В. Имя собственное в языке для специальных целей // Терминоведение. 1995. № 2–3. С. 15–17.

9. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 71. С. 96–106.

REFERENCES

1. Edlichko A.I., 2016. Jafarov R.H. Processy internacionalizacii i nacionalizacii terminologii [Processes of internationalization and nationalization of terminology]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 61–70. (In Russ.)
2. Glinskaja N.P., Cherezova T.L. 2019. Sovremennaja medicinskaja terminologija v svete globalizacii [Modern medical terminology and globalization]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 28–33. (In Russ.)
3. Gorshenina M.A., Robustova V.V. 2018. Ispol'zovanie imeni sobstvennogo v klinicheskoj terminologii [Proper names in clinical terminology]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova*, no. 2, pp. 114–118. (In Russ.)
4. Homutova T.N. 2008. Jazyk dlja special'nyh celej (LSP): lingvisticheskij aspekt [Language for special purposes: linguistic aspect]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena*, no. 71, pp. 96–106. (In Russ.)
5. Kakzanova E.M. 2015. *Imja sobstvennoe v termine* [Proper name in terminology] Moscow, Galleja-Print. (In Russ.)
6. Kosterina Ju.E. 2014. Jeponimnye edinicy v anglojazыchnoj terminologii fiziki [Eponymous terms in the English terminology of physics]. *Vestnik IGLU*, pp. 6–82. (In Russ.)
7. Lutceva M.V. 2007. K probleme izuchenija i unifikacii juridicheskikh terminov [Study and unification of juridical terminology]. *Sovremennaja leksikografija: global'nye problemy i nacional'nye reshenija. Materialy VII mezhdunarodnoj shkoly-seminara*. Ivanovo. (In Russ.)
8. Razduev A.V. 2010. Osnovnye harakteristiki jazyka dlja special'nyh celej [Features of language for special purposes]. *Universitetskie chtenija-2010. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU*, pp. 90–95. (In Russ.)
9. Superanskaja A.V. 1995. Imja sobstvennoe v jazyke dlja special'nyh celej [Proper name in language for special purposes]. *Terminovedenie. Moskovskij licej*, no. 2–3, pp. 15–17. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.10.2021;
одобрена после рецензирования 14.11.2021; принята к публикации 22.12.2021.

The article was submitted 14.10.2021;
approved after reviewing 14.11.2021; accepted for publication 22.12.2021.

ОБ АВТОРЕ

Коваленко Анна Сергеевна — аспирант, преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; kovalenko.wt@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Kovalenko — Postgraduate student, Lecturer, Faculty of Foreign Languages and Area studies, Lomonosov Moscow State University; kovalenko.wt@gmail.com

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

«ТЁРКИН В СИБИРИ»: КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОЖНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ А.Т. ТВАРДОВСКОГО «ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ»)

В.Н. Калуцков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; v.kalutskov@yandex.ru*

Аннотация: В статье на основе культурно-географического подхода принята попытка критического осмысления широко известной поэмы А.Т. Твардовского «За далью — даль». Данный подход рассматривает поэму как сложное литературное путешествие. По мнению С.Я. Маршака, автор сознательно выбрал форму литературного путешествия, которая предоставила ему высокую степень творческой свободы.

С одной стороны, герой осуществляет реальную поездку по Транссибирской железнодорожной магистрали — от Москвы до Владивостока. А с другой — мысль автора совершает ментальное путешествие по крупным — стержневым — культурным регионам страны: Москва — Волга — Урал — Сибирь — Дальний Восток. Поэт называет их далями. В этом важнейшим для Твардовского путешествии он делает основательные поэтические «остановки»: каждому региону посвящены отдельные главы поэмы.

В этом заключается страновой подход поэта к литературному путешествию: мыслить масштабами огромной страны. В связи с этим каждый регион осмысливается в контексте пространства России, для каждого региона-дали придуман спектр ярких — национальных — географических образов.

Ключевые слова: литературное путешествие; культурно-географический подход; ментальное путешествие; культурный регион; национальный географический образ; Твардовский; Сибирь

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект № 02/2021-И «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы»).

Для цитирования: Калуцков В.Н. «Тёркин в сибире»: культурно-географическое исследование сложного литературного путешествия (на материале поэмы А.Т. Твардовского «За далью — даль») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 86–99.

“TERKIN IN SIBERIA”: A CULTURAL AND GEOGRAPHICAL STUDY OF A COMPLEX LITERARY JOURNEY (BASED ON THE MATERIAL OF A.T. TVARDOVSKY’S POEM “BEYOND THE DISTANCE”)

Vladimir N. Kalutskov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; v.kalutskov@yandex.ru

Abstract: In the article an attempt, based on the cultural and geographical approach, is made to critically comprehend the well-known poem by A.T. Tvardovsky “Beyond the Distance”. This approach considers the poem as a complex literary journey. According to S.Ya. Marshak, the author deliberately chose the form of a literary travel, which gave him a high degree of creative freedom. On the one hand, the hero makes a real trip along the Trans-Siberian railway — from Moscow to Vladivostok. On the other, the author’s thought makes a mental journey through the major — core — cultural regions of the country: Moscow — Volga — Ural — Siberia — Far East. The poet calls them “distances”. In this most important journey for Tvardovsky, he makes “long” poetic “stops”: separate chapters of the poem are dedicated to each region. This is the poet’s approach to literary travel: to think on the scale of a huge country. Therefore, each region is comprehended in the context of the Russian space, a spectrum of bright — national — geographical images was created for each region.

Key words: literary journey; cultural and geographical approach; mental journey; cultural region; national geographic image; Tvardovsky; Siberia

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Kalutskov V.N. (2022) “Terkin in Siberia”: a cultural and geographical study of a complex literary journey (based on the material of A.T. Tvardovsky’s poem “Beyond the Distance”). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 86–99. (In Russ.)

Поэме посвящено немало исследований. Некоторые из критиков видели в отсутствии сюжета и главного героя творческую неудачу, другие обсуждали вопросы лирики [Ушакова, 1958; Макаров, 1958] и фольклорных традиций в языке поэмы [Шептаев, Филатова, 1955]. В 1950-е годы значительная часть критических публикаций носило идеологизированный характер, рассматривая поэму как отражение современной советской действительности [Солоухин, 1958]. Публикация полного текста поэмы в 1961 г., включая главы, осмысливающие феномен культа личности, совпала с волной хрущевской оттепели. Как следствие, вектор идеологизированной критики резко сменился на противоположный — с прокоммунистического на анти-

Сталинский. Неудивительно, что начиная с 1960-х годов данная проблематика вышла на первый план [Турков, 2010].

Одним из немногих исследователей, который увидел в поэме Твардовского прежде всего литературное путешествие, был С.Я. Маршак [Маршак, 1961]. С позиции культурной географии сущностью литературного путешествия является литературное освоение пространства [Калуцков, 2015]. Настоящее исследование представляет собой попытку применения культурно-географического подхода к изучению поэмы А.Т. Твардовского как сложного травелога.

1. «Тёркин» в Сибири: контексты литературного путешествия. Поездка Твардовского в Сибирь — для него важный творческий и человеческий акт. Поэт сам чувствовал в этом внутреннюю потребность, понимая значимость Сибири в истории и в будущем России. И своим друзьям он говорил: «Поезжайте в Сибирь или на Дальний Восток. Вот места, которые любому человеку надо видеть» [Кондратович, 1985: 193].

В отклике на публикацию Владимир Солоухин писал, что советскую историю будущий историк будет изучать по поэмам Твардовского [Солоухин, 1961]. Поэма «За далью — даль» встраивается в этот ряд, представляя собой последнее крупное произведение писателя, подытоживающее его жизненный и литературный путь. Такая направленность произведения во многом предопределила его форму. С.Я. Маршак, отмечает, что автор сознательно выбрал форму литературного путешествия, в котором нет ни сюжета, ни яркого литературного персонажа, но которая дала ему высокую степень творческой свободы [Маршак, 1961: 50].

Поэма писалась целых десять лет, с 1950 по 1960 г. и была опубликована в 1961 г., но первые главы поэмы увидели свет уже в начале 50-х годов. Тем самым, вся страна в течение десятилетия могла реально наблюдать за творческой лабораторией поэта [Турков, 2010]. За длительный период написания произведения писатель несколько раз побывал на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, присутствовал на перекрытии Ангары. Тем самым литературное путешествие героя-автора представляет собой собирательное путешествие, вобравшее впечатления не от одной, а от нескольких поездок.

Для Твардовского, большого поэта-лирика, была характерна идеология глобального мышления, мышления масштабами огромной страны; такой подход к изображению окружающих реалий был вполне осознанным. Показательна его реакция на текст литературного путешествия из Москвы в Одессу Валентина Катаева. Твардовский не принял рукопись Катаева к публикации, поскольку она

состояла в основном из подорожных и личностно-семейных впечатлений. Он был убежден, что любое путешествие должно включать прежде всего мысли о народе, его судьбах, а уж во вторую очередь о себе и своих близких [Кондратович, 1985: 217]. Такой подход С.Я. Маршак называет его чувством державности, Твардовский полноценно реализует в своей поэме.

2. Многослойность литературного путешествия Твардовского: культурно-географический подход. Герой поэмы совершает реальное путешествие по Транссибирской магистрали от Москвы до Владивостока. Показательно, что автор называет свою книгу *дорожной тетрадью*. Вместе с тем в поэме Твардовского описания пейзажей за окнами вагона часто находятся на периферии повествования. Главная причина подобной ситуации — авторская позиция и сложный характер рассматриваемого литературного путешествия; об этом заявляет и сам автор:

Есть два разряда путешествий:
Один — пускаться с места вдаль;
Другой — сидеть себе на месте,
Листать обратно календарь¹.

Многие литературоведы подхватывают идею автора о **двуединном характере путешествия**: «Поэт отправляется не в одно, а сразу в два путешествия: по пространству и по времени. Один его маршрут — Москва — Тихий океан. Другой — несколько десятилетий в жизни страны» [Маршак, 1961: 15].

На самом деле **структура путешествия** еще более сложная: она включает **не два, а четыре литературных путешествия** — путешествие-поездку, путешествие-осмысление, путешествие-воспоминание и путешествие-размышление.

Реальное — **физическое** — путешествие автора конкурирует с ментальным культурно-географическим путешествием, **путешествием-осмыслением** пространства огромной страны.

Внимание автора не разменивается «на мелочи», оно приковано к основным — стержневым — культурным регионам, на которых держится пространство России. И этот ряд оказывается очень небольшим: Москва — Волга — Урал — Сибирь — Дальний Восток. Именно они представляют собой важнейшие поэтические и «ментальные остановки» в этом путешествии. Каждому из них посвящены отдельные главы поэмы, а Сибири — даже целых три главы. Для Твардовского **страновой контекст** — важная составляющая видения любого региона или места. Не красота, не самобытность, ни уникальность, а роль и значимость этого места в истории и в будущем

¹ Твардовский А.Т. За далью — даль. М., 1961. С. 22–23.

России — вот, что отличает авторское восприятие российского пространства. Вот почему все выбранные автором стречневые геоконцепты, или дали, рассматриваются через общероссийский контекст: Москва и Россия, Урал и Россия, Сибирь и Россия. Особое место на этой образной карте страны Твардовского уделяется осмыслению исторического прошлого и будущего Сибири.

Длительная поездка литературного героя по железной дороге из конца в конец страны — это не только перемещение в пространстве, но и путешествие во времени, или **путешествие-воспоминание**.

В пути автор неоднократно возвращается к воспоминаниям своего детства, прошедшем в смоленском хуторе Загорье, к воспоминаниям об отце, матери, о тетке Дарье, о друге детства, прошедшем сталинские лагеря, о насытной деревенской жизни.

Обзор основных страт литературного путешествия был бы неполным, если бы не назвать еще один вид путешествия — **путешествие-размышление**, которое часто накладывается на путешествие-воспоминание. В процессе этого путешествия автор осмысливает прожитые вместе со всей страной нелегкие военные и послевоенные годы, переосмысливает место и роль Сталина в истории страны.

Тем самым, сложность травелога Твардовского заключается в его многоуровненности, в совмещении литературно-географического путешествия, или путешествия в пространстве, точнее в пространствах, физическом и ментальном, и литературно-исторического путешествия во времени.

Учитывая культурно-географическую направленность настоящего исследования, наибольшее внимание при рассмотрении произведения уделяется литературно-географическому путешествию, который включает, как уже отмечалось, два вида путешествий — **реальное физическое и ментальное культурно-географическое**.

Двудеиный подход к путешествию автор реализует в концепте **дали**, который отражает и пространственный, и мемориальный аспекты авторского путешествия. С позиции культурной географии **даль представляет собой крупный регион страны, для каждого из которых автор разработал спектр новых национальных образов**. Маршак подмечает, что в выборе автором топонимов — Заволжье, Предуралье, Зауралье, Забайкалье, Дальний Восток — уже чувствуется даль [Маршак, 1961: 15]. Действительно, в тексте поэмы концепт дали чаще имеет пространственные коннотации:

И подо мной опять гудела
В пути оставленная сталь.
И до обратного предела
Располагалась та же даль.

И от вокзала до вокзала
Я снова в грудь ее вбирал:
И тьму тайги, и плес Байкала,
И степь, и дымчатый Урал².

Итак, в физическом литературном путешествии герой перемещается по трассе Транссиба, самой длинной железнодорожной магистрали мира, и его основными шагами-элементами являются конкретные придорожные города и станции.

Параллельно в мыслях герой осуществляет ментальное культурно-географическое путешествие. Его мысль парит над просторами России: с космической скоростью она летит над страной, напоминая движение гигантского героя одной из картин Бориса Кустодиева «Большевик». Шаг — и он, оттолкнувшись от Москвы уже на Волге; шаг — и герой уже слышит грохот металлургических заводов Урала. Еще один шаг — и он уже в Сибири радуется вместе с другими со строителями укрощению непокорной Ангары. «Перемахнув» через Байкал, герой восторгается просторами Дальнего Востока. И только Тихий океан приостанавливает движение этого титана...

При этом физическое путешествие автора-героя конкурирует и в этой конкуренции постоянно проигрывает ментальному культурно-географическому путешествию, путешествию-осмыслению пространства огромной страны. Это проявляется в том, что автор-герой почти не замечает больших и малых станций на пути: из трех десятков регионов и городов, упомянутых в поэме, только треть получила авторский образ, остальные просто упоминаются в тексте без какой-либо смысловой нагрузки.

По причине собирательного характера путешествия, вобравшего не одну, а множество поездок, а также в силу доминирования ментального начала над физическим в литературном путешествии Твардовского методические разработки, уместные для классических литературных путешествий, к нему применимы лишь частично [Калуцков, 2021]. В связи с этим методически исследование данного случая представляет собой последовательно-попутный, по мере продвижения на восток, культурно-географический анализ **важнейших для автора далее России**, анализ, который символично начинается с Москвы, а заканчивается образами Дальнего Востока.

3. Культурно-географическая карта России и ее основные «дали»: версия Твардовского. Свое необычное путешествие герой начинает в Москве (рисунок).

² Твардовский А.Т. Указ. соч. С. 90.

Рисунок. Образно-географическая карта России (по Твардовскому):
крупные культурно-географические регионы (дали) и места.

Карта составлена В.М. Матасовым

Крупным шрифтом показаны крупные культурно-географические регионы (дали по Твардовскому). Мелким жирным шрифтом даны места, реки и регионы, получившие авторские географические образы, мелким простым шрифтом — места только упомянутые в тексте.

Москва и москвоцентричность России. Москва в поэме лишена придорожных и пейзажных локальных образов: она сразу задается как важнейший — центральный — регион страны. Тема Москвы решается автором многоаспектно и к этой теме в поэме он обращается неоднократно. Будучи выходцем из провинции, Твардовский поднимает актуальную и для наших дней тему **социальной москвоцентричности**:

Москва — мечта,
Москва — задача,
Москва — награда за труды³.

Он с сокрушением относится к этой традиции, считая, что волна комсомольскихстроек, поднимающаяся по всей стране, способна ее переломить. Не случайно, в поэму он вводит чету молодых выпускников московских вузов, попутчиков героя, которые осознанно едут работать в противоположном направлении — из Москвы в Сибирь. Был бы жив поэт, он бы с удивлением обнаружил, что Москва по-прежнему действует многовековой механизм социальной москвоцентричности: столица по-прежнему притягивает к себе активных россиян от Владивостока до Калининграда.

Другой важный для поэта духовный образ **Москвы как синонима России**, связан с тем, что в русской культуре столица обладает самым высоким культурным статусом. Не случайно, при описании

³ Твардовский А.Т. Указ. соч. С. 114.

самых значимых для России мест — Волги, Урала, Сибири — Твардовский использует образ Москвы, нередко опираясь на фольклорные мотивы. С помощью Москвы повышается статус Волги:

Но Волга-матушка одна!
И званье матушки носила
В пути своем на век, не два —
На то особые права —
Она,
Да матушка Россия,
Да с ними матушка Москва⁴.

Таким же способом поднимается и культурный статус Сибири.

Да, я причастен гордой силе
И в этом мире богатырь!
С тобой, Москва,
С тобой, Россия,
С тобою, звездная Сибирь!⁵

Еще два московских образа, которые разрабатывает автор — Москва как культурный образец для всей страны и Москва как инфраструктурный центр страны — тесно связаны друг с другом.

Волга — «семь тысяч рек». Вторая даль поэта, возникающая по ходу движения на восток, связана с Волгой.

В образах Волги, которые предлагает Твардовский, заложено несколько картографических и культурно-географических коннотаций.

Глава, посвященная Волге, так и называется: «Семь тысяч рек». Это первый образ Волги у Твардовского. Реки эти, которые собрала главная река России от Валдая до Урала, *как будто древом разветвленным расположились на земле*. **Бассейн Волги как дерево** представляет собой настоящий картографический образ: он может возникнуть только после знакомства автора с картой волжского бассейна. Действительно, крону этого «дерева» формируют «семь тысяч рек», расположенных в лесных географических зонах, а «ствол» — это часть бассейна Волги в степной, полупустынной и пустынной географических зонах, где притоки у реки практически отсутствуют.

Выше мы уже обращали внимание на то, что автор усиливает фольклорный образ национальной реки, **реки-матушки**, соотнося его с Россией и Москвой. В рассматриваемой главе он развивает его дальше, называя **Волгу центром России**.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 34.

Что Волга — это **середина**
Земли родной.
Семь тысяч рек!⁶ (выделено авт. — В.К.)

Тонко подмечены поэтом и **евразийские коннотации** геоконцепта Волги.

Вот почему нельзя не верить,
Любуясь этою волной,
Что **сводит Волга** — берег в берег —
Восток и запад над собой;
Что оба края воедино
Над нею сблизились навек...⁷ (выделено авт. — В.К.)

Действительно, Поволжье — один из самых полиэтничных регионов России, здесь проживают и православные, и мусульмане, представители славянских, тюркских и финно-угорских народов. И для каждого поволжского народа — это главная река.

Возможна и другая — цивилизационно-пограничная — трактовка данного поэтического образа: **Волга как культурная граница.** Напомним, что некоторые географы, включая М.В. Ломоносова, проводили границу между Европой и Азией именно по Волге.

«**Урал! Опорный край державы...**» Строки поэмы, посвященные Уралу, вошли не только в школьные учебники литературы, но и в учебники географии:

Урал!
Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец⁸.

Поэт отдает дань Уралу, внесшему огромный вклад в недавнюю победу над врагом. Но у автора проступает и свое, сугубо личное и теплое отношение к этому легендарному краю России. Грохот и дым металлургических исполинов у него ассоциируются со знакомыми с раннего детства звуками отцовской кузницы. Для выражения своих чувств он использует фольклорную лексику: *батюшка Урал*.

Другой образ региона — *дымчатый Урал* — можно трактовать двояко. Во-первых, в этом образе можно увидеть переключку с названием одного из самых красивых уральских самоцветов — дымчатым кварцем. Во-вторых, в нем, очевидно, демонстрируется промышленный характер края. Еще в 1950–1960-е годы промышленный город в нашей стране ассоциировался с идеей развития: с того

⁶ Твардовский А.Т. Указ. соч. С. 30.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 38.

времени на гербах некоторых индустриальных городов можно видеть изображение трубы с дымовым шлейфом. Однако уже в 1980-е годы в обществе стала доминировать другая — экологическая — интерпретация данного образа.

«**Звездная Сибирь**». Вне сомнения, сибирская даль — главная даль всей поэмы. Глава «Огни Сибири» начинается с полноценного географического описания южносибирского ландшафта, очень напоминающего сибирские наблюдения Чехова [Калуцков, 2021]:

Иная даль, иная зона,
И не гранит под полотном —
Глухая мякоть чернозема
И степь без края за окном.
А на ее равнине плоской —
Где малой рощицей, где врозь —
Старообразные березки
Белеют — голые как кость⁹.

Но — ожидаемо — не пейзажные зарисовки передают сущность этой дали. Автор воссоздает фольклорные образы, среди которых и Александровский централ, и бродяга с Сахалина, и дикий берег Иртыша, и священное море Байкала. Касясь истории и мотивов освоения Сибири, Твардовский подбирает очень точные слова:

Издадека вели сюда
Кого приказ,
Кого заслуга,
Кого мечта,
Кого беда...¹⁰

Негативные образы края, связанные с недавней историей (*недоброй славы край глухой; угрюмое наследство*), перекликаются у него с темой уничижительного отношения к России со стороны Запада:

Москва. Сибирь.
Два этих слова
Звучали именем страны,
В значенье дикости суровой
Для мира чуждого равны¹¹. [Твардовский, 1961: 151]

Поэт развенчивает этот миф, демонстрируя в поэме картины грандиозных строек, называя имена выдающихся ученых и художников, листая картины русской истории.

В целом же Сибирь осмысливается как «пустая земля», неосвоенная человеком. И, если у Чехова нетронутая природа представля-

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Там же. С. 151.

ет собой источник вдохновения для будущих сибирских поэтов, то у Твардовского первобытное состояние региона подается как *упрек* советскому человеку (подобная оценка неоднократно встречается в тексте). Как *укор* воспринимаются такие характеристики Сибири, как *суровая дремучесть*, *неотодвинутый лес* железнодорожной просеки, *земля пробитых в глушь путей* и *редких дымов* и т.п. Устами поэта Сибирь взывает к человеку — полюбите меня, освоите, сделайте меня своей. И Твардовский, как поэт-гражданин, отвечающий за все, что происходит в стране, соучаствует в знаковом акте освоения «пустой» сибирской земли — в первом перекрытии Ангары. Похоже, что именно оно было важнейшей целью поездки героя в Сибирь. Ради этой цели он оставляет уже обжитое пространство вагона и устремляется далеко в сторону от Транссиба. Герой осознает значимость этого исторического события середины 1950-х годов в преобразовании всего огромного региона:

... эти воды,
Подобно волжским и иным,
Уже на дар, а дань природы —
Войдут в назначенный режим;
Подтянут к центру захолустья,
Дадут запев Сибири всей.
А там еще и Братск, и Устье,
А там и братец Енисей,
А там...¹²

И, действительно, после создания Иркутской ГЭС, последовало строительство Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанций на Ангаре и двух мощных ГЭС на Енисее.

Велимир Хлебников писал о том, что русской литературой плохо воспеты Урал и Сибирь с Амуром и что ей нужен новый Пржевальский [Хлебников, 2005]. Проблематику образной недоосвоенности Сибири в своих работах развивает Д.Н. Замятин [Замятин, 2009]. Продолжая традиции В. Хлебникова, Твардовский пишет не только о слабой материальной, но и о **недостаточной культурной освоенности края**. Поэт осознает, что огромному региону нужны новые города и новые люди. Но, не менее, а может быть и более важно, что Сибири не хватает новой *мощной песни*, песни, которую бы подхватила вся страна. И он помышляет участвовать в этом деле...

Крайняя даль страны — Дальний Восток и его образы. Представляя Дальний Восток, поэт предъясняет перед нами две взаимодополняющие картины. Первая из них — во многом схожа с

¹² Там же. С. 126–127.

сибирской: тот же простор, богатейшая природа, тот же упрек неосвоенности.

Но край, таким богатством чудный,
Что за окном, красуясь, тек,
Лесной, земельный, горнорудный,
Простертый вдоль и поперек,
И он таил в себе подспудный
Уже знакомый мне упрек¹³.

Вторая картина, нарисованная поэтом, связана с пограничным образом края как предела Земли Русской. Эта картина реализуется через пространственные сентенции, адресованные **Тихому океану**. У последнего нет какого-либо содержательного образа: это природный барьер, предел движения, последняя остановка.

Владивосток!
Наверх, на выход.
И — берег! Шляпу с головы
У океана¹⁴.

Автор-герой на последней станции Транссиба, увидев океан, кланяется ему от имени всех увиденных русских далей — от Москвы, от Волги-матушки, от батушки-Урала, от Байкала, *от Ангары и всей Сибири*, вспоминая увиденное, всю огромную пропущенную через сердце Русь.

Интересно, в духе Твардовского, решен образ столицы края — **Владивостока**. Небольшая пейзажная зарисовка приморского города завершается его неожиданным сравнением с Ленинградом, за счет чего сразу задается страновой контекст и образ города подтягивается до глобального:

На двух краях материка
Стоят два труженика-брата,
Два наших славных моряка —
Два зримых миру маяка¹⁵.

* * *

Итак, культурно-географический анализ поэмы Твардовского показал необычный характер литературного путешествия советского писателя. Одно из них — физическое, совершаемое по Транссибирской магистрали, другое — ментальное, путешествие-осмысление пространства огромной страны.

¹³ Там же. С. 161.

¹⁴ Там же. С. 165.

¹⁵ Там же. С. 166.

Страновой подход автора к литературному путешествию заключается в приоритете глобального — державного — начала при описании конкретных мест и регионов над подорожными впечатлениями. Это выражается в осмыслении пространства России через ее крупные культурные регионы (*дали*) и в разработке для каждого них целого спектра ярких национальных географических образов.

Образно-географическая карта страны, созданная на основе такого подхода, включает пять важнейших далей, — Москву, Волгу, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Центральное место в этом ряду занимает Сибирь, образы которой представлены наиболее развернуто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Замятин Д.Н.* Вообразить Россию. Географические образы и пространственная идентичность в Северной Евразии // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И.И. Митин. М., 2009. С. 13–23.
2. *Калуцков В.Н.* Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 67–79.
3. *Калуцков В.Н.* Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) // Географический вестник. 2021. № 3(58). С. 74–91.
4. *Кондратович А.И.* Александр Твардовский: Поэзия и личность. М., 1985.
5. *Макаров А.* «За далью даль» // Знамя. 1958. № 8. С. 191–209.
6. *Маришак С.Я.* Ради жизни на земле: Об Александре Твардовском. М., 1961.
7. *Солоухин В.* Поэзия и время // Литературная газета. 1958. № 85 (17 июля).
8. *Твардовский А.Т.* За далью — даль. М., 1961.
9. *Турков А.М.* Александр Твардовский. М., 2010.
10. *Ушакова Н.П.* О лиризме в поэзии А. Твардовского // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1958. Т. 184. Вып. 6. С. 264–272.
11. *Хлебников Велимир.* О расширении пределов русской словесности // Собр. соч. Т. 6/1. М., 2005.
12. *Шептаев Л., Филатова А. А.* Твардовский и народная лирика // Русская советская поэзия и народное творчество. Л., 1955. С. 300–307.

REFERENCES

1. Kalutskov V.N. 2015. Literaturnaya geografiya kak nauchnyy predmet i kak uchebnaya distsiplina [Literary geography as a scientific subject and as an academic discipline]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 67–79. (In Russ.)
2. Kalutskov V.N. 2021. Yuzhanin v Sibiri: literaturno-geograficheskoye issledovaniye puteshestviya A.P. Chekhova (na materiale ocherkov A.P. Chekhova “Iz Sibiri” i ego putevykh pisem) [A Southerner in Siberia: a Literary and Geographical Study of A.P. Chekhov’s Journey (based on the material of A.P. Chekhov’s essays “From Siberia” and his travel letters)]. *Geograficheskiy vestnik*, no. 3 (58), pp. 74–91. (In Russ.)
3. Khlebnikov Velimir. 2005. O rasshirenii predelov russkoy slovesnosti [On the expansion of the limits of Russian literature]. *PPS*. Vol. 6/1. Moscow. (In Russ.)

4. Kondratovich A.I. 1985. *Aleksandr Tvardovsky: Poeziya i lichnost* [Alexander Tvardovsky: Poetry and personality]. Moscow. (In Russ.)
5. Makarov A. 1958. “Za dalyu dal” [“Beyond the distance”]. *Znamya*, no. 8, pp. 191–209. (In Russ.)
6. Marshak S.Ya. 1961. *Radi zhizni na zemle: Ob Aleksandre Tvardovskom* [For the sake of life on earth: About Alexander Tvardovsky]. Moscow. (In Russ.)
7. Sheptaev L., Filatova A. 1955. Tvardovsky i narodnaya lirika [A. Tvardovsky and folk lyrics]. *Russkaya sovetskaya poeziya i narodnoye tvorchestvo*. Leningrad, pp. 300–307. (In Russ.)
8. Soloukhin V. 1958. Poeziya i vremya [Poetry and time]. *Literaturnaya gazeta*, no. 85 (17 iyulya). (In Russ.)
9. Turkov A.M. 2010. *Aleksandr Tvardovsky* [Alexander Tvardovsky]. Moscow. (In Russ.)
10. Tvardovsky A.T. 1961. *Za dalyu dal* [Beyond the distance]. Moscow. (In Russ.)
11. Ushakova N.P. 1958. O lirizme v poezii A. Tvardovskogo [On lyricism in the poetry of A. Tvardovsky]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo gos. ped. in-ta*. Vol. 184, no. 6, pp. 264–272. (In Russ.)
12. Zamyatin D.N. 2009. Vobrazit Rossiyu. Geograficheskiye obrazy i prostranstvennaya identichnost v Severnoy Evrazii [Imagine Russia. Geographical images and spatial Identity in Northern Eurasia]. *Rossiya: vobrazheniye prostranstva / prostranstvo vobrazheniya*. Moscow, Agraf, pp. 13–23. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 20.11.2021;
approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Калуцков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; v.kalutskov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Kalutskov — Dr.habil in Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; v.kalutskov@yandex.ru

РОССИЯ И КИТАЙ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

И.И. Павловский

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; rusciv@mail.ru*

Аннотация: Русско-китайские связи имеют продолжительную историю. Формирование образа России в Китае берет свое начало в XVIII в. в работе китайского сановника Тулишена. Анализ образа России в этих «Записках» проводится в рамках проблемно-хронологического подхода: рассматривается восприятие России до самой поездки и по результатам ее, а также рассматриваются такие сферы образа России как природа, политический образ, социальный образ, исторический образ, национальный характер и межэтнические отношения.

Ключевые слова: Россия и Китай; образ России; имагология; историческая имагология; XVIII в.; Петр Первый; Тулишень

Для цитирования: Павловский И.И. Россия и Китай: особенности взаимодействия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 100–107.

RUSSIA AND CHINA: FEATURES OF MUTUAL PERCEPTION

Ivan I. Pavlovskii

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
khalid.iusupov@yandex.ru*

Abstract: Russian-Chinese relations have a long history. The formation of the image of Russia in China originates in the XVIII century in the work of the Chinese dignitary Tulishen. The analysis of the image of Russia in “Notes” is carried out within the framework of the problem-chronological approach: the perception of Russia is considered before the trip and after it with its results taken into account. Such aspects of the image of Russia as nature, political image, social image, historical image, national character and interethnic relations are considered as well.

Key words: Russia and China; image of Russia; imagology; historical imagology; XVIII century; Peter the Great; Tulishen

For citation: Pavlovskii I.I. (2022) Russia and China: features of mutual perception. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 100–107. (In Russ.)

Россия и Китай имеют не такую длительную историю взаимоотношений, как, например, Россия и германские земли, или как Китай и Корея. Но мало кто может усомниться в интенсивности русско-китайских взаимоотношений преимущественно, разумеется, благодаря истории, начиная с середины XX в. На сегодняшний день перспективы русско-китайского диалога остаются достаточно загадочными: одни ожидают самого тесного геополитического и экономического союза, другие пророчат агрессивные столкновения. Все более становится актуальным вопрос восприятия России в Китае и Китая в России, так как каждая сторона изучает как их воспринимает сосед.

Говоря об историографии, необходимо отметить, что аспекты рассматриваемой темы раскрыты в различных пропорциях. Многие методологические аспекты, как имагологического характера или межкультурной коммуникации в целом, так и вопросы, связанные с анализом жанра путешествий (что имеет непосредственное отношение к нашему источнику) достаточно хорошо исследованы [Загряжская, 2008; Раевская, 2018; Ter-Minasova, 2017; Нойманн, 2004]. Отечественное и зарубежное китаеведение многократно исследовало тему непосредственно русско-китайских отношений, культурных, политических и экономических связей, а также и исследования источниковедческого характера [Россия и Китай, 2013; Су Фэнлинь, 2002; Русско-китайские отношения, 1990]. Что касается более узкого направления данного вопроса, а именно имагологический аспект русско-китайских отношений в XVII–XVIII вв., то он изучен на данный момент менее остальных, однако есть примеры как исследований образа Китая в России [Лукин, 2007], так и непосредственно образа России в Китае [Тихвинский, 2008].

История взаимоотношений России и Китая можно вести с эпохи монгольского завоевания в XIII столетии. Появляются первые упоминания друг о друге, в частности, первые упоминания в китайских (монгольских) источниках о русских. Но эти упоминания, как и контакты между русскими и китайцами были скорее эпизодическими и не формировали в полной мере какого-либо образа. Более тесные связи формируются между нашими странами в XVII в., в силу экспансии русского государства и формирования совместной границы на Дальнем Востоке. Первые полноценные торговые отношения, первые войны, первый дипломатический договор — все эти обстоятельства провоцировали интерес друг к другу. Однако восприятие России в Китае основывалось долгое время лишь на слухах и кратких упоминаниях. Первая полноценная характеристика России в китайских источниках встречается в начале XVIII в. в работе Тулишена (китайский сановник, отправленный императором Канси

через Россию в Калмыцкие земли для переговоров с ханом Аюкой. Попутно, посольство должно было все «примечать» в русских землях.

Именно «Запискам» Тулишеня суждено было стать «окном» в русский мир для Китая. «Благодаря этому произведению Китай впервые ознакомился с Россией, и в последующие почти 200 лет эти “Записки” служили основным источником сведений о России в Китае».

«Записки» Тулишеня были частично переведены на русский язык в XVIII в. И.К. Россохиным и опубликован в 1764 г. в Санкт-Петербурге. Полный перевод был сделан уже в XX в. в сборнике «Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы»¹.

Образ, который Тулишень раскрывает в своем произведении можно разделить на несколько частей: во-первых, хронологический образ; во-вторых, проблематический образ (по сферам жизни). Посольство Тулишеня заняло около трех лет, отсюда возникает вопрос, как мы можем судить о хронологическом образе России в данном произведении, ведь срок крайне короткий для выявления динамики. Дело в том, что в этом нам помогает вводная часть «Записок», в которой Тулишень упоминает «наказ» императора Канси [Тулишень, 1782: 12–21], который ещё до поездки уже напутствовал посольство некоторыми советами и снабжал их стереотипическими сведениями о русских землях. Благодаря этому мы можем увидеть образ России «до» в виде этих стереотипов и образ «после», который сложился в результате самого посольства у очевидца — Тулишеня. Проблематический образ России нами был разделен на следующие сферы: природа; политический образ; социальный образ; образ межэтнических отношений и исторический образ.

Слова, которыми император Канси напутствовал своих служителей (не считая инструкций по содержанию посольства), демонстрируют нам достаточно отрицательный образ России в Китае, хоть и очень короткий. Но это лишь тот отголосок, который до нас дошел, сам же характер сведений явно демонстрирует яркую тенденциозность восприятия русского мира в начале XVIII столетия. Император отмечает, чтобы члены посольства были осторожны и держали себя в руках, сохраняли «благодичиние». Среди факторов в России, способных помешать этому, император отмечает, что в России «обычай и поведении без благопристойностей». Помимо абстрактных обычаев и поведения, правитель Китая конкретизирует социальный аспект негативного образа России: «в женском поле большая часть таких, кои мало стыдятся, и мало постоянствуют» [Тулишень, 1782:

¹ Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы Т. 1. М., 1990.

18]. Помимо всего прочего, есть и заметки об этнопсихологии: русские много хвалятся. Таким образом, мы можем наблюдать уже, как минимум, несколько «штрихов» к образу России до поездки Тулишени. Женщины вольного нрава, некие неблагопристойные обычаи. Возможной причиной формирования подобного образа в Китае могли стать многочисленные военные конфликты между казаками и китайской властью во второй половине XVII в.

Каким же образом восприятие России изменилось в результате посольства Тулишени, как он описывает нашу страну в своих записках? Начнем с описания природы. В целом Тулишень описывает Россию как большую страну. На протяжении большей части «Записок» повторяются описания разнообразных ландшафтных особенностей русских территорий: горы, многочисленные тропы, узкие проезды, буераки. Не обошёл стороной Тулишень и климатический аспект, в работе неоднократно описывается большое количество снега, в том числе и многочисленные трудности, связанные с этим природным явлением, например, вынужденные переживания в некоторых городах по несколько недель и даже месяцев из-за погоды. Сопровождали посольство на протяжении пути и комары [Тулишень, 1782: 28], также неоднократно упоминаемые. Все это в целом — описание пути и можно смело утверждать, что «русская дорога» китайское посольство не очень порадовало и скорее ассоциировалась с дискомфортом, о чем автор не забывал напоминать. Можно встретить также и наблюдения Тулишени о фауне российских земель. Он описывает различных животных, но особо примечательно в силу частотности упоминаний — описание рыб. Их великое множество. Тулишень упоминает как сам факт их бытования в разных регионах, так и гастрономическое их применение. Заслуживает интереса и мифологическая вставка, настолько не вписывающаяся в реалистичный и рациональный стиль повествования Тулишени. Он дает описание некоего существа, которое напоминает мамонта, но только живущего под землей: «В тамошних северных и весьма студёных местах есть такой чудной зверь, которой живет и ходит внутри земли, а из земли выходить не может, для того, что как скоро его поверх земной воздух хватит, тотчас умирает. Сей зверь очень велик... Сего зверя кости белы, гладки и мягки, подобны слоновым зубам, а притом крепки и не ломки находят оные у рек на берегах в земле. Русские делают из них мелкую посуду и гребни. Мясо сего зверя весьма холодной природы, может в человеке утолять горячку и всякой жар. Мунгалы по своим законным книгам называют такого зверя Мамонт, а Китайцы Хишу» [Тулишень, 1782: 53].

Обратимся к политическому образу России. Следует отметить, что это один из наиболее проработанных аспектов описания Тули-

шения. В силу поставленных руководством задач, посольство фиксировало малейшие детали им доступные: анализировало управление в русских землях, фиксировало гарнизоны в конкретных населенных пунктах, вплоть до количества колодцев. Во-первых, в «Записках» ни раз встречается тезис о том, что русские законы жестоки и строги. И это оценка дается в негативной коннотации, так как Тулишень контраргументирует тем, что приводит китайское право как гуманное и умеренное и ставит его в образец.

Особое внимание уделяется вопросам русской бюрократии. Тулишень упоминает постоянные задержки в населенных пунктах, так как у руководства того или иного острога просто нет никаких поручений по поводу китайского посольства и нашего автора с путниками просто держат на месте до выяснения обстоятельств. Можно также сказать, что автор описывает и характерную для России централизацию: описание вертикали власти. Китайское посольство зовут к себе различные градоначальники, что тоже, в свою очередь, задерживает Тулишню.

Милитаризм как черта русского общества активно обсуждается и сегодня, но уже в самом первом пространном описании России (в «Записках» Тулишню) дается множество схожих характеристик. Автор упоминает о многочисленных военных конвоях, которые сменяясь сопровождают посольство вдоль пути по русским землям. В качестве распространенной традиции встречи гостей упоминаются артиллерийские залпы. А одной из излюбленных форм досуга самих членов посольства, в которой к ним охотно присоединялись русские, — стрельба из лука. Характеризуя как русскую историю, так и современную автором геополитическую ситуацию, упоминаются постоянные войны, которые ведет Россия.

Административный образ раскрывается через систему управления. Интерес представляют размышления Тулишню об управлении в России: «... в России ближних при Белом Царе вельмож четыре человека, таких, кои имеют власть вершить всякие дела, не докладывая Царю... когда случаются о великих делах советы, сам Царь на советах бывает» [Тулишень, 1782: 80]. Всё это идет вразрез с политическими представлениями Тулишню, который подчеркивает, что в Китае такого нет. Вельможи повинуются великому императору, а на советах он быть не обязан и т.д. Одновременно с этим автор «Записок» фиксирует результаты губернской реформы Петра Первого, отмечая наличие восьми губерний. Затрагивает он и систему налогообложения, распространенную на восточных территориях государства: ясак.

Рассмотрим социальный образ, запечатленный в работе Тулишню. Образ женщин, который был обозначен еще в напутствии императо-

ра Канси, не имеет дальнейшего развития. Единственное, что упоминает Тулишень это то, что женщины танцуют и поют вместе с мужчинами, что, в свою очередь, может восприниматься китайской аудиторией как подтверждение первичных стереотипов, однако Тулишень не акцентирует на этом внимания. Говоря же о национальном характере, тут автор действительно неоднократно обращается к такой черте, как хвастовство, что также подтверждает слова императора, сказанные накануне. Но появляются и другие черты: уважение к старшим, многочисленные случаи русского гостеприимства. Особую роль Тулишень отводит религиозности русских. Автор фиксирует многочисленные религиозные символы (кресты, храмы), отмечает наблюдения за молитвой, а также упоминает и посты.

Образ жизни русских людей описывается очень контрастно. В отношении досуга Тулишень отмечает пение, пляски и то, что русские — «охотники» до вина. Живут русские «бедно, а притом гнусно и не опрятно, очень частыми войнами застрашены, и потому правам и законам своим весьма послушны» [Тулишень, 1782: 105]. Здесь представляет интерес каузальная атрибуция, применяемая автором, где он отмечает причинно-следственную связь между образом жизни русских и сложившимися у них правовыми традициями. С точки зрения китайского автора, у русских мало церемоний, связанных со смертью: похороны и траур, что недостаточно для китайской культуры.

Говоря об историческом образе России, Тулишень менее всего вдаётся в детали и подробности. Из всех персонажей русской истории он отмечает только современного ему Петра Первого и Ивана Грозного. При этом обращает внимание на то, что до Петра Первого Россия жила в мире и меньше воевала, а начиная с Петра увязла в многочисленных войнах с соседями со всех сторон государства. Вполне логично, что именно такая оценка дана автором российскому правителю, так как именно с именем Петра во многом связана активизация российской внешней политики на Дальнем Востоке, которая зачастую вызывала отторжение у китайских властей. Что касается Ивана Грозного, то здесь автор фиксирует факт формирования самодержавия в нашей стране при данном монархе.

Завершающая сфера образа России в работе — межэтнические отношения русских и соседей. Тулишень всячески подчеркивает крайне уважительные отзывы русских о китайском императоре. Зачастую он прибегает к воспроизведению полного диалога с тем или иным чиновником, вкладывая в уста последнего самые комплементарные слова в адрес китайского правителя. При этом, представляется, что не вызывает сомнения авторская редакция этих речей. Тулишень указывает на наличие большого количества пленных шведов, чем, в частотности, фиксирует военные взаимоотно-

шения русских с последними. Автор отмечает, что на территории России проживает множество народов и все живут мирно, но одно исключение он всё же приводит: с татарами, по мнению, Тулишеня, обходились жестоко. Также представляют интерес культурные наблюдения в «Записках» о поволжских народах, в частности, народы монгольских групп. Они живут намного ближе к русским, но по культуре (шапки, одежды, язык) они ближе к Китаю.

Подводя итог, следует сказать, что образ России в Китае получился достаточно яркий и местами контрастный. Нельзя однозначно утверждать, что образ, скажем, негативный. Да, это образ «чужого», поэтому Тулишень и отмечает многие расхождения с чертами его собственной цивилизации. Не будем забывать, что «Записки» представляют собой документ, своего рода отчет о дипломатической миссии, предназначенный для ознакомления высшим сановникам Китая, включая императора, что само собой накладывает отпечаток на содержание источника. Но тем не менее «окно» в Азию было прорублено, опять же при Петре, только теперь не по инициативе русского царя, а по инициативе самой же Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загряжкина Т.Ю.* Образ страны и образ языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 116–127.
2. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках. М., 2007.
3. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.
4. *Раевская М.М.* Иберийский травелог: к вопросу о типологии жанра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 97–109.
5. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 704.
6. Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы. Т. 1. М., 1990.
7. *Су Фэнлинь.* История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в. // Восток–Запад: Историко-литературный альманах: 2002 / Под ред. акад. В.С. Мясникова. М., 2002. С. 85.
8. *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М., 2008.
9. *Тулишень.* Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану, с описанием земель и обычаев российских / Пер. с манчж. на рос. яз. А. Леонтиева. СПб.: при Имп. акад. наук, 1782.
10. *Ter-Minasova S.* Challenges of intercultural communication: A view from russia // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 9–19.

REFERENCES

1. Zagryazkina T.Yu. Obraz strany i obraz yazyka [Image of country and image of language] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 116–127. (In Russ.)
2. Lukin A.V. 2007. *Medved nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XX vekah* [Bear watches dragon. The image of China in Russia in XVII–XX century]. Moscow, AST, Vostok-Zapad. (In Russ.)
3. Nojmann I. 2004. *Ispolzovanie “drugogo”: Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej* [Using the “Other”: Images of the East in the Formation of European Identities]. Moscow, Novoe izdatelstvo. (In Russ.)
4. Raevskaya M.M. 2018. Iberijskij travelog: k voprosu o tipologii zhanra [Iberian travelogue: on the question of genre typology]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 97–109. (In Russ.)
5. *Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya. Istorija, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij* 2013. [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and development prospects of Russian-Chinese relations]. Moscow, Ves Mir. (In Russ.)
7. *Russko-kitajskie otnosheniya v XVIII v.: Materialy i dokumenty* 1990. [Russian-Chinese relations in the 18th century: materials and documents]. Moscow, v-1. Nauka. (In Russ.)
8. Su Fenlin. 2002 *Istorija kulturnyh otnoshenij Kitaya s Rossiej do serediny XIX v.* [History of cultural relations between China and Russia until the middle of the 19th century] Vostok-Zapad, Istoriko-literaturnyj almanah, pp. 85. (In Russ.)
9. Tihvinskij S.L. 2008. *Vospriyatje v Kitae obraza Rossii* [Perception in China of the image of Russia] Moscow, Nauka, pp. 246. (In Russ.)
10. Tulishen. 1782. *Puteshestvie kitajskogo poslannika k kalmyckomu Ayuke hanu, s opisaniem zemel i obychaev rossijskikh* [Journey of the Chinese envoy to the Kalmyk Ayuka Khan, with a description of the lands and customs of Russia]. Saint Petersburg, Pri imperatorskoy akademii nauk, pp. 166. (In Russ.)
11. Ter-Minasova S. 2017. Challenges of intercultural communication: A view from Russia. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–19.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.12. 2021; принята к публикации
22.12.2021

The article was submitted 20.11.2021;
approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Павловский Иван Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; rusciv@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ivan I. Pavlovskii — PhD in History, Associate Professor at Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; rusciv@mail.ru

ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ШВЕЙЦАРИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.А. Неvejина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; liza031190@rambler.ru*

Аннотация: Вопрос пограничья в современном мире является одним из обсуждаемых и актуальных, особенно в контексте пандемии, в результате которой границы стали более ощутимыми и часто непреодолимыми. Целью настоящей статьи является: 1) рассмотрение представлений швейцарцев о пограничной территории между двумя языковыми ареалами, о варианте французского языка; 2) обозначение тенденций, связанных с ценностными ориентирами языкового сообщества изучаемого региона. Материалами исследования послужили эпilingвистический дискурс деятелей культуры, науки, медийных персон, а также составителей комментариев к статьям СМИ (цифровая периодика на французском языке: *Le Matin, Le Temps, 24 heures, Tribune de Genève, SwissInfo*) и публикации в социальных сетях, в частности креолизованный текст и пояснение к нему. Понятие *r  штиграбен* и его функционирование было рассмотрено в выпуске № 3-2021 настоящего журнала, однако тема нуждается в освещении аксиологического аспекта — реакций франкофонов Швейцарии на это явление. Отношение франкоговорящих швейцарцев к пограничью, или «р  штиграбен», и его аспектам рассмотрено в диахронии. По аналогии с «р  штиграбен» существуют дериваты «полентаграбен», отделяющее италоязычный ареал, «коронаграбен», появившееся в связи со статистикой заболеваемости, и прочие инновации. Статья написана в русле социолингвистики.

Ключевые слова: р  штиграбен; французский язык Швейцарии; эпilingвистический дискурс; креолизованный текст; граница

Для цитирования: Неvejина Е.А. Франко-германское пограничье в Швейцарии: аксиологический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 108–119.

FRANCO-GERMAN BORDERLANDS IN SWITZERLAND: AXIOLOGICAL ASPECT

Elizaveta A. Nevezhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; liza031190@rambler.ru

Abstract: The phenomenon of the border in the modern world is one of the most discussed and relevant, especially in the context of the pandemic, as a result of which the borders have become more tangible and often insurmountable. The purpose of

this article is 1) to consider the ideas of the Swiss concerning the borderland between the two language areas, about the French variety; 2) outlining the tendencies associated with the value orientations of the language community of the region under study. The research materials are the epilinguistic discourse of cultural figures, scientists, media people, as well as authors of comments on media articles (digital periodicals in French: *Le Matin*, *Le Temps*, *24 heures*, *Tribune de Genève*, *SwissInfo*) and publications in social networks, in particular, creolized text. The concept of *röstigraben* and its functioning was considered in *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, No. 3-2021*, however, the topic needs to be covered by the axiological aspect — the reactions of the Swiss francophones to this phenomenon. The attitude of the French-speaking Swiss to the borderlands, or “*röstigraben*”, and its aspects are considered in diachrony. By analogy with “*röstigraben*”, there are derivatives “*poletagraben*”, which separates the Italian-speaking area, “*coronagraben*”, which appeared in connection with disease statistics, and other innovations. The article is written in compliance with sociolinguistic approach.

Key words: *röstigraben*; Swiss French; epilinguistic discourse; creolized text; border

For citation: Nevezhina E. A. (2022) Franco-German borderlands in Switzerland: axiological aspect. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 108–119. (In Russ.)

«Это не шутка: я за разделение франкоязычной и германоязычной Швейцарии. Когда будет голосование? Я знаком с многими швейцарцами из немецкоязычных кантонов, которые думают так же. Романская часть могла бы присоединиться к шестиугольнику (Франции. — прим. Е.Н.), если французы согласны. Дерзнем!¹» [Eichenberger, 2014] — подобных комментариев к статьям в СМИ насчитывается немало. Швейцарцы, у которых проведение референдумов — часть самосознания, видят конфликтный потенциал в языковой ситуации и нередко думают о создании настоящей государственной границы между франкоязычным и германоязычным регионом. С долей юмора это пограничье называется «*рёштиграбен*» — термин-дериват от обозначения блюда из жареного картофеля [О семантической деривации наименования гастрономического блюда см.: Небезина, 2021]. *Рёштиграбен* практически по всей протяженности совпадает с поймой реки Зане, разделяя ареалы французского и немецкого языков. Другой крайностью восприятия *рёштиграбена* является активная защита языкового и культурного разнообразия страны и ее консолидации — вплоть до включения границы между языками в список наследия ЮНЕСКО [Eichenberger, 2014]. В качестве иллюстрации второй точки зрения приведем выставку Рене Энги (René

¹ Здесь и далее цитаты приведены в нашем переводе. — Прим. Е.Н.

Haenggi) “Röstigraben — Comment la Suisse tient ensemble”² («Рёшти-грабен — что объединяет Швейцарию»), которая проводилась дважды: в 2004 и 2014 гг. Куратор выставки демонстрировал единство страны в различных проявлениях, выражая надежду на сохранение этой целостности. Приверженцы подобной точки зрения считают, что различие — это то, что сопутствует швейцарцам в течение тысячелетий, консолидирует их, а «различие в политике — это стереотип, созданный журналистами» [там же].

Антрополог И. Рабу-Шуль утверждает, что у большинства населения Швейцарии есть один или несколько предков, владеющих иным языком, поэтому сила страны — в ее разнообразии [там же]. При этом «...Швейцария показывает свое умение успешно управлять меньшинствами», — добавляет политолог из университета Лозанны Р. Кнюсель [Цит. по: Eichenberger, 2014]. Безусловно, сами жители страны не отрицают различие между ареалами, поскольку наличие лингвистического разнообразия — это историческая и географическая данность; страна «находится по краям трех или четырех лингвистических ареалов (*bassins*)» [Eichenberger, 2014].

Историк О. Мёвли отводит истории Швейцарии исключительную роль, говоря о специфике менталитетов в этой стране: в ней смешались север и юг Европы: «На Севере, как в Великобритании или Нидерландах, первый принцип — невмешательство, уверенность в том, что естественные границы восстановят сами себя. Германская культура предполагает, что индивидуальная ответственность равна коллективной ответственности. Это чуждо культуре Юга, в которой порядок должен исходить сверху» [Цит. по: Lugon, 2020]. Швейцария же, по мнению О. Мёли, отклоняет обе эти культуры. Исторически она представляет собой смешение Франции и Германии, или Великобритании и Италии: «Это любопытное сочетание базируется на военной силе, федерализме и демократии — трех столпах *suissitude*» [Lugon, 2020]. Еще в 1979 г. П. Кнехт с долей иронии написал: «Романская Швейцария — это в политическом смысле швейцарская Франция или в лингвистическом отношении французская Швейцария» [Knecht, 1979: 249].

Разница менталитетов очевидна на кантональном уровне. Например, в газете *Le Matin* сообщается, что немецкоязычные швейцарцы часто ездят во франкоязычные регионы с целью туризма, а франкофоны Швейцарии остаются в пределах своей территории³.

² Monnat L. Un musée veut inscrire le Röstigraben à l’Unesco // 24 heures. 31.10.2014. URL: <https://www.24heures.ch/suisse/musee-veut-inscrire-leroestigraben-unesco/story/30701665> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Défi de l’été : faire franchir le Röstigraben aux Romands // Le Matin. 3.07.2020. URL: <https://www.lematin.ch/story/defi-de-l-ete-faire-franchir-le-roestigraben-aux-romands-101335947984> (дата обращения: 02.12.2021).

«Франкоязычные швейцарцы думают коллективом, германофоны думают о деньгах» — заголовок статьи в газете *Le Matin*⁴ о социальном опросе 1000 швейцарцев. Даже условия пандемии отражают разницу менталитетов и проводят границу: смертность от коронавируса выше в франкоязычном регионе; благодаря спорту и жесткой дисциплине немецкоязычный регион меньше подвержен заболеваемости [Lugon, 2020].

Имидж французского языка в Швейцарии

В ситуации многоязычия говорящий неизбежно сталкивается с чувством языковой неуверенности, вызванной языковой иерархизацией, разнообразием форм языка и возможным образованием вариантов. Так, в работе Ф. де Пьетро отмечено, что вариативность французского языка в Швейцарии обуславливается следующими факторами:

- 1) частые языковые контакты и обмен франкофонов и германофонов, что оставляет следы в речи представителей обоих сообществ;
- 2) существование иностранных и иммигрантских сообществ (с немецким, итальянским, ретороманским и др. языками), многочисленных в кантоне Невшатель;
- 3) каждый языковой ареал имеет свои лингвистические особенности [De Pietro, 1995: 227].

Положение французского языка в Швейцарии характеризуется периферийностью, что вызывает априорное недооценивание особенностей франко-швейцарской речи. «“Вот как, вы швейцарец! Но у Вас нет акцента?!” — такова первая реакция парижанина, как только он узнает нашу национальность. Дальше следует имитация так называемого акцента (приписываемого швейцарцам. — Прим. Е.Н.)» [Aramaki, 2010]. Сложился стереотип, что французы относятся к вариантам французского языка как к «экзотике» и с юмором [Невежина, 2016]. Носители вариантов могут реагировать на комментарии французов об их речи с иронией, что зачастую является маркером языковой уверенности [например, о взаимоотношении бельгийцев и французов см.: Невежина, 2015]. К одной из статей на сайте национальной теле- и радиокomпании *SwissInfo* создан комментарий, иллюстрирующий взаимоотношения между французами и швейцарцами в юмористической форме. Франкоязычный автор описывал свою деловую поездку в Тулузу, где за обедом он оказался рядом с французом: «Я заговорил с ним по-французски, и спустя несколько фраз мой собеседник сказал: “Но... вы вполне хорошо говорите по-французски!”»

⁴ Le Röstigraben a muté en Coronagraben // *Le Matin*. 21.03.2021. URL: <https://www.lematin.ch/story/le-roestigraben-a-mute-en-coronagraben-439394293253> (дата обращения: 02.12.2021).

Я не знаю, что бы вы ответили ему, но я сказал: “Вы, впрочем, тоже!” Бедолага был сбит с толку» [Цит. по: Agramaki, 2010].

Чувства самих франкоязычных швейцарцев к варианту языка на их территории неоднозначны. Исследования П. Сенги показали, что вариант (*accent / régiolecte* в терминологии франкоязычных исследователей, в частности, самого Сенги) может вызывать позитивную реакцию; французский язык Франции остается престижной формой, но «было бы неправильно видеть среди говорящих периферии носителей, которые систематически обесценивают свой *régiolecte*» [Singy, 1996: 36–37]. Сенги основывался на методе «скрытых говорящих», или «двойных масок»⁵, и выводом стало то, что территориальный вариант более предпочтителен в рамках личностной целостности и социальной привлекательности (*de l'intégrité personnelle et de l'attrait social*).

В 1989 г. П. Сенги опросил 52 говорящих, которые смогли определить водуазский акцент. Кантон Во выбран не случайно: французский язык «подавил» все местные франкопровансальские говоры и способствовал обесцениванию региональной речи. Он также отметил, что лексическая единица, признанная существующей «вне нормы» (что не всегда соответствовало реальности), получает негативную оценку. В 1993 г. П. Сенги опросил 606 жителей кантона Во старше 16 лет [Singy, 1993]. Результат был двойственным. Языковое поведение водуазцев связано с двумя факторами: 1) обесценивание варианта; 2) признание достоинства региональной лексики, подробнее о результатах см.: [Charoenwutipong, 2016]. Тенденция обесценить региональную речь объясняется тем, что жители Во находят региональную лексику принадлежащей к просторечию, которое, в свою очередь, имеет негативный имидж среди водуазцев, поэтому они стремятся избавиться от так называемых просторечных лексических единиц. Вторая тенденция к сохранению особенностей речи объясняется стремлением к признанию региональной речи и ее «возвеличиванию» над общепольской, а также гордостью и желанием продемонстрировать региональную идентичность. Наличие полярных тенденций является маркером языковой неуверенности.

В качестве угрозы для французского языка в регионе выступал немецкий, что показало исследование Ф. де Пьетро и М. Маттея в 1993 г. [De Pietro, Matthey, 1993], подтвердившее мысль, что «франкоязычные швейцарцы — жертвы *frallemant* (франко-немецкого —

⁵ Этот метод был применен У. Ламбертом (1958) для оценки языкового поведения билингвов. Он имеет цель определить, как языковые сообщества оценивают себя и других как носителей разных языков и их вариантов. Техническая составляющая метода заключалась в том, что лицо говорящего было скрыто, а голос — изменен [подробнее о методе см.: Курбанова-Ильютко, 2019].

прим. Е.Н.)» [Charpillod, Grimm-Gobat, 1982: 61]. В связи с этим франкоязычной общественностью обсуждались риски потери идентичности. Об этом говорил Ж.-А. Шеваллаз, бывший федеральный советник, в интервью 1993 г.: «Чтобы полностью интегрироваться, нужно говорить по-немецки и на диалекте, но с риском при полной интеграции потерять свою романскую идентичность, стать земноводным (*amphibie*), говорящим на “федеральном” французском языке (*français fédéral*), т.е. ни романском, ни германском» [Цит. по: De Pietro, 1995]. Используя эту терминологию, П. Кнехт отметил, что *français fédéral* используется для стигматизации неправильного французского, полного германизмов [Knecht, 1985: 163]. Этому понятию *Dictionnaire Suisse romand* (редактор — П. Кнехт) предлагает синонимы «германизированный французский» (*français germanisé*) и «неправильный французский» (*français fautif*)⁶. Помимо этого существует уничижительная деноминация варианта французского языка — *français de seconde zone* [Aramaki, 2010] (французский второго сорта), однако это выражение встречается крайне редко.

В 2010 г. было проведено исследование, которое подтвердило двоякое отношение франкошвейцарцев к собственной речи: колебание от обесценивания до признания, с одной стороны, и возведение в статус маркера собственной идентичности — с другой [там же]. В качестве лексических маркеров языковой принадлежности выступают так называемые гельветизмы (лексические новообразования и архаизмы в швейцарском варианте французского языка), которые используются не только в бытовой сфере, но и в творчестве. Например, особая территориальная лексика используется в песнях эопера Sens Unik из Лозанны: “Il a appris, il s’en est sorti / Aujourd’hui son argent remplit les **crousies** [tirelires] de ce pays” («Он научился, ему это сошло с рук / Сегодня его деньги пополняют копилки этой страны») [Цит. по: Aramaki, 2010].

Анкетирование 1100 франкоязычных жителей Швейцарии старше 15 лет, проведенное в 2014 г.⁷, привело к следующим выводам: респонденты, во-первых, показали свой интерес к немецкому языку, во-вторых, большинство (91%) выразило мнение, что федеральные чиновники обязаны говорить грамотно как на французском, так и на немецком языках. Опрос также показал, что 66% респондентов

⁶ Dictionnaire suisse romand. Particularités lexicales du français contemporain. Conçu et rédigé par Thibault A., sous la direction de Knecht P. Nouvelle édition revue et augmentée, préparée par Knecht P. Genève, 2004. P. 373.

⁷ Association Défense du français. URL: <https://www.defensedufrancais.com/2371-2/> (дата обращения: 01.12.2021).

находят ненормальным использование английского языка при коммуникации между франкофонами и германофонами⁸.

Вопрос пограничья: единство или конфликт

Феномен границы напрямую связан с ее преодолением, о чем Т.Ю. Загрязкина пишет так: пограничье формирует «общее сложное целое... пространство наиболее интенсивных контактов, взаимодополняющих или антагонистических отношений» [Загрязкина, 2022: с. 26]. Пограничная зона обладает не только центробежными силами, но и конфликтным потенциалом, стремлением к отчуждению.

Наличие такого понятия, как «граница рёшти», «картофельный ров», или «рёштиграбен», иллюстрирует существование не только административной, кантональной, но и культурной демаркации в рамках одного государства [Невежина, 2021]. *Рёштиграбен* — это метафора одновременно и границы, и смешения культур между романоязычной и немецкоязычной Швейцарией.

Тема пограничья на территории Швейцарии актуальна и в СМИ, и в социальных сетях. Подтверждением этому стало количество публикаций на платформе Инстаграм, запрещенной на территории Российской Федерации, по хэштегу⁹ “Röstigraben” их число равно 1300 с 2018 г. Большинство публикаций гласит: «*Рёштиграбен* не знает никаких границ» (@kantitrogen, 2019 г.). На исчезновение демаркации между регионами указывает двуязычный пост: «*Chez vous gibt es pas Röstigraben (У нас нет рёштиграбена)*. Новый летний фестиваль на озере в Нидау объединяет языки, поколения и культуры. Давайте вместе отпразднуем это счастливое разнообразие и насладимся незабываемым летом» (@lakelivefestival, 2018 г.)¹⁰. Автор прибегает намеренно к двум языкам в рамках одного предложения, чтобы подкрепить идею об отсутствии границ. Часто можно увидеть призыв, например: «Нужно осмелиться сделать шаг и пойти на встречу другому» (@m.ayer_commoveo_mktandcom, 2021 г., двуязычная публикация), или сообщение на французском языке о том, что «у нас хорошие контакты с соседями» (@patoch12, 2020 г.). Последняя мысль подтверждается комментарием из СМИ: «Мы очень

⁸ La langue française dans le monde 2018 — OIF / Sous le dir. de Y. Fall. Dimograp : Editions Gallimard, 2018. P. 84.

⁹ Хэштег — это метка в интернете, используемая в социальных сетях для обозначения тематической принадлежности сообщения и быстрого поиска по слову. Artisan Team. URL: <https://artisan-team.ru/seo-wiki/xeshteg/> (дата обращения: 21.12.2021).

¹⁰ Музыкальный фестиваль, объединяющий иностранных и местных исполнителей. Lake live. URL: <https://www.lakelive.ch/webroot/source/index.php?rubricId=33> (дата обращения: 21.12.2021).

близки и легко контактируем. Не встретил ни одной проблемы в наших отношениях» [Aramaki, 2010].

Наличие многочисленных карикатур в социальных сетях свидетельствует об острой степени восприимчивости к этому вопросу. Креолизованный текст создается как на французском, так и на немецком языках, следовательно, вопрос актуален для двух сторон (рис. 1)¹¹. Существуют и многоязычные мемы/картинки (рис. 2), говорящие о том, что «билингвизма не бывает». Примечательно, что на памятнике «Прощай, *röstigraben*» текст написан только на французском языке (рис. 3). Все три картинки свидетельствуют о том, что отношение говорящих к многоязычию неоднозначно, однако большинство авторов публикаций поддерживает разнообразие.

Рис. 1

Рис. 2

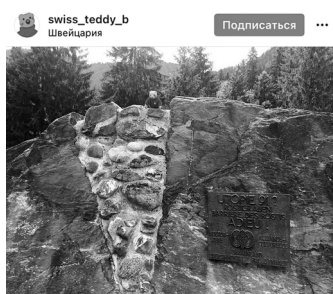

Рис. 3

В комментариях к статьям в онлайн-газетах также популярна эта идея: «Обожаю видеть разницу культур, очень мило видеть традиции и обычаи людей, с которыми мы одновременно близки и далеки...» [Aramaki, 2010] Инстаграм также является площадкой для сотрудничества различных франкоговорящих и немецкоговорящих компаний и людей. Например, франкоязычная писательница В. Эмменеггер (Veronique Emmenegger) сотрудничает с немецкоговорящим иллюстратором В. Миржаной (Wanda Mirjana) над созданием графического романа “Hedwig ou la Pensée-Louve”, который посвящен стиранию *röstigraben*¹². *Röstigraben Brassin* (@drbrauwolf, 2019) — производство спиртного напитка врачами из Швейцарии (один — из немецкоговорящего кантона, второй — франкофон), при

¹¹ Термин, введенный в оборот в 1990 г. Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым, обозначает «текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Ворошилова, 2007].

¹² Editions Antipodes. URL: <https://www.antipodes.ch/produit/hedwig-ou-la-pensee-louve/> (дата обращения: 21.12.2021).

этом одна из миссий их предприятия — преодоление *r stigrabena*. В 2021 г. была организована олимпиада по математике, мероприятие объединило около ста юных исследователей из десяти стран, в качестве одной из задач организаторы видели «возможность заполнить *r stigraben*» (@science.olympiad.ch, 2021 г.)¹³.

Выводы

Существуют тенденции как к стиранию, так и углублению границы. Самым сплачивающим фактором является высокий уровень урбанизации и мобильности населения. С повышением уровня транспортной логистики обмен между городами стал динамичнее, «жители больших городов теперь имеют одни и те же интересы и даже одни и те же ценности», помимо этого культурные, коммерческие и «политические предпочтения жителей городов становятся одинаковыми. С точки зрения географии Швейцария стала более консолидированной», считает социолог Ш. Козеки¹⁴. Один из факторов, разжигающих противостояние двух сторон — это фантазия журналистов и политиков: «Все эти выражения “коронаграбен” и “р stigraben” ничтожны. Такое впечатление, что вы, журналисты и некоторые политики, ищете новую форму гражданской войны»¹⁵. Лингвистический фактор до сих пор сохраняет потенциал разделения двух регионов. Возможно, *r stigraben*, словами политолога Р. Кнюзеля, — это социальный «конструкт», созданный обществом, которое верит в его существование и действует исходя из этого паттерна [Айхенбергер, 2017]. Исследование 2014 г. показало, что 25% немецкоговорящих швейцарцев, 14% франкофонов верят в существование *r stigrabena*. Обобщенная характеристика отношений между двумя регионами была определена журналистом К. Бюхи как «доброжелательное безразличие» [там же].

Франкошвейцарцы часто испытывают чувство языковой неуверенности по отношению к стандартному французскому языку: поведение колеблется от намеренного отказа (*refus*) до уважения к нему. Неоднозначно и отношение к швейцарскому варианту французского языка. Эта ситуация схожа с поведением носителей французского языка в Бельгии: франкоговорящие швейцарцы верны

¹³ Olympiades de la Science. Universit  de Berne. URL: <https://science.olympiad.ch/> (дата обращения: 21.12.2021).

¹⁴ Aubert L. Le R stigraben se meurt // 24 heures. 08.11.2016. URL: <https://www.24heures.ch/suisse/roestigraben-meurt/story/18565915> (дата обращения: 01.12.2021); Le R stigraben tend   dispara tre // 24 heures. URL: <https://www.24heures.ch/suisse/roestigraben-tend-disparaitre/story/14686063> (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁵ Le R stigraben a mut  en Coronagraben. Commentaires. URL: <https://www.lematin.ch/comment/439394293253> (дата обращения: 01.12.2021).

стандартному французскому, но гордятся собственной речью, несмотря на сильную стигматизацию регионального варианта. В современных исследованиях назрела необходимость подготовки социолингвистического массового анкетирования многоязычных регионов (например, Швейцария, Люксембург).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айхенбергер И.* «Картофельный ров»: пропасть, которая объединяет гельветов // SwissInfo. 25.07.2017. URL: https://www.swissinfo.ch/rus/внутри-швейцарии_-картофельный-ров---пропасть--которая-объединяет-гельветов/41184844 (дата обращения: 04.12.2021).
2. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyyu-tekst-aspekty-izucheniya-1> (дата обращения: 02.02.2022).
3. *Загряжкина Т.Ю.* Феномен hybridité / гибридность в гуманитарном дискурсе, межкультурной коммуникации и культурном трансфере // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 17–34.
4. *Курбанова-Ильютко К.И.* Языковая неуверенность франкоязычных носителей Валь д'Аосты: причины возникновения // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Орел, 28 марта 2019 года. Орел, 2019. С. 151–158.
5. *Невежина Е.А.* Динамика языковых процессов в Валлонии и Брюсселе как пограничных ареалах Романии: специальность 10.02.05 «Романские языки»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016.
6. *Невежина Е.А.* Феномен *rèstigraben* во франкоязычной прессе Швейцарии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 41–50.
7. *Невежина Е.А.* Феномен языковой уверенности/неуверенности в пограничном ареале (на примере Валлонии, Бельгия) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 162–167.
8. *Aramaki M.D.* Le français et le romand // SwissInfo. 25.05.2010. URL: <https://www.swissinfo.ch/fre/le-fran%C3%A7ais---et-le-romand/8451812#:~:text=%C2%ABAh%20bon%2C%20vous%20%C3%ATES%20Suisse,est%20de%20la%20dynamite!%C2%BB> (дата обращения: 21.12.2021).
9. *Charoenwutipong R.* Le français de Suisse romande // Sciences de l'Homme et Société. 2016. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-01377115/document> (дата обращения: 03.12.2021).
10. *Charpillod A., Grimm-Gobat G.* La Romandie dominée. Lausanne: Editions Pierre-Marcel Favre, 1982.
11. *De Pietro Fr.* Francophone ou Romand ? Qualité de la langue et identité linguistique en situation minoritaire // Eloy J.-M. (ed.) La qualité de la langue : le cas du français. Paris: Honoré Champion, 1995. P. 223–250.
12. *De Pietro Fr., Matthey M.* Entre insécurité et identité linguistique : le cas du français à Neuchâtel (Suisse) // Francard M. (ed.) L'insécurité linguistique dans les communautés francophones périphériques. Louvain-la-Neuve: Cahiers de l'institut de linguistique de Louvain. 1993. № 19/3. Vol. I. P. 121–136.
13. *Eichenberger I.* La “barrière de röstis”: un fossé qui relie les Helvètes // SwissInfo. 31.12.2014. URL: <https://www.swissinfo.ch/fre/societe/germanophones-vs-->

- francophones_la--barri%C3%A8re-de-roestis---un-foss%C3%A9-qui-relie-les-helv%C3%A8tes/41174052 (дата обращения: 21.12.2021).
14. *Knecht P.* La Suisse romande // Schlöpfer R. (ed.) La Suisse aux quatre langues. Genève, 1985. P. 125–169.
 15. *Knecht P.* Le Français en Suisse romande: aspects linguistiques et sociolinguistiques // Valdman A. (ed.) Le français hors de France. Paris: Honoré Champion, 1979. P. 249–258.
 16. *Lugon L.* Le confinement marque une frontière culturelle en Suisse // Le Temps. 23.03.2020. URL : <https://www.letemps.ch/suisse/confinement-marque-une-frontiere-culturellesuisse#:~:text=La%20Suisse%2C%20c'est%20une,%2C%20explique%20Olivier%20Meuwly%2C%20historien> (дата обращения: 01.12.2021).
 17. *Singy P.* L'ambivalence des Romands face à leur régiolecte // Francard M. (ed.) L'insécurité linguistique dans les communautés francophones périphériques. Louvain-la-Neuve: Cahiers de l'institut de linguistique de Louvain. 1993. № 19/3. Vol. I. P. 109–120.
 18. *Singy P.* L'image du français en Suisse romande. Une enquête sociolinguistique en Pays de Vaud. P., 1996.

REFERENCES

1. Aikhenberger I. 2017. «Kartofel'nyi rov»: propast', kotoraya ob'edinyayet gel'vetov ["Potato ditch": the abyss that unites the Helvetians]. *SwissInfo*. URL: https://www.swissinfo.ch/rus/vnutri-shveitsarii_-kartofel'nyi-rov---propast'--kotoraya-ob'edinyayet-gel'vetov/41184844 (accessed: 04.12.2021) (In Russ.)
2. Voroshilova M.B. 2007. Kreolizovannyi tekst: aspekty izucheniya [Creolized text: aspects of study]. *Politicheskaya lingvistika*, no. 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyi-tekst-aspekty-izucheniya-1> (accessed: 02.02.2022). (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 2022. Fenomen hybridité / gibrídnost' v gumanitarnom diskurse, mezhkul'turnoi kommunikatsii i kul'turnom transfere [The hybridité phenomenon in humanitarian discourse, intercultural communication and cultural transfer]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 17–34. (In Russ.)
4. Kurbanova-Il'yutko K.I. 2019. *Yazykovaya neuverennost' frankoyazychnykh nositelei Val' d'Aosty: prichiny vozniknoveniya* [Linguistic insecurity of French-speaking speakers of Aosta Valley: causes of occurrence]. In *Lingvistika, perevodovedenie i metodika obucheniya inostrannym yazykam: aktual'nye problemy i perspektivy: sbornik materialov I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Orel, 28 marta 2019 goda*. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi universitet im. I.S. Turgeneva, pp. 151–158. (In Russ.)
5. Nevezhina E.A. 2016. *Dinamika yazykovykh protsessov v Vallonii i Bryussele kak pogranychnykh arealakh Romanii: spetsial'nost'* 10.02.05 "Romanskíe yazyki": avtoref. diss. na soiskanie uchenoi stepeni kand. filol. Nauk [Dynamics of linguistic processes in Wallonia and Brussels as border areas of Romagna]. Moscow. (In Russ.)
6. Nevezhina E.A. 2021. Fenomen reshtigraben vo frankoyazychnoi presse Shveitsarii [The Röstigraben phenomenon in the Francophone Press in Switzerland]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 41–50. (In Russ.)
7. Nevezhina E.A. 2015. Fenomen yazykovoí uverennosti/neuverennosti v pogranychnom areale (na primere Vallonii, Bel'giya) [The Phenomenon of Linguistic security/insecurity in the Border Area (on the Example of Wallonia, Belgium)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 162–167. (In Russ.)

8. Aramaki M.D. 2010. Le français et le romand. *SwissInfo*. URL: <https://www.swissinfo.ch/fre/le-fran%C3%A7ais---et-le-romand/8451812#:~:text=%C2%ABAh%20bon%2C%20vous%20%C3%AAtes%20Suisse,%20de%20la%20dynamite!%C2%BB> (accessed: 21.12.2021).
9. Charoenwutipong R. 2016. Le français de Suisse romande. *Sciences de l'Homme et Société*. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-01377115/document> (accessed: 3.12.2021).
10. Charpillod A., Grimm-Gobat G. 1982. *La Romandie dominée*. Lausanne, Editions Pierre-Marcel Favre.
11. De Pietro Fr. 1995. *Francophone ou Romand ? Qualité de la langue et identité linguistique en situation minoritaire*. In Eloy J.-M. (ed.) *La qualité de la langue : le cas du français*. Paris, Honoré Champion, pp. 223–250.
12. De Pietro Fr., Matthey M. 1993. *Entre insécurité et identité linguistique : le cas du français à Neuchâtel (Suisse)*. In Francard M. (ed.) *L'insécurité linguistique dans les communautés francophones périphériques*. Louvain-la-Neuve, Cahiers de l'institut de linguistique de Louvain, no. 19/3. Vol. I, pp. 121–136.
13. Eichenberger I. 2014. La «barrière de röstis»: un fossé qui relie les Helvètes. *SwissInfo*. URL: https://www.swissinfo.ch/fre/societe/germanophones-vs--francophones_la--barri%C3%A8re-de-roestis---un-foss%C3%A9-qui-relie-les-helv%C3%A8tes/41174052 (accessed: 21.12.2021).
14. Knecht P. 1985. *La Suisse romande*. In Schläpfer R. (ed.) *La Suisse aux quatre langues*. Genève, Zoé, pp. 125–169.
15. Knecht P. 1979. *Le Français en Suisse romande: aspects linguistiques et sociolinguistiques*. In Valdman A. (ed.) *Le français hors de France*. Paris, Honoré Champion, pp. 249–258.
16. Lugon L. 2020. Le confinement marque une frontière culturelle en Suisse. *Le Temps*. URL: <https://www.letemps.ch/suisse/confinement-marque-une-frontiere-culturelle-suisse#:~:text=La%20Suisse%2C%20c'est%20une,%20%20explique%20Olivier%20Meuwly%2C%20historien> (accessed: 01.12.2021).
17. Singy P. 1993. *L'ambivalence des Romands face à leur régiolecte*. In Francard M. (ed.) *L'insécurité linguistique dans les communautés francophones périphériques*. Louvain-la-Neuve, Cahiers de l'institut de linguistique de Louvain, no. 19/3. Vol. I, pp. 109–120.
18. Singy P. 1996. *L'image du français en Suisse romande. Une enquête sociolinguistique en Pays de Vaud*. Paris, L'Harmattan.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021;
одобрена после рецензирования 18.12.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 18.11.2021;
approved after reviewing 18.12.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Невежина Елизавета Андреевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; liza031190@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta A. Nevezhina — PhD in Philology, Assistant Professor at Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; liza031190@rambler.ru

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕКЛАМЕ

Е.А. Глазова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; a-lionne@mail.ru*

Аннотация: В современном мире сфера применения методов интертекстуального анализа не ограничивается только художественным дискурсом. Эстетика эпохи модернизма нашла свое отражение в рекламных текстах. Реклама находится в рамках ограничения длины сообщения и требования максимального объема смысла. Обращение к прецедентным текстам позволяет решить эту задачу. Современная культура вся пронизана цитатами, ссылками, намеками разного сорта. Целью данного исследования будет проявление интертекстуальности во французских рекламных роликах. В видеорекламе присутствует несколько уровней подачи информации: текст, видеоряд и звук. На каждом из этих уровней может проявиться отсылка к ранее известному культурному произведению или явлению, таким образом, можно говорить об интердискурсивности и об интериконичности рекламного сообщения.

Ключевые слова: интертекстуальность; французская реклама; мем; прецедентный текст; сказка; сериал

Для цитирования: Глазова Е.А. Интертекстуальность во французской рекламе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 120–129.

INTERTEXTUALITY IN FRENCH ADVERTISING

Elena A. Glazova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; a-lionne@mail.ru

Abstract: In the modern world, the scope of application of intertextual analysis methods is not limited only to artistic discourse. The aesthetics of the Modernist era is reflected in advertising texts. Advertising is within the limits of the message length limit and the requirement of the maximum amount of meaning. Reference to precedent texts allows us to solve this problem. Modern culture is all permeated with quotations, references, hints of various kinds. The purpose of this study is the manifestation of intertextuality in French commercials. There are several levels of information presentation in video ads: text, video sequence and sound. At each of these levels, a reference to a previously known cultural work or phenomenon may

appear, thus, we can talk about the interdiscursivity and intericonicity of the advertising message.

Key words: intertextuality; French advertising; meme; precedent text; fairy tale; TV series

For citation: Glazova E.A. (2022) Intertextuality in French advertising. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 120–129. (In Russ.)

Современная культура вся пронизана цитатами, ссылками, намеками разного сорта. В театральных постановках, в кино и литературе намеки на прецедентные тексты стал практически необходимым приемом, без которого начинаются сомнения в культурном уровне автора. В частной жизни мы тоже каждый день сталкиваемся с мемами в интернете, с манипуляциями всем известными фразами в медиапространстве и с поговорками различной давности в разговоре.

Термин «прецедентный текст» связан с именем Ю.Н. Караулова, который дал следующее определение: «... значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987: 216].

Интертекстуальность, т.е. соотношение текста с предыдущими, «прецедентными» текстами, их цитация и переосмысление стала известна, благодаря философии постструктурализма и творчеству постмодернизма. Теорию о наличии связей между текстами и способность текстов ссылаться один на другой сформулировала Ю. Кристева. Она же ввела термин «интертекст». Расширенное представление об интертексте предложил Р. Барт. В его понимании каждый текст вбирает в себя не только предшествующие тексты, но и «обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [Барт, 1993: 78].

В последующих работах теоретиков структурализма и постструктурализма А.-Ж. Греймаса, Ж. Лакана, Ж. Дерриды культура, общество, история, литература стали рассматриваться как текст. Таким образом, культура в целом является прецедентным текстом для новых текстов. Лингвисты В.У. Дресслер и Р.-А. де Богранд определяют интертекстуальность как «зависимость между порождением

и рецепцией одного данного текста и знанием участником коммуникации других текстов» [Богранд, 1998: 188].

Существуют различные классификации проявления интертекстуальности. Данное исследование будет опираться на типологию интертекстуальных связей, предложенную Г.Г. Молчановой [Молчанова, 2021: 13]:

1) содержательная интертекстуальность (знание в прототексте тем, сюжетов, мотивов);

2) формальная (структурная) интертекстуальность (подражание стилю, синтаксису);

3) аллюзивная лексическая интертекстуальность (отсылка к лексике);

4) меметическая интертекстуальность (изменение контекстуального акцента в цитатах и мемах).

Интертекстуальность широко рассматривается относительно литературы и кино. Однако можно рассмотреть это явление и относительно других аспектов медиа пространства. Целью данного исследования будет проявление интертекстуальности во французских рекламных роликах. Реклама по своему формату всегда отличается краткостью. И небольшой текст или ролик должен содержать в себе какой-либо эффект, который бы привлек интерес читателя/зрителя и позволил бы запомниться. Рекламное сообщение на своем пути к получателю информации сталкивается с определенными трудностями. В реальной жизни люди стараются избежать навязанного им контента. По словам Ю.М. Лотмана, диалог между автором и читателем возможен только, если «существует взаимная заинтересованность участников ситуации в сообщении и способность преодолеть неизбежные семиотические барьеры» [Лотман, 1996: 193]. Намеками на общий культурный багаж рекламист создаст общее знание и сближает автора рекламы и потребителя.

Следует сразу отметить, что в видеорекламе присутствует несколько уровней подачи информации: текст, видеоряд и звук. На каждом из этих уровней может проявиться отсылка к ранее известному культурному произведению или явлению, таким образом, можно говорить об интердискурсивности и об интериконичности рекламного сообщения. Относительно именно рекламного сообщения можно опираться на толкование текста Ж. Дерриды: «“Текст” в том значении, в каком я использую данное понятие, не “книга”, не “рукопись”, не “бумага” в тривиальном смысле слова. Равно как и “письмо” или “след”, текст не ограничивается плоскостью, на которую нанесена некая графика. “Текст” ... служит исключительно стратегическим целям... поэтому я посчитал необходимым расширить само понятие “текста”, разомкнув его лингвистические грани-

цы. — Вот почему я говорю “нет ничего вне текста”» [Derrida, 1986: 167]. Таким образом, изображение тоже может являться прецедентным текстом.

1. К видеорекламе с содержательной интертекстуальностью относятся прежде всего сказочные сюжеты. Нужно добавить, что она неразрывно связана и с лексической интертекстуальностью в случае упоминания имен собственных.

Одной из наиболее популярных сказок является «Белоснежка». Основная акцент сюжета делается на отравленном яблоке.

В рекламе 2009 г. Vanque Populaire Белоснежка отказывается от яблока злой мачехи, потому что сама основала завод по переработке яблок (где работают гномы)¹.

В серии плакатов компании Louis Vuitton Белоснежка выглядит достаточно мрачно, а гномы и вовсе инфернально в черных капюшонах. Они помогают своей любимице нести алые сумки и чемоданы. В продолжении серии Белоснежка уже лежит с надкушенным алым восковым яблоком, а из яркой сумки выпадают еще такие же плоды.

Безусловно, яблоко яркий образ сказки, но есть рекламы, где смещается смысловое ядро сказки к периферии. Например, может обыгрываться имя Белоснежки. Своеобразное решение для продвижения своей продукции выбрала Nivea. На плакате рекламы крема для загара представлена темнокожая, почти черная, девушка в белом платье и узнаваемой прическе, похожая на негативное фото Белоснежки из мультфильма У. Диснея. Так реклама обыгрывает цвет кожи сказочной героини.

Очень популярен сюжет сказки «Золушка». Самый драматичный поворот в сказке — потеря туфельки, которая иногда поддерживается семьей «полночь». К примеру, всемирно известная компания Louboutin прибегла к иконической метонимии, изобразив в центре своей рекламы туфельку на множестве часов, показывающих полночь. Сама героиня на плакате отсутствует. Другой французский дом моды Louis Vuitton тоже сделал акцент на туфельке и полуночи, добавив все же в кадр ноги Золушки в шелковом мини. Еще одна компания, известная своими предметами роскоши, Hermès, уже впустила Золушку в кадр и сделала акцент на самом моменте потери туфельки. Реклама Mc Donalds, наоборот, отходит от понятия туфельки и подчеркивает момент трансформации Золушки в полночь. На плакате изображена девушка в разорванном платье, сидящая верхом на тыкве и окруженная мышами. Удивленный работник кафе про-

¹ Материалы рекламы в статье взяты с видеохостинга YouTube и сайта Culturepub.fr.

тягивает ей заказ со знакомым логотипом. Слоган гласит: “Venez chez nous comme vous êtes!” — «Приходите к нам такие, какие вы есть!»

Французская реклама не обходит стороной и сюжет о спящей красавице. Главный смысловой акцент сказки — поцелуй любви, который должен разбудить принцессу. В рекламе поцелуй остается второстепенным элементом сюжета, а основной акцент либо смещается к периферии, либо полностью видоизменяется. Например, реклама национальной компании железных дорог Франции в 2006 г. сняла мультфильм о спящей красавице. Дворецкий приходит к принцу, который загорает в солярии, с расписанием дел на день. Главным пунктом там указан поцелуй любви. Принц вскакивает, бросается в машину и отправляется на этот почетный подвиг. Но по дороге он попадает в пробку вместе с другими кандидатами, спешащими по тому же адресу. Принцесса ждет по правилам в своей башне. Но потом ей это надоедает. Она встает и едет на вокзал, где из поезда выходит... дворецкий.

Наиболее необычной и интересной интерпретацией сказочного сюжета является реклама обуви класса люкс J.M. Weston. Ролик 2017 г. называется «Спящий красавец», в главной роли выступает чернокожая звезда кино Омар Си. Режиссер ролика — франко-маллийский певец и композитор Оксемо Пуччино. Уже по названию понятно, что от этого минифильма нужно ожидать инверсии знакомого сюжета. Но автор в своей фантазии идет дальше. В сюжете девушка находит спящего на кровати Омара Си. Она его целует. Но современный прекрасный принц и не думает просыпаться. Девушка глядит на часы. Понятно, что она должна разбудить возлюбленного до 12 часов. Дальше следует различные способы воздействия на красавца: массаж сердца, щекотка пером и т.д. Затем девушка замечает коробку с замечательными лиловыми ботинками. Она обувает Омара Си и тот чудесным образом пробуждается к полуночи. Завершает фильм танец влюбленных, который напоминает сразу несколько сказок-мультфильмов студии Дисней. В этой истории переплетаются несколько сказочных сюжетов: «Спящая Красавица» (спящий красавец), «Золушка» (полночь, туфелька), «Красавица и Чудовище» (вальс).

Все эти сказки имеют свой вариант во французской литературе, вышедший из-под пера Шарля Перро. Однако стоит отметить, что во французской рекламе появляются ссылки не только на французскую культуру. Голливуд прочно обосновался в умах и сердцах французов. Так реклама Greenpeace снята в стиле звездных войн, когда под маской Дарта Вейдера, отрицательного персонажа из киносаги «Звездных войн» (американского режиссера Д. Лукаса), скрывается президент Республики, Эмманюэль Макрон. Слоган,

который дальше появляется в рекламе: “Nos dirigeants sont passés du côté obscur”. — «Наши руководители встали на темную сторону», — также делает отсылку к знаменитому фильму.

Еще один ролик, рекламирующий азартные игры, делает на намек на известный американский мультфильм «Король-лев». По замыслу создателей данной рекламы, любой выигравший — король мира. Молодого человека огромный пожарный поднимает на руки и несет куда-то наверх. Все люди, которых они встречают на своем пути, замирают и кланяются. В конце пожарный поднимает молодого победителя над городом, как бы показывая всему миру, и все люди встают на колени. Данная сцена ассоциируется с тем, как король-лев показывал своего львенка всем животным. Таким образом, французские рекламисты используют коллективное бессознательное, включающее и американский стиль жизни.

2. Примеры структурной интертекстуальности тоже можно проследить во французской рекламе.

Ролик, посвященный цифровой безопасности, был создан по заказу французского правительства в 2021 г. Он имитирует популярный французский сериал 2015–2020 гг. «Бюро» (“Bureau des légendes”) о шпионах, работающих под прикрытием. В ролике сотрудница Бюро рассказывает коллегам, какие стратегии нужно разработать, как нужно расшифровать информацию и т.д. И параллельно девушке звонят разные родственники и рассказывают о проблемах с цифровыми устройствами. Она объясняет, что это виды мошенничества и что все должны быть бдительны. Стиль изложения совпадает со стандартными фразами детективных и шпионских сериалов: «Последний сигнал получен оттуда», «Еще несколько минут, и я смогу взломать код и получить необходимую информацию», «Все под контролем». Нужно добавить, что данный пример также имеет черты и содержательной интертекстуальности.

Стиль изложения сказки имитирует реклама 2018 г. *Sergent Major*, компании по выпуску детской одежды. Реклама показывает, насколько у детей может быть работать фантазия. Ролик представляет собой коллективное сочинение истории маленькими детьми. Детский рассказ сопровождается мультфильмом. «Жили-были рыцарь, эльф и волк. Они искали сокровище. Они передвигались кувырком. И вдруг... Принцесса. У нее были длинные волосы. Они были желтые. И золотые зубы. Он сразу в нее влюбился, потому что нашел ее очень красивой...» Понятно, что дети связали вместе все, что они помнят из волшебных историй: и набор персонажей, и само развитие истории (поиск сокровища, прохождение пути, встреча прекрасной принцессы, а в продолжении истории — преодоление различных трудностей), и типичные для сказки конструкции: «жили-были»,

«идти вперед», «длинные волосы», «золотые», «подниматься до Солнца», «не поверил своим глазам», и т.д.

Заканчивается история тем, что герои нашли сокровище. Но в сундуке сидела лягушка. И они ей сказали: «Ты уволена». Последняя фраза показывает, что у детей смешиваются в голове типичные структуры: те, которые они встречают в сказке и те, которые они слышат в сериалах по телевидению.

В этом примере видно, что понятие текст размывается, подтверждая мысль постструктуралистов, что текст — это всё многообразиие мира.

3. Само слово «мем» происходит от слова “mimesis”, т.е. имитация, что вписывается в концепцию интертекстуальности. Р. Докинз, предложивший этот термин, понимал под ним «единицу культурной информации» [Докинз, 2013: 156]. Он считал мемом музыку, образ мышления, крылатые слова, образцы национального костюма, песни, архитектурные особенности, и т.д. Меметическая интертекстуальность, которая встречается во французской рекламе, основана не на быстроменяющихся интернет-мемах, а на общеизвестных фактах и цитатах.

Реклама компьютерной игры Sega изображает в своем сюжете высадку первого человека на Луне. Всем известна фраза астронавта Нила Армстронга, прокомментировавшего свой полет на Луну: «Это один маленький шаг для человека, но большой скачок для человечества». Именно она и звучит в рекламном ролике. Зритель видит космонавта с американским флагом. Он произносит заветную фразу. Но в этот момент он замечает другого космонавта, с флагом Бразилии. Они начинают бороться. Дальше к ним бежит уже толпа космонавтов с флагами различных стран. Происходит битва, имитирующая рекламируемую игру.

Еще одним примером меметической интертекстуальности рекламу супермаркета Système U. Ролик обыгрывает известное выражение: «Что раньше появилось: яйцо или курица?» В сюжете показан как бы обратный ход событий. Зритель видит трансформации курицы в цыпленка, цыпленка — в яйцо, затем — опять в курицу. Меняются эпохи: от современности через войны, королевские игры, улицы Средневековья, походы викингов, пещеры неандертальцев до юрского периода. Конечно, ответ так и не найден. Но голос за кадром говорит, что это и не важно. А важно, что в супермаркете всегда свежие продукты.

Важным элементом, который тоже может считаться мемом является музыкальное оформление рекламы. Например, реклама Lacoste 2019 г. использовала песню Э. Пиаф “Hymne à l’amour” — «Гимн любви». В фильме молодые люди ссорятся. На фоне их ссоры на-

чинает рушиться дом, что совпадает со словами: «Синее небо на нас может обрушиться, И Земля может разлететься вдребезги, Мне это неважно, если ты меня любишь, Мне наплевать на целый свет». В один момент они опомнились и бросились в объятия друг друга.

Подобный прием появляется в рекламе Ouigo 2019 г. Только там используется песня Шарля Азнавура “Hier encore j’avais 20 ans” — «Только вчера мне было 20 лет». Ролик обыгрывает ностальгию по юности, показывая стереотипы разных поколений.

Нужно отметить, что для французской рекламы очень важны слова песни, которые переосмысливаются в сюжете. В частности, в 2021 г. Министерство здравоохранения Франции выпустило ролик социальной рекламы под песню 1961 г. Ж.-К. Паскаля “Nous les amoureux” — «Мы влюбленные». В песне такие слова: «Мы влюбленные, Нас хотели бы разлучить, Нам хотели бы помешать быть вместе... Глупцы или озлобленные нам делают больно ... Но однажды настанет час, когда мы сможем свободно любить, И никто ничего не скажет, потому что Мы влюбленные, Мы спим на коленях у Бога, и Он дал нам право на счастье и радость». Эта песня о борьбе двух возлюбленных против предрассудков общества. Ж.-К Паскаль выиграл с ней конкурс «Евровидение» в 1961 г. Однако, как он позже признавался, на самом деле это произведение о преследованиях сексуальных меньшинств. Если присмотреться, то слова песни действительно двусмысленные. Таким образом, социальная реклама, где она используется, призвана поддержать права меньшинств. Слоган в конце гласит: «Станем лучше перед угрозой нетолерантности».

4. Как уже было сказано, реклама — это креолизованный текст. Креолизованный текст определяется как текст, «фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Степанов, 1999: 180–181] По этой причине видео ряд имеет не меньшее значение, чем звуковой. Реклама имеет возможность «цитировать» не только языковой текст, но и изображение. Например, реклама Олимпийских Игр в Японии в 2021 г. использовала традиционную японскую живопись. И в этой стилистике, имитируя типично японское изображение людей и природы, был создан анимационный фильм, рассказывающий о занятиях спортом и приглашающий смотреть Олимпиаду.

Рекламный ролик PMU 2019 г., тотализатора ставок на лошадиные бега, использует сразу несколько известных изображений или фактов. Начинается ролик с имитации картины Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ», дальше показаны первая мировая война, высадка человека на Луну, намек на фильм «Звездные войны» и на Троянскую войну. Все действующие лица не могут устоять и скачут на лошади.

Таким образом, в современном креолизованном тексте французской рекламы интертекстуальность встречается на всех уровнях: текст, звук, изображение.

Содержательная интертекстуальность наиболее часто отсылает к знанию сюжета сказок, а также современных сериалов и мультфильмов. С культурологической точки зрения нужно отметить, что выбираются как французские, так и зарубежные (американские) источники.

Формальная (структурная) интертекстуальность более сложна для своего восприятия и требует больших усилий и концентрации для распознавания. По этой причине рекламисты реже делают на нее ставку. Выбранные же структуры отличаются максимальной простотой и узнаваемостью: жанр сказки или детектива.

Лексическая интертекстуальность неотделима от других видов интертекстуальности. Она выражается в именах персонажей. Но наиболее очевидно она проявляется в песнях, в звуковом ряде рекламы.

Меметическая интертекстуальность — один из самых употребляемых приемов французской рекламы. Она ищет источник в основном в повседневной культуре, истории и искусстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1993.
2. *Богранд Р.* Введение в лингвистику текста. М., 1998.
3. *Докинз Р.* Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н. Фоминой. М., 2013.
4. Интертекстуальность. Теория и практика / Под ред. В.В. Гореева. 3-е изд. М., 2008.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 216.
6. *Кристева Ю.* Семиотика. М., 1991.
7. *Лотман Ю.* Внутри мыслящих миров: человек текст — семиосфера — история. М., 1996.
8. *Молчанова Г.Г.* Интертекстуальность и мифотехнологии в постмодернистском тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 9–18.
9. *Степанов Ю.С.* «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии). СПб., 1999.
10. *Derrida J.* But beyond...: Open letter to Anne McClintock and Rob Nixon / Transl. by P. Kamuf // *Critical Inquiry*. 1986. Vol. 13. No 1. (Autumn 1986)

REFERENCES

1. Bart R. 1993. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow. (In Russ.)
2. Beaugrande R. 1998. *Vvedenie v lingvistiku teksta* [Introduction to Text Linguistics]. Moscow. (In Russ.)
3. Derrida J. 1986. But beyond...: Open letter to Anne McClintock and Rob Nixon. Transl. by P. Kamuf. *Critical Inquiry*, vol. 13, no. 1.

4. Dawkins R. 2013. *Egoistichnyi gen* [The Selfish Gene]. Moscow. (In Russ.)
5. Goreev V. 2008. *Intertekstualnost. Teoriia i praktika* [Intertextuality. theory and practice]. Moscow. (In Russ.)
6. Karaulov U. 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and language personality]. Moscow. (In Russ.)
7. Kristeva J. 1991. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow. (In Russ.)
8. Lotman U. 1996. *Vnutri mysliachikh mirov: chelovek-tekst — semiosfera — istoriia* [Inside the thinking worlds: man text — semiosphere — history]. Moscow. (In Russ.)
9. Molchanova G.G. 2021. Intertekstualnost I mifotekhnologii v postmodernistskom tekste [Intertextuality and myfotechnologies in the postmodern text]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18 (In Russ.)
10. Stepanov U. 1999. “Intertekst”, “internet”, “intersub’ekt” (k osnovaniiam sravnitelnoi konceptologii) [“Intertext”, “Internet”, “intersubject” (to the foundations of comparative conceptology)]. St. Petersburg. (In Russ.)
11. *The advertising materials are taken from the YouTube video hosting and the website Culturepub.fr.* (In French)

Статья поступила в редакцию 16.11.2021;
одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 16.11.2021;
approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Глазова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; a-lionne@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Glazova — PhD in Philology, Associate Professor at the Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; a-lionne@mail.ru

**«ОБРАТИ ВЗОР СВОЙ НА ЗЕМЛЮ»:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БАФФИ СЕНТ-МАРИ В ПРОСТРАНСТВЕ
МЕДИАКУЛЬТУРЫ**

Ю.С. Овчинникова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; julia.barkova@gmail.com*

Аннотация: Развитие современной цивилизации происходит в условиях информационного общества и усиленного влияния медиакультуры, наполненной различного рода этнодискурсами — художественными произведениями и контекстами этнокультурной природы, основанными на устной словесности и на традиционной ценностной системе. В статье осмысливается специфика репрезентации музыкальной, образовательной и общественной деятельности Баффи Сент-Мари в пространстве медиакультуры. На основе анализа интернет-ресурсов автор выделяет следующие смысловые блоки современного аборигенного этнодискурса в творчестве канадской исполнительницы: аксиология культуры коренных народов Америки в детской телевизионной программе «Улица Сезам»; авторский образовательный проект “Cradleboard teaching project” для коренных народов на основе поддержки аборигенных культур и языков; песенное творчество как выражение канадской миротворческой аксиологии; обращение к аборигенному и экологическому вопросам через общественные выступления, лекции и участие в протестном движении. Этномузыкальное творчество Б. Сент-Мари в пространстве медиакультуры служит поддержкой аборигенного образования, способом манифестации основных положений протестного движения коренных народов Канады, средством живого диалога и объединения близких по духу людей в защиту традиционных ценностей.

Ключевые слова: Баффи Сент-Мари; музыка коренных американцев; аксиология культуры коренных народов; аборигенное образование; песня протеста; права коренных народов; музыка Канады; протестное движение; Idle No More

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Овчинникова Ю.С. «Обрати взор свой на землю»: Репрезентация музыкальной, образовательной и общественной деятельности Баффи Сент-Мари в пространстве медиакультуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 130–140.

“PUT YOUR EYES ON THE EARTH”: REPRESENTATION OF BAFFY SAINT-MARIE’S MUSICAL, EDUCATIONAL AND SOCIAL ACTIVISM WORK IN MEDIA CULTURE SPACE

Julia S. Ovchinnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; julia.barkova@gmail.com

Abstract: The development of modern civilization is characterized by information society and by the growing influence of media culture filled with different kinds of ethnic discourses — artistic works and contexts of ethnic cultural nature based on oral language and on traditional system of values. The paper focuses on the representation of Buffy Saint-Marie’s musical, educational and social activism work in media culture space. On the basis of internet-sources analysis, the author singles out the following conceptual blocks of modern aboriginal ethnic discourse in the works of the Canadian musician: axiology of Native American cultures in music episodes of children’s TV show “Sesame Street”; the authors’ educational Cradleboard Teaching Project for Native Americans on the basis of aboriginal cultures and languages support; authorial songs as the expression of the Canadian peace-making axiology; turning to aboriginal and ecological issues through participating in protest movement Idle No More, through public speeches and lectures. Ethnic musical art of Buffy Saint-Marie in media culture space serves as a support of aboriginal education, as a way of manifesting the main ideas of protest movement of Native Americans in Canada, as a means of live dialogue and unifying people sharing the same views of life and attitudes for protecting traditional values.

Key words: Buffy Sainte-Marie; Native American music; axiology of Native American cultures; aboriginal education; protest song; rights of Native Americans; Canadian music; protest movement; Idle No More

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Ovchinnikova J.S. (2022) “Put your eyes on the earth”: representation of Buffy Saint-Marie’s musical, educational and social activism work in media culture space. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 130–140. (In Russ.)

Развитие современной цивилизации происходит в условиях информационного общества и усиленного влияния медиакультуры — многогранного полифункционального феномена, выступающего как пространство для межкультурной коммуникации, репрезентации различных антропологических практик и художественных феноменов, актуализации их социальных функций. Объединяя различные стороны общественной жизни — образование, культуру, искусство, общественно-политическую деятельность и другие сферы — медиа-

культура сохраняет и ретранслирует с помощью современных технологий аксиологические смыслы [Славина, Солдаткина, 2021: 291–292]. Особенно ярко это проявляется в этнокультурной сфере и в развитии различного рода этнодискурсов — художественных произведений и контекстов этнокультурной природы, основанных на устной словесности и на традиционной ценностной системе [Ващенко, 2013: 144]. Особая роль в этих процессах принадлежит творческим личностям аборигенного происхождения, демонстрирующим процесс активного экспериментирования с глубинными элементами культуры (с устным и письменным словом, с дискурсом на уровне всех его элементов) с опорой на традиционную аксиологию.

Среди ярких творцов мировой музыкальной культуры второй половины XX — начала XXI в. — канадская исполнительница и композитор из племени кри Баффи Сент-Мари [7], ставшая своего рода символом современной музыкальной культуры коренных народов Северной Америки. На основе анализа особенностей репрезентации композиторской, исполнительской, образовательной, общественно-политической деятельности Баффи Сент-Мари в пространстве медиаккультуры, выделим смысловые блоки ее авторского этнокультурного дискурса.

1. «Прислушайся к дуновению ветра»: аксиология коренных народов в детской телевизионной программе «Улица Сезам». В конце 1970-х в течение пяти лет Баффи Сент-Мари активно участвовала в серии программ, выступая с индейскими музыкальными инструментами (односторонний рамный барабан, музыкальный лук и др.), рассказывая о жизни и культуре коренных американцев. Основная идея этой работы — поведать миру о том, что индейцы существуют, что их культура уникальна, самобытна и духовно богата. Посредством исполнения авторских песен Баффи транслирует ключевые ценности коренных народов, которые учат вниманию и бережному отношению к природе как к источнику жизни и красоты. В Канаде, как отмечает А.В. Ващенко, природное и аборигенное начала «неразрывны генетически, нерасторжимо связаны, поскольку взаимозависимы... выражают естественную красоту бытия, тем самым раскрывая идентичность страны» [Ващенко, 2013: 93]. Сцена видеосюжета «Послушайте песню ветра» (“Listen to the wind blow”)¹ незамысловата: осенняя городская улица, звуки ветра, Б. Сент-Мари сидит в окружении детей и под аккомпанемент барабана начинает песню ярким этноспецифическим интонированием:

Хэй-а-уэй, хэй, хэй-а-хэй хэй-хэй-а

¹ *Sesame Street: Listen to the Wind Blow*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dyEE7EQx5Z0> (accessed: 02.12.2021).

Уэй хэй-а-уэй, хэй, уэй-хэй-а уэй-о
Хэй-а-уэй, хэй, хэй-а-хэй хэй-хэй-а
Хэй-хэй-а уэй хэй-уэй хэй-а уэй-о

В процессе игры Баффи обращается к детям: «Это песня про ветер. Какие звуки он издает?.. Иногда он такой холодный... а иногда нежный, теплый...»

Listen to the wind blow.
Where does the wind go?
What does the wind know?
Listen to the wind blow.

Прислушайся к дуновению ветра.
Куда летит ветер?
Что знает ветер?
Прислушайся к дуновению ветра.

Listen to the wind in the warm June weather.
Let's all run and play in the grass together
With the summer breeze!
Hot it loves to tickle, and tease, and fool us.
But when we get hot there's his breath to cool us.
Singin' high above in the top of a rustlin' tree...

Прислушайся к ветру теплым июньским днем.
Давайте бегать и играть в траве
Вместе с летним бризом!
Как нравится горячему ветру щекотать и поддразнивать нас.
Но когда становится жарко, его дыхание приносит прохладу.
Его пение слышится высоко в шелесте листьев...

Образы песни отсылают нас к способности коренных американцев чувствовать природу, соинтонировать с ее жизнью, слышать ее дыхание в дуновении ветра, чувствовать «биение сердца» Матери-Земли, сонастраиваясь с ритмом и голосом Вакан-Танки (Великой Тайны).

2. Образовательный проект «Заспинной доски»: обучение коренных народов на основе поддержки аборигенных культур и языков. Начинания Б. Сент-Мари в телевизионной программе «Улица Сезам» получили развитие в авторском образовательном проекте: «Мне посчастливилось побывать с концертами во многих странах... Я была молодым музыкантом с большим количеством денег. И я знала, что что в резервациях есть много детей и подростков, которые не знают, как попасть в колледж... И я создала Фонд — Nihewan Foundation for American Indian education»². Фонд был организован в 1996 г. как некоммерческая общественная организация, направленная на развитие образования в области культуры коренных американцев. Название проекта метафорично и отражает идею

² *Detoxify self-perception with Buffy Sainte-Marie: Arizona State University (ASU).* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1snRp1daA3A> (accessed: 02.12.2021).

традиционного «вынашивания» младенца для подготовки ко вступлению во взрослую жизнь: «Cradleboard» означает «заспинная доска», в которой индейские матери носят своих малышей. Такие доски ярко декорированы, удобны в использовании. Миссия проекта перекликается с задачами «вращения» детей: «Это методика будущего, которая предлагает изучать живую культуру... что со временем... принесет пользу индейским детям, которые ищут ответы на вопросы “кто я?... и что думают другие о том, кто я?”»³ Проект отличает направленность на детей как индейского, так и неиндейского происхождения; живое и актуальное содержание; сочетание новейших интерактивных и традиционных методов передачи знаний.

Сайт проекта хорошо структурирован, располагает следующими разделами: «миссия»; «о проекте»; «пресса»; «обращение к учителю»; «учебный план»; «ресурсы по культуре коренных американцев» и др. Показательно послание к Учителю, в котором звучат слова вдохновения, поддержки, указания смысла общей работы: «Индейцы страдают от неправильного понимания нашей жизни. Неиндейские дети и их учителя хотят больше знать о нас, но это затрудняется безжизненными, неточными материалами, порожденными отсутствием подлинной Встречи с нами... Вместо того, чтобы изучать мертвый текст, передающийся из поколения в поколение... все дети сегодня могут говорить напрямую с “далекими” аборигенами, совместно изучать индейские культуры»⁴. Учебный план отличается самобытностью, глубиной, удобством использования на всех уровнях образования. Многие выпускники проекта сегодня продолжают работу в сфере аборигенного образования на уровне не только средней, но и высшей школы.

3. «Приложение песен к делу»⁵: музыка как выражение канадской миротворческой аксиологии. Концепция мира является одним из оснований идентичности современных канадцев [Вашенко, 2007]. Как показывают исследования А.В. Вашенко, важной доминантой культурно-исторического опыта Канады являются народные миротворческие модели (происходящие из аборигенных культур (фольклора ирокезов Онтарио и сквомишей Британской Колумбии), а также из опыта духоборцев), в которых миротворческий путь предстает как осознанный исторический выбор, сделанный общиной,

³ *Cradleboard Teaching Project*. URL: <http://www.cradleboard.org/main.html> (accessed: 02.12.2021).

⁴ *Cradleboard Teaching Project*. URL: <http://www.cradleboard.org/main.html> (accessed: 02.11.2021).

⁵ *Sainte-Mary, Buffy. Biography*. “Putting songs to work”. URL: http://buffysainte-marie.com/?page_id=24 (accessed: 02.12.2021).

этносом или союзом племен. Эти модели, зародившись в аборигенном канадском фольклоре о миротворческих событиях, трансформировались в национальный курс и национальные метафоры [Романов, 2011: 139–147], которые продолжают проследиваться в музыкальном творчестве современных этномузыкантов.

Произведением эпохи, получившим международный отклик, стала песня Б. Сент-Мари «Универсальный солдат» (*The Universal Soldier*, 1964), о которой Саймон Дж. Ортис вспоминает: «...Это были годы начала конфликта в Юго-Восточной Азии, который потом перерос во Вьетнамскую войну. Когда я услышал песню “Универсальный солдат”, я был под сильным впечатлением... Эти слова, язык... сознательное отношение к тому, чтобы быть человеком... характеризовали феномен голоса, ставшего настолько значимым для нас. Баффи Сент-Мари показывала настоящую историю, которая происходила на самом деле. Это опыт, который Америке надо было пережить, опыт, похожий на поэзию, которую ты не просто слушаешь, но и понимаешь как твою собственную, когда она становится твоей... и тем, как ты начинаешь видеть себя... Баффи всегда защищала ненасильственную борьбу — мы не должны быть агрессивными и унижающими друг друга, но убежденными в том, кто мы, уверенными в том, что делаем»⁶.

Б. Сент-Мари призывает каждого к осознанию личной ответственности за войны и за то, что происходит в мире. Образ «Универсального солдата» собирательный: ему не одна тысяча лет, он католик, индус, атеист, джайнист, буддист, баптист или иудей, и он убивает «тебя ради меня... или меня ради тебя». Он воюет за канадцев, за французов, за американцев, за русских или японцев, полагая, что добьется справедливости. Сражаясь за демократию, ради мира на земле, он решает, кому жить, а кому умирать [Овчинникова, 2017: 46]:

His orders come from far away no more.	Приказы к нему больше не приходят издалека.
They come from here and there and you and me,	Они идут от него самого, от тебя и от меня
And brothers can't you see?	И разве вы не видите, братья, —
This is not the way we put the end to war	Так мы не положим конец войнам ⁷ .

⁶ *Detoxify self-perception with Buffy Sainte-Marie: Arizona State University (ASU)*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1snRp1daA3A> (accessed: 02.12.2021).

⁷ *1 Sainte-Mary, Buffy: The Universal Soldier*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VGWsGyNsw00> (accessed: 02.12.2021).

Другой пример песни-послания посвящен Матери-Земле — «Продолжи Ее жизнь» (“Carry it on”, 2015)⁸. Клип начинается с панорамы Земли, образов индейцев, танцующих в ярких костюмах и раскрывающих «крылья» поднятых рук, словно бутоны распускающихся цветов... Камера обращает наш взор на Землю, на картины живой природы — коней, скачущих по побережью, тропического дождя, кружащихся в небе птиц... Доллары кружатся над Землей. Небо покрывается тучами, начинается гроза, гром и молния. Пожары охватывают леса. Коренные жители выходят на демонстрации за права Земли и братьев меньших. За ними представлены образы лошадей, оленей, чаек, бобров, детей разных национальностей.

Hold your head up,	Держи голову выше,
Lift the top of your mind,	Возвысь свой разум,
Put your eyes on the Earth,	Обрати взор на Землю,
Lift your heart to your own home planet.	Раскрой сердце нашему общему дому — планете.
What do you see?	Что ты видишь?
What is your attitude	Каково твое отношение?
Are you here to improve or damn it	Ты здесь, чтобы улучшить ее или обречь на мучения.

Look right now and you will see	Взгляни прямо, и ты увидишь,
We're only here by the skin of our teeth as it is.	Что мы здесь единственные, чтобы успеть что-то сделать.
So take heart and take care of your link with life.	Воспрянь духом и позаботься о твоей связи с жизнью.

Видеоряд и поэтический текст носят характер манифеста современному человечеству, что завершается известным индейским выражением: «Мы не наследуем Землю от наших Предков. Мы берем ее взаймы у наших Детей».

4. Аборигенный и экологический вопросы: участие в протестном движении, общественные выступления и лекции. Б. Сент-Мари активно участвует в протестном движении Idle No More («Нет бездействию!»), которое с конца 2012 г. играет важную роль в политическом пространстве Канады: «Это очень, очень внушительное движение... Это признание того, над чем многие, многие из нас работали годами — по проблемам окружающей среды, договоров, суверенитета — все эти вопросы мы освятили в своих требованиях...

⁸ *Sainte-Marie, Buffy. Carry It On (Music Video)*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=08gyjR0Sk4s> (accessed: 02.12.2021).

Канадскому Парламенту»⁹. Пресс-релиз движения (2013) содержит такие требования, как «законодательное закрепление коллективных прав на землю и защиту окружающей среды, противодействие монополиям в сфере добычи природных ископаемых, усиление механизмов защиты территорий, принадлежащих коренным народам, соблюдение Декларации о правах коренных народов ООН, выстраивание отношений между канадским государством и коренными народами по принципу международных отношений “nation-to-nation”» [Романов, 2017]. Движение Idle No More, его идеи и история в фотографиях, представленные на канале youtube.com, находят свое музыкальное воплощение в песне Б. Сент-Мари “No, no Keshagesh” («Нет, нет ненасытным желудкам»)¹⁰:

Put mother nature on a luncheon plate,	Они кладут Матерь-Природу на обеденную тарелку,
They cut her up and call it real estate.	Разрезают на куски и называют земельной собственностью.
Want all the resources and all of the land,	Они хотят заполучить все ресурсы и земли,
They make a war over it, blow things up for it.	Разводят на ней войну, разрушают всё ради этого.

The reservation now the poverty row.	Резервация сейчас — пространство бедности.
There’s something cooking, and the lights are low,	Что-то готовится, свет приглушен,
Somebody’s is trying to save our Mother Earth.	Кто-то пытается спасти нашу Матерь-Землю.
I’m gonna help them	Я собираюсь помочь им
To save it...	Спасти ее...

Важная тема лекций и выступлений Б. Сент-Мари — воспитание детей и поддержка творческих талантов. В своем дискурсе Баффи подчеркивает, что в основе творчества лежит не установление границ правильного и неправильного, а игра души: «Я думаю, что каждый из нас художник. Все дети... создают произведения... истинного творчества. Мы созданы по образу Творца, мы призваны быть творческими. Мы создаем наши семьи, мы создаем музыку, мы создаем наш мир. Если мы делаем этот шаг, то перестаем слушать кого-либо

⁹ Shannon Susan. *Buffy Sainte-Marie Brings Her Special Kind of Activism to Norman. March, 22, 2013*. URL: <https://www.kgou.org/post/buffy-sainte-marie-brings-her-special-kind-activism-norman> (accessed: 02.12.2021).

¹⁰ *Sainte-Mary, Buffy. The Universal Soldier*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VGWsGyNsw00> (accessed: 02.12.2021).

за нашей спиной...»¹¹ Баффи говорит эмоционально и непринужденно, вдохновляя всех, к кому обращается, вселяя веру в себя и надежду на возможность перемен.

Что еще отличает Б. Сент-Мари — оптимизм и умение радоваться, деятельный настрой по отношению к проблемам, которые встают перед современным человечеством. Это качество отмечает Саймон Дж. Ортис: «... Баффи всегда была позитивна настроена к трудностям, с которыми мы сталкиваемся, особенно здесь в США, где много и достаточно трудностей для каждого. И перед нами всегда ее целительный, доброжелательный взгляд, потому что это и есть способ, которым мы преодолеваем и боремся с ними. И еще это чувство солидарности, которое она испытывает ко всем людям, особенно к тем, кто составляет сердце нашей жизни, к людям в наших общинах, ответственности и обязанности которых надо еще поучиться»¹².

Б. Сент-Мари через музыку и слово шаг за шагом возвращает общинное сознание, способствует совместному переживанию духовного родства человечества: «Мы не разделены, мы можем работать вместе. Не унывайте, когда за завтраком Вы слушаете новости о том, что происходит. Это временное. Мы идем через перемены. Не унывайте... От политиков можно сойти с ума. Мы ставим их на пьедестал, и они делают все это?! ... Но в наших общинах, в семьях, на наших встречах мы можем вдохновить друг друга на прекрасное, мы можем это»¹³.

Баффи не одинока в своих устремлениях. Ей созвучны голоса представителей многих народов — России, Северной и Южной Америки, Индии, Шотландии, Испании и многих других — где сегодня происходит отстаивание через различные формы творчества традиционных ценностей. Изучение деятельности современных этномузыкантов в пространстве медиакультуры заново открывает нам Америку — не ту, что мы видим на политической арене с экранов телевизоров, а живых, творческих и родственных по духу людей, чаяния которых, несомненно, принесут новые созидательные плоды.

¹¹ *Shannon, Susan. Buffy Sainte-Marie Brings Her Special Kind of Activism to Norman. March, 22, 2013. URL: <https://www.kgou.org/post/buffy-sainte-marie-brings-her-special-kind-activism-norman> (accessed: 02.12.2021).*

¹² *Detoxify self-perception with Buffy Sainte-Marie: Arizona State University (ASU). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1snRp1daA3A> (accessed: 02.12.2021).*

¹³ *Detoxify self-perception with Buffy Sainte-Marie: Arizona State University (ASU). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1snRp1daA3A> (accessed: 02.12.2021).*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ващенко А.В. Возвращение на Итаку: этнокультурный фактор в художественном пространстве второй половины XX века. М., 2013.
2. Ващенко А.В. Народные миротворческие модели в культуре Канады // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. С. 97–108.
3. Овчинникова Ю.С. Аксиология миротворчества в этнической музыке второй половины XX — начала XXI вв. // История: факты и символы. 2017. № 1 (10). С. 40–49.
4. Романов К.С. Концепция мира в канадской культуре: история и современность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 3. С. 139–147.
5. Романов К.С. Новый кризис аборигенно-канадских отношений: протестное движение Idle No More // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенковские чтения. Вып. 7: Материалы VII Международной научной конференции. М., 2017. С. 100–104.
6. Славина В.А. Солдаткина Я.В. Медиакультура как феномен информационной эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: литературоведение, журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 286–293.
7. *Sainte-Mary, Buffy* // Wright-McLeod. The Encyclopedia of Native Music. More Than a Century of Recordings from Wax Cylinder to the Internet. Illustrated with Photographs and Album Covers. Arizona, 2005. P. 169–173.

REFERENCES

1. Vashchenko A.V. 2013. *Vozvrashchenie na Itaku: ehtnokul'turnyi faktor v khudozhestvennom prostranstve vtoroi poloviny XX veka* [Return to Ithaca: Ethnocultural factor in artistic space of the second half of the 20th century]. Moscow, FIYAR MGU. (In Russ.)
2. Vashchenko A.V. 2008. Narodnye mirotvorcheskie modeli v kul'ture Kanady [Folk Peacemaking traditions in the Culture of Canada]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 97–108. (In Russ.)
3. Ovchinnikova Yr.S. 2017. Aksiologiya mirotvorchestva v ehtnicheskoj muzyke vtoroi poloviny XX — nachala XXI vv. [Axiology of Peacemaking in Ethnic Music of the Second Half of XX-Beginning of XXI Centuries]. *History: Facts and Symbols*, no. 1(10), pp. 40–49. (In Russ.)
4. Romanov K.S. 2011. Kontsepsiya mira v kanadskoi kul'ture: istoriya i sovremennost' [The Concept of Peace in the Canadian Culture: Past and Present]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 139–147. (In Russ.)
5. Romanov K.S. 2017. Novyi krizis aborigenno-kanadskikh otnoshenii: protestnoe dvizhenie Idle No More [Idle No More: New Crisis in Aboriginal-Canadian Relations]. *Fenomen tvorcheskoi lichnosti v kul'ture: Fatyushchenkovskie chteniya. Vypusk 7: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Creative Individual in the Cultural Context: Readings in Memory of V.I. Fatyuschenko. Issue 7: Proceedings of the 7th International scientific conference]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 100–104. (In Russ.)
6. Slavina V.A. Soldatkina YA.V. 2021. Mediakul'tura kak fenomen informatsionnoi ehpokhi [Media Culture as the Information Age Phenomenon]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: literaturovedenie, zhurnalistika* [RUDN

- Journal of Studies in Literature and Journalism*], vol. 26, no. 2, pp. 286–293. (In Russ.)
7. Wright-McLeod B. 2005. Sainte-Mary, Buffy. *The Encyclopedia of Native Music. More Than a Century of Recordings from Wax Cylinder to the Internet. Illustrated with Photographs and Album Covers*. Arizona, The University of Arizona Press, 2005, pp. 169–173.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Овчинникова Юлия Сергеевна — кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; julia.barkova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Julia S. Ovchinnikova — PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; julia.barkova@gmail.com

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

ЦИФРОВОЙ ТЬЮТОР В ТЮМЕНСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Н.В. Дрожжих, И.Е. Белякова

*Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия;
n.v.drozhashhikh@utmn.ru; i.e.belyakova@utmn.ru*

Аннотация: Статья посвящена опыту автоматизации взаимодействия педагога/ученика в образовательном пространстве вуза на примере модели цифрового тьютора — чат-бота. Актуальность обусловлена стремительным развитием интеллектуальных образовательных ресурсов, востребованность которых резко выросла в период пандемии 2020 г. Одним из наиболее перспективных ресурсов являются диалоговые системы. В статье обосновывается целесообразность автоматизации диалога с обучающимися вуза на примере цифрового тьютора и описывается опыт его внедрения в курс «Теория языка», направление «Лингвистика» (бакалавриат) Тюменского государственного университета (ТюмГУ). В статье используются методы моделирования процесса автоматизации взаимодействия педагога и обучающихся в рамках цифровой педагогики; опросное исследование для выявления отношения студентов к внедрению цифровых технологий и оценки опыта использования цифрового тьютора в теоретическом курсе «Лексикология английского языка». Участниками опроса являются студенты-бакалавры ТюмГУ; апробация цифрового тьютора проходила на практических занятиях по дисциплине. Автоматизированные модели обучения прошли долгий путь развития от массовых онлайн курсов до интеллектуальных ассистентов. К сожалению, высокая стоимость их разработки тормозит их внедрение в вузы нашей страны. Модель цифрового тьютора на основе принципов адаптивного образования и индивидуальных траекторий развития, представленная в статье, призвана восполнить этот пробел. Цифровая модель может быть рекомендована к использованию в вузах. Ее востребованность будет возрастать, так как традиционные стратегии организации обучения теряют свою актуальность у нового поколения учащихся.

Ключевые слова: цифровая педагогика; цифровой тьютор; педагогическая модель; чат-бот; лингвистика

Для цитирования: Дрожжих Н.В., Белякова И.Е. Цифровой тьютор в тюменском госуниверситете: опыт внедрения и использования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 141–151.

THE DIGITAL TUTOR IN THE TYUMEN STATE UNIVERSITY: A CHAT-BOT CASE

Nataliia V. Drozhashchikh, Irina E. Belyakova

*University of Tyumen, Tyumen, Russia; n.v.drozhashchikh@utmn.ru;
i.e.belyakova@utmn.ru*

Abstract: The article presents a pedagogical model of the digital tutor designed for the purpose of automatization of the teacher/student interaction. The authors seek to justify its demand in higher education institutions due to the 2020–2021 forced distance learning. The study employs the methods of theoretical modeling in digital pedagogy and survey research. The latter identifies the attitude of 3-rd-year bachelors majoring in Linguistics in the University of Tyumen to the introduction of digital technologies and assesses their experience of using a digital tutor in the theoretical course of English lexicology. Automated learning models have come a long way from massive online courses to intelligent assistants. The high cost of their development slowed down their implementation. The model of a digital tutor presented in the article is based on the principles of adaptive education and individual trajectories of students' development. The model can be implemented in theoretical disciplines. The demand for digital models will definitely increase since conventional learning strategies do not appeal to younger generations of students.

Key words: forced distance learning; pandemic; digital pedagogy; digital tutor; pedagogical model; chat-bot; linguistics; English lexicology

For citation: Drozhashchikh N.V, Belyakova I.E. (2022) The digital tutor in the Tyumen state university: a chat-bot case. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 141–151. (In Russ.)

В статье рассматривается модель цифрового тьютора в образовательном пространстве высшей школы, основанная на принципах автоматизации взаимодействия педагога и обучающихся, и обосновывается возможность ее реализации на занятиях по лингвистике. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровой педагогики, особенно востребованной в период пандемии. Одним из наиболее перспективных цифровых ресурсов являются коммуникативные пользовательские интерфейсы на естественном языке известные как диалоговые системы или цифровые агенты, еще не получившие широкого внедрения в образовательный процесс. Цель статьи — обосновать целесообразность модели цифрового тьютора (чат-бота), построенного на базе автоматизации диалога педагог/обучающиеся. Задачи статьи — представить модель цифрового тьютора; описать опыт его внедрения в курс «Теория языка» («Лексикология английского языка»), направление «Лингвистика» (бакалавриат) ТюмГУ и выявить ее рецепцию студентами.

Цифровой тьютор представляет собой компьютерную программу для взаимодействия обучающегося с виртуальным учителем

(цифровым агентом). Понятие цифрового агента как специализированной программы отражено в компьютерных науках, психологии, педагогике, философии, футурологии и рассматривается на фоне модернизации образования (И.Д. Фрумин, J. An, A. Cooper, J. Frays-sinhes, B.D. Hirsch, B. Jansen, S. Jung, D. Kellsey, R. Kurzweil, H. Kwak, J. Salminen). Примерами педагогических агентов служат программы Andy (ChatBot), Today I Learned (TIL), Legal IT. Несмотря на растущее количество исследований, посвященных различным аспектам модернизации образования [Фрумин, Васильев, 2005; Кузьминов, 2012], опыту применения цифровых тьюторов в учебном процессе уделяется мало внимания. Специальных работ, посвященных анализу разработки и внедрения виртуального учителя в системе отечественного и зарубежного высшего образования, недостаточно.

Обзор литературы

Модель в педагогике — это «мысленная система, имитирующая определенные свойства объекта исследования или его функционирование» [Лодатко, 2014: 126]. В педагогике модели обучения выделяются на базе нескольких параметров: роль и стиль взаимодействия учителя/ученика; направленность обучения; способ организации учебного процесса; активация когнитивного/эмоционально-аффективного компонента психической деятельности; индивидуализация обучения. В соответствии с этими критериями выделяют: 1) активные, пассивные, интерактивные модели [Carr et al., 2015]; 2) содержательные, структурные, функциональные модели [Лодатко, 2014]; 3) учебно-дисциплинарные/личностно-ориентированные модели [Якиманская, 2000]; 4) технологические модели (электронного и смешанного обучения, а также робото-ориентированные модели) [Mayes, de Freitas, 2004]; 5) модель развития некогнитивных способностей (социально-эмоционального обучения) [Сергиенко, 2019]; 6) универсального/адаптивного обучения [Царев и др., 2016]. Среди перечисленных моделей вызовам времени в наибольшей степени отвечают интерактивные, личностно-ориентированные, технологические, а также модели социально-эмоционального и адаптивного обучения. В отличие от традиционного обучения они учитывают четыре важных критерия обучения: *индивидуализацию, адаптивность, эмпатию и распределенное познание.*

В публикациях последних лет образовательные аспекты моделирования рассматриваются в технологических моделях компьютерно-опосредованного и смешанного обучения [Corti, Gillespie, 2016; Yildiz, 2012; Ахаян, 2018; Rethinking... 2020]. Системы управления образовательным контентом хранят информацию; учитывают социальный характер обучения; учатся эмоционально взаимодействовать

вать с учащимися; предлагают многоуровневую систему аттестации; мгновенно диагностируют знания учащихся; используют их для оценки особенностей обучающихся при построении индивидуальной траектории развития. В робото-ориентированных моделях [Farjami et al., 2014; Randall, 2020; Kim, Baylor, 2006; Fryer et al., 2019; Go, Sundar, 2019; Hill et al., 2015; Serrano et al., 2015; Tärning et al., 2019; Pérez-Soler et al., 2019; Maestro-Prieto, Simón-Hurtado, 2018; Кречетов и др., 2018; Cheng et al., 2015] цифровой тьютор на базе вопросно-ответной программы (чат-бота) сопровождает образовательный процесс, заменяя живого учителя.

В ходе изучения литературы нам не встретились публикации, описывающие модели цифровых тьюторов для обучения лингвистическим дисциплинам. В предлагаемой работе мы обосновываем модель цифрового тьютора для автоматизации диалога педагог/ученик с учетом вышеуказанных критериев.

Материал и методы

В исследовании представлена модель цифрового тьютора, реализующего дистанционную и самостоятельную работу бакалавров в рамках направления «Лингвистика». Методологически модель вписывается в общую концепцию цифрового обучения и базируется на педагогических принципах адаптивности, индивидуализации образования, доступности информации, персонализации знаний, эмпатии, и распределенного познания. Цифровой тьютор вместе с его создателем становится еще одним актором образовательного процесса. В рамках модели адаптивного обучения учитывается алгоритм построения индивидуальной образовательной траектории каждого обучающегося и принимаются во внимание его специальные потребности [Давыдова, 2009; Кравченко и др., 2020; Martin et al., 2020; Martin, Markant, 2020].

Авторы разработали теоретическое обоснование модели, подготовили методическое обеспечение по курсу «Лексикология английского языка», совместно со студентами-бакалаврами подготовили ресурсную базу учебных материалов и интернет-ресурсов по предметной области. IT-специалисты ТюмГУ реализовали программу цифрового тьютора на базе кроссплатформенного мессенджера Telegram в виде вопросно-ответной системы. В настоящее время освоены следующие функционалы программы: цифровой тьютор отвечает на вопросы пользователей по тематическим запросам (10 тем вышеуказанного курса); в нем заложены базы данных и ресурсы, позволяющие обратиться к лекциям по дисциплине, ключевым понятиям, цитатам известных ученых, релевантным внешним ресурсам, в частности

энциклопедии «Британника» и др.; а также учебный материал в научной и научно-популярной формах и тренировочные упражнения.

Для верификации модели (определения целесообразности разработки и внедрения цифровых технологий в учебный процесс) авторы подготовили и провели два опроса бакалавров-лингвистов ТюмГУ на платформах Google Forms/Microsoft Office Forms. Цель первого опроса — выявить отношение студентов к внедрению технологий цифровых тьюторов в учебный процесс. Цель второго опроса — оценить опыт использования цифрового тьютора в курсе «Лексикология английского языка». В первом опросе (2019) участвовали 82 бакалавра-лингвиста 2–3 курсов (90% женского и 10% мужского пола); во втором опросе (2020) — 25 бакалавров-лингвистов 3 курса (99% женского и 1% мужского пола). Опросы добровольные, проводились после занятий. Обработка результатов проводилась вручную с использованием функций подсчета закрытых ответов платформ и метода контент-анализа открытых ответов.

Апробация чат-бота проходила на семинарских занятиях у трех групп бакалавров 3 курса. Из-за сложной эпидемиологической обстановки занятия в ТюмГУ были переведены в режим онлайн-обучения, и технология цифрового тьютора удачно «вписалась» в дистанционный формат. На семинарах студенты получали список вопросов по изучаемой теме, которые им предлагалось задавать чат-боту в течение 30 минут. Далее студенты делились полученной информацией и оценивали ресурсы чат-бота, которые привлекли их внимание: краткие ответы на вопросы, дефиниции терминов, игровые задания и проч. Таким образом проходило знакомство с возможностями чат-бота.

Результаты исследования

Предлагаемая архитектура цифрового тьютора (рис. 1) включает графический интерфейс, модуль пользователя (обучающегося), модуль тьютора (педагога), модуль управления диалогом и модуль предметной области (лингвистика и иностранный язык).

Результаты внедрения модели показали, что технология цифрового тьютора на базе чат-бота позволяет создавать индивидуальные образовательные пространства для каждого обучающегося.

Первый опрос бакалавров-лингвистов показал, что подавляющее большинство студентов (90%) заинтересованы в использовании технологий искусственного интеллекта в обучении, почти половина студентов (41%) хотели бы участвовать в разработке таких технологий для университета. 53% респондентов признались, что имеют соответствующие навыки. Однако на вопрос о возможности замены профессора университета цифровым тьютором на базе чат-бота

мнения респондентов разделились: 43,3% «да» и 56,7% «нет»; 53,3% респондентов предпочли бы помощь тьютора при освоении теоретических дисциплин; 23,3% респондентов готовы тренировать практические навыки; 13,3% опрошенных студентов могут применять такие технологии и на практических, и на теоретических занятиях; 3% не видят пользы в использовании чат-ботов. Среди преимуществ использования цифрового тьютора 43,4% студентов называют возможность обучаться в любое время суток; 36,7% — возможность многократного повторения заданий до полного закрепления материала и 13,3% респондентов привлекает игровой момент.

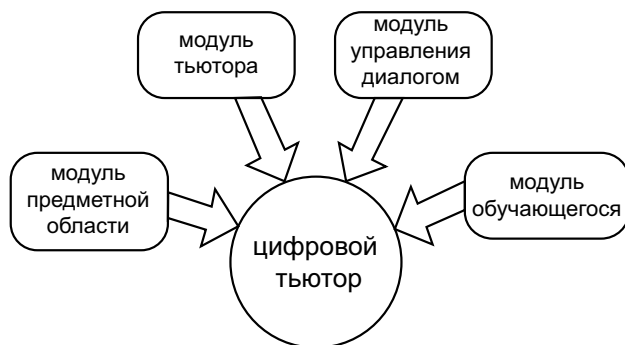

Рис. 1. Модель цифрового тьютора

Во втором опросе 76% опрошенных указали, что им было удобно общаться с чат-ботом несмотря на то, что иногда программа не могла дать ответ на заданный вопрос. 24% студентов высказались отрицательно. Возможно, это связано как с техническим несовершенством технологии, так и с недостаточным уровнем подготовленности самих студентов. 40% респондентов отметили, что не сразу смогли найти чат-бота в Telegram, другие не всегда получали от него ответы.

Из полезных свойств чат-бота отмечались быстрота его реакции, помощь в повторении материала, предоставление ссылок на интересные дополнительные материалы, словари, учебные сайты зарубежных университетов, и др.

К выбору имени для бота студенты подошли творчески и предложили много вариантов: Lexichat, Mighty Linguist и др.

20% респондентов отметили, что знакомы с подобными технологиями и готовы участвовать в их создании ради «*помощи системе образования*», «*помощи себе*», «*интереса ко всему новому*». 80% студентов не испытывают интереса к технической стороне вопроса. Возможно, это объясняется тем, что в опросе принимали участие студенты-гуманитарии. Для преодоления скепсиса студентов было осуществлено дополнительное информирование о возможностях

автоматизации диалога педагога/учащихся. Важно, чтобы студенты понимали, что за любыми технологиями стоит человек и они не останутся один на один с машиной.

Обсуждение и заключение

В исследовании отражены результаты разработки модели цифрового тьютора по лингвистической дисциплине. Многолетний авторский опыт преподавания лингвистики, интересы нового контингента обучающихся, потребности студентов с ограниченными возможностями, а также сами вызовы времени (дистанционное обучение в условиях пандемии) поставили на повестку дня вопрос об использовании информационных технологий в образовательном процессе.

Опросы студентов-лингвистов ТюмГУ показали, что студенты XXI в. не готовы обучаться исключительно в рамках традиционных методов обучения. К преимуществам модели цифрового тьютора относятся возможность обучающегося быть инициатором получения информации; повышение мотивации; обеспечение практической отработки умений и навыков; получение шанса осуществлять непрерывное обучение в течение всей жизни.

В ближайшем будущем цифровой тьютор станет моделью непрерывно расширяющегося искусственного интеллекта, которая аккумулирует имеющиеся знания по дисциплине образовательной программы и достраивает их. Первый опыт автоматизации диалога педагога и обучающихся в ТюмГУ мы считаем успешным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахаян А.А.* Сетевая личность как педагогическое понятие (приглашение к размышлению): об одном признаке сетевой личности // Образовательная динамика сетевой личности: Материалы I Международной научно-практической конференции. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт педагогики. 2018. С. 10–15.
2. *Давыдова Н.А.* Адаптивная организация процесса обучения на основе автоматизированной обучающей среды // Вестник ЮУрГГПУ. 2009. № 1. С. 32–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnaya-organizatsiya-protssesa-obucheniya-na-osnove-avtomatizirovannoy-obuchayuschey-sredy> (дата обращения: 18.02.2022).
3. *Кравченко Д.А., Блескина И.А., Каляева Е.Н., Землякова Е.А., Аббакумов Д.Ф.* Персонализация в образовании: от программируемого к адаптивному обучению // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 3. С. 34–46.
4. *Кречетов И.А., Кручинин В.В., Романенко В.В., Городович А.В.* Реализация адаптивного обучения: методы и технологии // Открытое и дистанционное образование. 2018. № 3 (71). С. 33–40. URL: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1747/files/71_033.pdf (дата обращения: 18.02.2022).
5. *Кузьминов Я.И., Фрумин И.Д., Сорокин П.С.* Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? М., 2019. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2019/06/21/1488487037/Obrazovanie-text..pdf> (дата обращения: 18.02.2022).

6. *Лодатко Е.А.* Типология педагогических моделей // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 126–128.
7. *Сергиенко Е.А., Марцинковская Т.Д., Изотова Е.И.* Социально-эмоциональное развитие детей. Теоретические основы. М., 2019.
8. *Фрумин И.Д., Васильев К.Б.* Современные тенденции в политике информатизации образования // Вопросы образования. 2005. № 3. С. 70–83.
9. *Царев Р.Ю., Тынченко С.В., Гриценко С.Н.* Адаптивное обучение с использованием ресурсов информационно-образовательной среды // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25227> (дата обращения: 18.02.2022).
10. *Яворский В.В., Юров В.М., Байдикова Н.В.* Современные педагогические технологии и модели в системе образования // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3 (ч. 3). С. 329–332.
11. *Якиманская И.С.* Технология личностно-ориентированного обучения в современной школе. М., 2000.
12. *Carr R., Palmer S., Hagel P.* Active learning: The importance of developing a comprehensive measure // Active Learning in Higher Education. 2015. №16 (3). P. 173–186.
13. *Cheng C.-I., Liu D.S.-M., Lin C. C.-H.* A digital tutor for learning fashion design // Multimedia Tools and Applications. 2015. Vol. 74. No 21. P. 9339–9364. URL: <https://doi.org/10.1007/s11042-014-2084-1> (дата обращения: 18.02.2022).
14. *Corti K., Gillespie A.* Co-constructing intersubjectivity with artificial conversational agents: People are more likely to initiate repairs of misunderstandings with agents represented as human // Computers in Human Behavior. 2016. No 58. P. 431–442. DOI: 10.1016/j.chb.2015.12.039.
15. *Farjami F., Aidinlou N.A., Alemi M., Makhdoumi M.* Applications of Robot Assisted Language Learning (RALL) in Language Learning and Teaching // International Journal of Language and Linguistics. Special Issue: Foreign Language Teaching and Learning (Models and Beliefs). 2014. Vol. 2. No 3. P. 12–20. DOI: 10.11648/j.ijll.s.20140203.12.
16. *Fryer L.K., Nakao K., Thompson A.* Chatbot Learning Partners: Connecting Learning Experiences, Interest and Competence // Computers in Human Behavior. 2019. No 93. p. 279–289. DOI: 10.1016/j.chb.2018.12.023.
17. *Go E., Sundar S.S.* Humanizing chatbots: The effects of visual, identity and conversational cues on humanness perceptions // Computers in Human Behavior. 2019. No 97. P. 304–316. DOI: 10.1016/j.chb.2019.01.020.
18. *Hill J., Ford W.R., Farreras I.G.* Real conversations with artificial intelligence: A comparison between human-human online conversations and human-chatbot conversations // Computers in Human Behavior. 2015. No 49. P. 245–250. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.026.
19. *Kim Y., Baylor A.L.* A social-cognitive framework for pedagogical agents as learning companions // Educational Technology Research and Development. 2006. Vol. 54. No 6. P. 569–596.
20. *Maestro-Prieto J.A., Simón-Hurtado A.* The pedagogical model of SIAL: an adaptive and open-ended intelligent tutoring system for first order logic // ITiCSE 2018: Proceedings of the 23rd Annual ACM Conference on Innovation and Technology in Computer Science Education July. 2018. P. 21–26. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3197091.3197100> (дата обращения: 18.02.2022)
21. *Martin F., Chen Y., Moore R. L., Westine C. D.* Systematic review of adaptive learning research designs, context, strategies, and technologies from 2009 to 2018 //

Educational Technology Research and Development. 2020. No 68. P. 1903–1929. DOI:org/10.1007/s11423-020-09793-2.

22. *Martin F., Markant D.* Adaptive learning modules // The Sage encyclopedia of higher education. 2020. P. 2–4.
23. *Mayes T., de Freitas S.* Review of e-learning theories, frameworks and models. London: Joint Information Systems Committee, 2004. URL: <https://curve.coventry.ac.uk/open/file/8ff033fc-e97d-4cb8-aed3-29be7915e6b0/1/Review+of+e-learning+theories.pdf>. (дата обращения: 18.02.2022)
24. *Pérez-Soler S., González-Jiménez M., Guerra E., Lara J.* Towards Conversational Syntax for Domain-Specific Languages using Chatbots // Journal of Object Technology. 2019. Vol. 18. No 5. P. 1–21.
25. *Randall N.* A Survey of Robot-Assisted Language Learning (RALL) // ACM Transactions on Human-Robot Interaction. 2020. Vol. 9. No 1. P. 1–36. DOI: 10.1145/3345506
26. *Rethinking Pedagogy for a Digital Age / H. Beetham, R. Sharpe (Eds.).* N. Y., 2020. DOI: 10.4324/9781351252805.
27. *Serrano J., Gonzalez F., Zalewski J.* CleverNAO: The Intelligent Conversational Humanoid Robot // Proceedings of 2015 IEEE 8th International Conference on Intelligent Data Acquisition and Advanced Computing Systems: Technology and Applications (IDAACS). Warsaw Univ. Technol., Warsaw, Poland. 24–26 September, 2015. Vol. 1. No 2. P. 887–892.
28. *Tärning B., Silvervarg A., Gulz A., Haake M.* Instructing a Teachable Agent with Low or High Self-Efficacy — Does Similarity Attract? // International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2019. Vol. 29. No 1. P. 89–121. DOI: 10.1007/s40593-018-0167-2.
29. *Yildiz T.* Human-Computer Interaction Problem in Learning: Could the Key be Hidden Somewhere between Social Interaction and Development of Tools? // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2019. Vol. 53. No 3. P. 541-557. DOI: 10.1007/s12124-019-09484-5.

REFERENCES

1. Akhayan A. A. 2018. A network personality as a pedagogical concept (invitation to think): On one feature of a network personality. *Educational dynamics of the network personality: Proceedings of the I International Scientific and Applied Conference*, Saint-Petersburg: Rossiyskii gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, Institut pedagogiki, pp. 10–15. (In Russ.)
2. Carr R., Palmer S., Hagel P. 2015. Active learning: The importance of developing a comprehensive measure. *Active Learning in Higher Education*, vol. 16, no. 3, pp. 173–186.
3. Cheng C.-I., Liu D.S.M., Lin, C.C.-H. 2015. A digital tutor for learning fashion design. *Multimedia Tools and Applications*, vol. 74, no. 21; pp. 9339–9364. DOI:org/10.1007/s11042-014-2084-1.
4. Corti K., Gillespie A. 2016. Co-constructing intersubjectivity with artificial conversational agents: People are more likely to initiate repairs of misunderstandings with agents represented as human. *Computers in Human Behavior*, no. 58, pp. 431–442. DOI: 10.1016/j.chb.2015.12.039.
5. Davydova N.A. 2009. Adaptive organization of the learning process based on an automated learning environment). *Vestnik YuUrGGPU* [South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnaya-organizatsiya-protsessa-obucheniya-na-osnove-avtomatizirovannoy-obuchayushey-sredy> (accessed: 18.02.2022). (In Russ.)

6. Farjami F., Aidinlou N.A., Alemi M., Makhdoumi M. 2014. Applications of Robot Assisted Language Learning (RALL) in Language Learning and Teaching. *International Journal of Language and Linguistics. Special Issue: Foreign Language Teaching and Learning (Models and Beliefs)*, vol. 2, no. 3, pp. 12–20. DOI: 10.11648/j.ijll.s.20140203.12.
7. Frumin I.D., Vasiliev K.B. 2005. The modern trends in the policy of informatization of education. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], no. 3, pp. 70–83. (In Russ.)
8. Fryer L.K., Nakao K., Thompson A. 2019. Chatbot learning partners: Connecting learning experiences, interest and competence. *Computers in Human Behavior*, no. 93, pp. 279–289. DOI: 10.1016/j.chb.2018.12.023.
9. Go E., Sundar S.S. 2019. Humanizing chatbots: The effects of visual, identity and conversational cues on humanness perceptions. *Computers in Human Behavior*, no. 97, pp. 304–316. DOI: 10.1016/j.chb.2019.01.020.
10. Hill J., Ford W.R., Farreras I.G. 2015. Real conversations with artificial intelligence: A comparison between human-human online conversations and human-chatbot conversations. *Computers in Human Behavior*, no. 49, pp. 245–250. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.026.
11. Kim Y., Baylor A.L. 2006. A social-cognitive framework for pedagogical agents as learning companions. *Educational Technology Research and Development*, vol. 54, no. 6, pp. 569–596.
12. Kravchenko D. A., Bleskina I. A., Kalyaeva E. N., Zemlyakova E.A., Abbakumov D.F. 2020. Personalization in education: from programmable to adaptive learning. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], vol. 9, no. 3, pp. 34–46. (In Russ.)
13. Krechetov I. A., Kruchinin V. V., Romanenko V. V., Gorodovich A. V. 2019. Implementation of adaptive learning: methods and technologies. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie* [Open and distance education], vol. 3, no. 71. DOI: 10.17223/16095944/71/5 (In Russ.)
14. Kuz'minov Ya. I. 2019. *How to make education the engine of socio-economic development?* Moscow, Izdatel'skiy dom NIU VSHE — HSE University. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2019/06/21/1488487037/Obrazovanie-text..pdf> (accessed: 18.02.2022). (In Russ.)
15. Lodatko E.A. 2014. Typology of pedagogical models. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, vol. 1, no. 16, pp. 126–128. (In Russ.)
16. Maestro-Prieto J.A., Simón-Hurtado A. 2018. The pedagogical model of SIAL: an adaptive and open-ended intelligent tutoring system for first order logic. *Proceedings of the 23rd Annual ACM Conference on Innovation and Technology in Computer Science Education*. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3197091.3197100> (accessed: 18.02.2022).
17. Martin F., Chen Y., Moore R.L., Westine C.D. 2020. Systematic review of adaptive learning research designs, context, strategies, and technologies from 2009 to 2018. *Educational Technology Research and Development*, no. 68, pp. 1903–1929. DOI: [org/10.1007/s11423-020-09793-2](https://doi.org/10.1007/s11423-020-09793-2) (accessed: 18.02.2022).
18. Martin F., Markant D. 2020. *Adaptive learning modules*. London, The Sage encyclopedia of higher education, pp. 2–4.
19. Mayes T., de Freitas S. 2004. *Review of e-learning theories, frameworks and models*. London, Joint Information Systems Committee. URL: <https://curve.coventry.ac.uk/open/file/8ff033fc-e97d-4cb8-aed3-29be7915e6b0/1/Review+of+e-learning+theories.pdf> (accessed: 18.02.2022).
20. Pérez-Soler S., González-Jiménez M., Guerra E., Lara J. 2019. Towards Conversational Syntax for Domain-Specific Languages using Chatbots. *Journal of Object Technology*, vol. 18, no. 5, pp. 1–21.

21. Randall N. 2020. A Survey of Robot-Assisted Language Learning (RALL). *ACM Transactions on Human-Robot Interaction*, vol. 9, no. 1, pp. 1–36. DOI: 10.1145/3345506 (accessed: 18.02.2022).
22. *Rethinking Pedagogy for a Digital Age*. 2020. Beetham H., Sharpe R. (Eds.). New York, Routledge. doi: 10.4324/9781351252805 (accessed: 18.02.2022).
23. Sergienko E.A., Marcinkovskaya T.D., Izotova E.I. 2019. *Sotsial'no-emosional'noe razvitiie detei. Teoreticheskie osnovy* [Social and emotional development of children. Theoretical foundations]. Moscow, Drofa. (In Russ.)
24. Serrano J., Gonzalez F., Zalewski J. 2015. CleverNAO: The Intelligent Conversational Humanoid Robot. *Proceedings of 2015 IEEE 8th International Conference on Intelligent Data Acquisition and Advanced Computing Systems: Technology and Applications (IDAACS)*. Warsaw, Poland: Warsaw Univ Technol, pp. 887–892.
25. Tärning B., Silvervarg A., Gulz A., Haake M. 2019. Instructing a Teachable Agent with Low or High Self-Efficacy — Does Similarity Attract? *International Journal of Artificial Intelligence in Education*, vol. 29, no. 1, pp. 89–121.
26. Tsarev R.Yu., Tynchenko S.V., Gritsenko S.N. 2016. Adaptive learning using information and educational environment resources. *Modern problems of science and education*, no. 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25227> (accessed: 18.02.2022) (In Russ.)
27. Yakimanskaya I.S. 2000. *Tekhnologiya lichnostno-orientirovannogo obucheniya v sovremennoi shkole* [Technology of personality-oriented learning in modern schools]. Moscow, Sentyabr'. (In Russ.)
28. Yavorskij V.V., Yurov V.M., Bajdikova N.V. 2015. Modern pedagogical technologies and models in the education system. *International journal of experimental education*, vol. 3, no. 3, pp. 329–332. (In Russ.)
29. Yıldız T. 2019. Human-Computer Interaction Problem in Learning: Could the Key Be Hidden Somewhere Between Social Interaction and Development of Tools? *Integrative Psychological and Behavioral Science*, vol. 53, no. 3, pp. 541–557. DOI: 10.1007/s12124-019-09484-5 (accessed: 18.02.2022).

Статья поступила в редакцию 02.11.2021;
одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 02.11.2021; approved after reviewing 02.12.2021;
accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРАХ

Дрожжащих Наталия Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет; n.v.drozhashhikh@utmn.ru
Белякова Ирина Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет; i.e.belyakova@utmn.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nataliia V. Drozhashchikh — Dr.Sci. (Philology), Head, Department of English Philology and Translation Studies, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen; n.v.drozhashhikh@utmn.ru
Irina E. Belyakova — Cand. Philol. Sci., associate professor, Department of English Philology and Translation Studies, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen; i.e.belyakova@utmn.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЯЗЫКОВОГО ПЕДАГОГА

А.А. Корнев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; studywithkorenev@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена новой парадигме рассмотрения профессионально-коммуникативной компетенции учителя и преподавателя иностранного языка в контексте изменяющегося подхода к описанию содержания языкового образования, который нашел свое отражение в современных документах Совета Европы, в частности последних дополнениях к «Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком» (CEFR) 2018 и 2020 гг. В данных документах обозначился переход от рассмотрения традиционных для отечественной методики обучения иностранному языку модели видов речевой деятельности (аудирования, чтения, говорения и письменной речи) к коммуникативным видам деятельности (рецепции, продукции, интеракции и медиации). Причины и содержание данных изменений описываются в первой части статьи. Далее обобщаются основные современные подходы к изучению профессионально-коммуникативной компетенции языковых педагогов (учителей и преподавателей иностранного языка), а также дается уточненное определение профессионально-коммуникативной компетенции. Затем приводятся русскоязычные определения всех коммуникативных видов деятельности, рассматриваются их содержание и необходимые в рамках них стратегии. При рассмотрении каждого коммуникативного вида деятельности описывается его проявление в контексте профессиональной деятельности языкового педагога. В заключение приводится функциональная модель коммуникативных видов деятельности в рамках профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога.

Ключевые слова: профессионально-коммуникативная компетенция; коммуникативные виды деятельности; рецепция; продукция; интеракция; медиация

Для цитирования: Корнев А.А. Коммуникативные виды деятельности как часть профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 152–163.

MODES OF COMMUNICATION AS PART OF THE LANGUAGE TEACHER'S PROFESSIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE

Alexey A. Korenev

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
studywithkorenev@gmail.com*

Abstract: The article is devoted to a new paradigm of considering the professional communicative competence of the language teacher in keeping with the changing approach to the description of the content of language education, which is reflected in the documents of the Council of Europe, in particular the latest Companion Volumes to the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) from 2018 and 2020. These documents indicate a transition from four traditional language skills: listening, reading, speaking and writing (which laid the basis for the Russian language teaching tradition) to four modes of communication: reception, production, interaction and mediation. The reasons for and the essence of these changes are described in the first part of the article. Then the article summarizes the leading theories in the study of the language teacher's professional communicative competence in Russia and presents a revised definition of the professional communicative competence. After that it provides definitions in Russian of the four modes of communication, as well as activities and strategies within them. When considering each mode of communication, their manifestation in the context of the language teachers' target language use domain is described. In conclusion, the article presents a functional model of communicative activities of reception, production, interaction and mediation as part of the language teacher's professional communicative competence.

Key words: professional communicative competence; modes of communication; reception; production; interaction; mediation

For citation: Korenev A.A. (2022) Modes of communication as part of the language teacher's professional communicative competence. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 152–163. (In Russ.)

Проблемы развития и оценивания профессионально-коммуникативной компетенции учителя и преподавателя иностранного языка являются одним из наиболее актуальных вопросов развития методики обучения иностранным языкам, так как именно от корректности действий учителя в этом случае во многом зависит как создание в классе комфортной психологической атмосферы, способствующей овладению целевым содержанием обучения, так и собственно качество коммуникативной и языковой подготовки обучающихся. Будучи важной ролевой моделью и значимой личностью в жизни обучающегося, учитель или преподаватель иностранного

языка также предоставляет образец коммуникативного поведения, который в рамках теории социального научения А. Бандуры оказывает значительное влияние на обучение.

Исследованию содержания, возможностям развития и оценивания профессионально-коммуникативной компетенции педагога посвящено немало исследований. В рамках сложившейся в МГУ имени М.В. Ломоносова исследовательской традиции внимание уделялось знаниям, навыкам и умениям, входящим в состав данной компетенции, а также коммуникативным задачам, которые преподаватели и учителя иностранного языка решают в классе и вне класса [Ершова, Корнев, 2016; Сафонова, Пенкина, 2018; Маслова, Колесникова, Корнев, 2018]. В то же время в условиях, сложившихся в рамках школы Московского городского педагогического университета, значительное внимание уделяется вопросам педагогического дискурса и функционирования педагога и обучающихся в пределах данного дискурса [Тарева, Викулова, 2020].

Большинство отечественных публикаций по данной тематике традиционно описывают профессионально-коммуникативную компетенцию учителя в терминах навыков (фонетических, лексических и грамматических) и видов речевой деятельности (говорение, чтение, аудирование и письменная речь). В то же время в общеевропейских документах, опубликованных в течение последних пяти лет обозначился новый подход к описанию плюрилингвальной коммуникативной компетенции, характеризующийся выделением общих компетенций, коммуникативных языковых компетенций (лингвистической, социолингвистической и прагматической), а также коммуникативных стратегий и видов деятельности: рецепции, продукции, медиации и интеракции. Подобный переход связан с растущей интеграцией различных видов речевой деятельности: например, сложно выделить реальную коммуникативную задачу, решение которой будет возможно с использованием только одного из «традиционных» видов речевой деятельности. В большинстве случаев для успешной коммуникации необходимо совмещать два, три или даже все четыре вида речевой деятельности (процесс коммуникации во время современного занятия по иностранному языку, требующий умения восприятия устной речи обучающихся, говорения, чтения как целевых материалов занятия, так и работ студентов и фиксации ключевых элементов материала на доске, является иллюстрацией интегративного характера современной педагогической коммуникации). В связи с этим встает вопрос о целесообразности искусственного разделения данных видов речевой деятельности и необходимость переосмысления подходов к описанию, развитию и оцениванию как коммуникатив-

ной компетенции в целом, так и профессионально-коммуникативной компетенции как ее составной части. Кроме того, как отмечает В.В. Сафонова, понятие «коммуникативный вид деятельности» представляется более широким, так как концентрирует внимание не только на вербальных, но и невербальных средствах иноязычного общения [Сафонова, 2018: 175]. Представленная в дополнительном томе (Companion Volume) к Общеввропейским рамочным компетенциям модель показывает взаимосвязь коммуникативных стратегий и видов деятельности [CEFR, 2018].

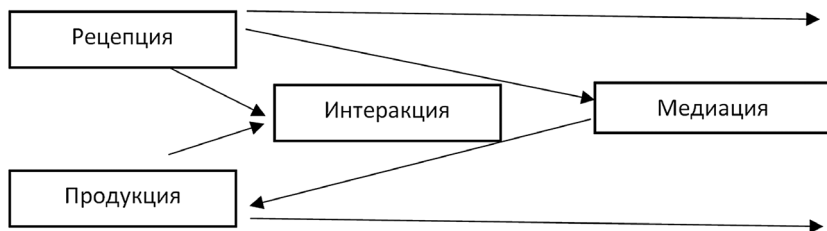

Схема 1. Взаимосвязь рецепции, продукции, интеракции и медиации

Термин «профессионально-коммуникативная компетенция» используется в данной работе вслед за Е.Н. Солововой, которая выделяет в составе коммуникативной компетенции учителя языковую, речевую, социокультурную и профессионально-коммуникативную. Следует отметить, что данная компетенция всегда рассматривалась как аспект профессиональной компетентности педагога и могла быть отнесена как к профессиональной, так и коммуникативной компетенции, что следует из ее названия. В данном случае профессиональные компетенции в соответствии как с первой, так и с новой редакцией общеввропейских документов [CEFR, 2018] следовало бы отнести к общим компетенциям, в рамках которых выделяются знания (*savoir*), умения (*savoir-faire*), личностные качества и ценностные ориентации, которые относят к так называемой экзистенциальной компетенции (*savoir-être*), а также способность к обучению (обучаемость, *savoir apprendre*). Схема 2 показывает место профессионально-коммуникативной компетенции на пересечении общих (профессиональных) и собственно коммуникативной:

В опубликованных ранее работах мы понимали под коммуникативной компетенцией «часть коммуникативной компетенции, совокупность знаний, навыков и умений, позволяющая осуществлять общение на определенном языке в рамках определенной профессии и обеспечивающая решение характерных для данной сферы деятель-

ности профессиональных задач» [Ершова, Корнев, 2016]. Данное определение можно отнести как к профессиональным педагогам, так и к специалистам других отраслей. Кроме того, оно не включает такие важные составляющие компетенции, как способности, личностные качества и ценностные ориентации, в связи с чем возникает необходимость в его уточнении. *Профессионально-коммуникативная компетенция* — это часть единой плюрилингвальной коммуникативной компетенции личности, интегрированная совокупность знаний, навыков, умений, способностей, ценностных ориентаций и личностных качеств, позволяющая осуществлять общение на определенном языке в рамках определенной профессии и обеспечивающая решение характерных для данной сферы профессиональной деятельности коммуникативных задач.

Схема 2. Место профессионально-коммуникативной компетенции педагога

В соответствии с таким определением профессионально-коммуникативная компетенция педагога будет относиться к сфере профессиональной деятельности учителя и преподавателя иностранного языка, а именно к педагогическому и профессиональному общению в контексте обучения иностранному языку [Freeman et al., 2015]. Далее в статье будут рассмотрены коммуникативные виды деятельности и стратегии, которые реализуются в рамках коммуникации в данной сфере.

Традиционно аудирование и чтение относились в отечественной методике к рецептивным видам речевой деятельности, однако, в современной редакции Общеввропейских компетенций данные виды речевой деятельности объединяются в один коммуникативный вид деятельности — *рецепция*, который, в свою очередь, подразделяется на устную рецепцию, чтение и аудиовизуальную рецепцию. С одной стороны, может показаться возможным приравнять устную рецепцию к аудированию. С другой стороны, в современных документах подчеркивается, что при рецепции мы имеем дело с однонаправленной коммуникацией как в очной, так и в опосредованной форме, и внимание фокусируется именно на восприятии информации, передаваемой как вербально, так и невербально. Так, умение понимать собеседника в рамках диалогической речи относится не к рецепции, а к интеракции. Таким образом, *рецепция* — *коммуникативный вид деятельности, включающий восприятие и когнитивную обработку речи, активизацию соответствующих мыслительных схем для формирования субъективного образа выраженного значения и гипотезы по поводу коммуникативной интенции его выражения*. Рецепцию можно разделить на виды действия (activities) и стратегии (strategies). Стоит отметить, что в современных языковых документах выделяется множество видов действий, а общие для рецепции стратегии сводятся исключительно к восприятию сигналов и их интерпретации. Рецептивные действия подразделяют на *устную рецепцию*, включающую общее понимание устной речи, понимание содержания общения между другими людьми (т.е. субъект рецепции не является частью данного общения), понимание содержания публичной устной речи, понимания объявлений и инструкций, а также понимание аудиозаписей; аудиовизуальную рецепцию, включающую просмотр видео и фильмов; *чтение*, включающее общее понимание написанного текста, чтение для поиска информации и построения аргументов, чтение корреспонденции и экстенсивное чтение.

Говоря о рецепции как части профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога, следует отметить разноплановость и разноуровневость стоящих перед педагогом коммуникативных задач, а также сложность разделения интеракции и рецепции в данном случае. Так, в ситуации общения в классе прослушивание устного развернутого ответа учащегося или проверки письменных работ можно рассматривать как в контексте рецепции, так и интеракции. С другой стороны, прослушивание подобного ответа в ситуации оценивания на экзамене можно было бы достаточно однозначно отнести к рецепции. В то же время в рамках умений рецепции следует рассматривать чтение, прослушивание аудиотекстов и

просмотр видеороликов с целью отбора лингвистического материала. Отдельно стоит выделить умения чтения профессионально-ориентированных статей, инструкции и методических материалов, а также просмотр видеолекций и вебинаров, посвященных проблемам обучения иностранному языку.

Выделение продуктивных видов речевой деятельности также не является чем-то принципиально новым для отечественной методики обучения иностранным языкам. Традиционно к данным видам деятельности относили говорение и письменную речь. Подобное разделение сохраняется и в современных документах, где продукция подразделяется на устную и письменную. В то же время, как и в случае с аудированием, все ситуации, подразумевающие взаимодействие (например, диалогическая речь), отнесены к интеракции, а устная продукция сводится по большей части к публичным выступлениям. Таким образом, *продукция — это вид речевой деятельности, включающий построение устных и письменных текстов с целью передачи определенной информации. Устная продукция* включает описание опыта, предоставление информации, обоснование мнения, объявления и публичную речь. *В письменную продукцию* входит творческая письменная речь, написание отчетов и эссе. Общими для всех видов продукции будут такие стратегии, как планирование, компенсация, отслеживание и коррекция.

Продуктивные профессионально-коммуникативные умения языкового педагога стоило бы рассматривать в двух плоскостях: коммуникации с обучающимися и коммуникации с коллегами. В первом случае с точки зрения устной продукции речь будет идти о предоставлении разного рода информации и публичной речи на занятиях по иностранному языку, а также о создании собственных заданий и других учебных материалов. Во втором — об общении с коллегами: передаче инструкций, выступлениях на профессиональных форумах и конференциях, проведении тренингов и мастер-классов.

Ранее в данной статье уже упоминалось, что часть традиционно относимых к аудированию или говорению действий в рамках новой модели относятся к особой группе, объединенной понятием «интеракция». Данный коммуникативный вид деятельности является абсолютно ключевым для понимания новой парадигмы описания коммуникативной компетенции, представленной в европейских документах, и именно с ключевыми свойствами интеракции (межличностное взаимодействие, сотрудничество и транзакции) связана сама потребность использовать язык как средство общения. *Под интеракцией понимается совместная деятельность двух или более субъектов по построению общего дискурса.* Примечательно,

что именно в этом коммуникативном виде деятельности произошли наибольшие изменения за последние 20 лет, что привело к появлению наряду с устной и письменной интеракцией нового вида действий: онлайн-интеракции. Данный вид речевой деятельности наиболее объемный по количеству действий и стратегий. К *устной интеракции* относят понимание собеседника, разговор, неформальную дискуссию, официальную дискуссию, сотрудничество с целью решения совместной задачи, приобретение товаров и услуг, обмен информацией, интервью, использование телекоммуникации. *Письменная интеракция* включает переписку, написание записок, сообщений и заполнение анкет. К *онлайн-интеракции* относят онлайн-общение и дискуссии, а также взаимодействие и сотрудничество в онлайн-формате, направленное на решение общей задачи. Общими для интеракции коммуникативными стратегиями будут поочередность (turn taking), сотрудничество (collaboration) и уточнение (clarification).

Стоит отметить, что интеракция является ключевым коммуникативным видом деятельности и в обучении иностранным языкам [Walsh, 2011]. Именно взаимодействие педагога и обучающихся в классе и вне класса во многом будет определять эффективность обучения. В связи с этим особую важность приобретают как подробно описанные коммуникативные умения учителя в классе, так и письменная обратная связь и онлайн-общение. Как и в случае с описанными выше рецепцией и продукцией, можно выделить две отличающихся друг от друга сферы общения педагога: взаимодействие с обучающимися и взаимодействие с коллегами. Безусловно, в рамках данных сфер будут отличаться как коммуникативные действия, так и жанры общения. Кроме того, отдельным направлением изучения должна быть интеракция педагогов и обучающихся в онлайн-пространстве.

Наконец, в дескрипторах 2018 и 2020 гг. существенно более полно описан такой коммуникативный вид деятельности, как медиация. Уточняя его содержание, В.В. Сафонова отмечает, что по сравнению с версией документа 2001 г., понимание данного коммуникативного вида деятельности было существенно расширено за счет включения в его состав двуязычных умений, а также одноязычных социокультурных умений [Сафонова, 2018: 176]. В последнем дополнении к Общеввропейским рамочным компетенциям *под медиацией понимается такой коммуникативный вид деятельности, при котором субъект коммуникации выступает как социальный агент, возводящий мосты и помогающий конструировать и передавать значимую информацию в рамках одного языка, его различных форм (устной или письменной), а также между разными языками*

в социальном, педагогическом, лингвистическом, культурном или профессиональном контекстах. Медиация подразделяется на одноязычную и межязыковую и включает медиацию текста (изложение информации, объяснение данных, переработку текста, перевод письменного текста, конспектирование, анализ и критику художественного текста), медиацию концепций (модерирование дискуссии, взаимодействие для построения общего значения и управление групповым обсуждением), а также медиацию коммуникации (создание плюрикультурного коммуникативного пространства, посредничество, фасилитация общения в деликатных ситуациях и при разногласиях). Общие для медиации стратегии можно разделить на стратегии объяснения новых концепций (обращение к имеющимся знаниям, адаптация языка и структурирование и упрощение информации) и стратегии расширения и реферирования текста (amplifying, streamlining).

Безусловно, данный коммуникативный вид деятельности также является основой профессиональной коммуникации в педагогическом контексте. Выполняя функцию посредника между различными языками и культурами, что неоднократно отмечалось в работах С.Г. Тер-Минасовой, языковой педагог должен владеть всеми необходимыми для этого лингвистическими и социокультурными умениями. Кроме того, создавая в классе и вне класса особое коммуникативное пространство, учителю зачастую приходится осуществлять медиацию между обучающимися, обучающимися и родителями, обучающимися и другими педагогами, обучающимися и администрацией учебного заведения, а также занимать активную позицию в педагогическом коллективе и в ряде случаев осуществлять медиацию между коллегами. Особым вопросом в современной методике обучения иностранным языкам становится роль родного языка в контексте необходимости развития умений медиации, использование принципов учета родного языка или опоры на родной

Рецепция	Продукция	Интеракция	Медиация
<ul style="list-style-type: none"> оценивание (устное/письменное) отбор лингвистического материала профессиональное развитие педагога 	<ul style="list-style-type: none"> коммуникация с обучающимися коммуникация с коллегами 	<ul style="list-style-type: none"> в классе вне класса онлайн с коллегами 	<ul style="list-style-type: none"> медиация концепций медиация текстов адаптация речи медиация общения между обучающимися на занятии медиация общения между коллегами

Схема 3. Коммуникативные виды деятельности языкового педагога: функциональный аспект

язык обучающихся, а также возможность медиации в полилингвальном и поликультурном коммуникативном пространстве, когда обучающиеся являются представителями разных языков и культур. Кроме того, стратегии медиации текста могут быть важным аспектом подготовки материалов занятий по иностранному языку. Несомненно, ответ на данные вопросы представляет собой перспективное направление научных исследований в рамках теории и методики обучения иностранным языкам.

Таким образом, рассмотрение содержания профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога в контексте коммуникативных видов деятельности позволяет существенно лучше отразить реальные коммуникативные задачи и потребности учителей и преподавателей иностранного языка. Подобное описание целевого содержания обучения студентов лингводидактических специальностей с выделением их знаний, навыков, умений и стратегий в области рецепции, продукции, интеракции и медиации, на наш взгляд, может быть использовано при создании учебных программ дисциплин, средств обучения, а также комплексных образовательных продуктов, направленных на профессионально-коммуникативную подготовку будущих языковых педагогов, что позволило бы сблизить позиции отечественной и зарубежной методики обучения иностранным языкам, а также в большей мере учесть реальные коммуникативные задачи, с которыми студентам предстоит столкнуться в процессе профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ершова Т.А., Корнев А.А.* Использование интегрированных заданий на чтение и письменную речь для развития профессионально-коммуникативных и когнитивных умений студентов педагогических специальностей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 159–168.
2. *Маслова А.А., Колесникова А.Н., Корнев А.А.* Проблема обоснования выбора фонетической нормы английского языка для обучения студентов педагогических специальностей языковых вузов (факультетов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 110–118.
3. *Сафонова В.В.* Лингвокультурная медиация как стратегическое общеевропейское направление в развитии современного языкового образования // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов. Т. 2. М., 2018. С. 175–179.
4. *Сафонова В.В., Пенкина М.В.* Межкультурная научная дискуссия на иностранном языке как объект методического моделирования // Иностранные языки в школе. 2018. № 11. С. 10–19.
5. *Тарева Е.Г., Викулова Л.Г.* Культура речи учителя иностранного языка как основа педагогического мастерства: аналитический обзор материалов II Всероссийской конференции «Педагогический дискурс: качество речи учителя» (Москва, 27–29 марта 2020 г.) // Иностранные языки в школе. 2020. № 8. С. 65–69.

6. CEFR. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. 2018. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989> (accessed: 25.11.2021).
7. Freeman D., Katz A., Gomez P.G., Burns A. English-for-Teaching: rethinking teacher proficiency in the classroom // *ELT journal*. 2015. Vol. 69. No 2. P. 129–139.
8. Walsh S. *Exploring Classroom Discourse: Language in Action*. N.Y., 2011.

REFERENCES

1. Ershova T.A., Korenev A.A. 2016. Ispol'zovanie integrirovannykh zadaniy na chtenie i pismennuju rech dl'a razvitiya professionalno-kommunikativnykh i kognitivnykh umeniy studentov pedagogicheskikh specialnostej [Integrated Reading Into Writing Tasks for the Development of Trainee Teachers' Professional Communicative and Cognitive Skills]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 159–168. (In Russ.)
2. Maslova A.A., Kolesnikova A.N., Korenev A.A. 2018. Problema obosnovaniya vybora foneticheskoi normy angliiskogo yazyka dlya obucheniya studentov pedagogicheskikh spetsial'nostei yazykovykh vuzov (fakul'tetov). [Validation of the choice of pronunciation norms for teaching at linguistic universities/faculties] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 110–118. (In Russ.)
3. Safonova V.V. 2018. Lingvokul'turnaya mediatsiya kak strategicheskoe obshcheevropeiskoe napravlenie v razvitii sovremennogo yazykovogo obrazovaniya [Linguacultural mediation as a common European strategic perspective on modern language education]. *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya. Sbornik nauchnykh trudov*. Vol. 2, pp. 175–179. (In Russ.)
4. Safonova V.V., Penkina M.V. 2018. Mezhkul'turnaya nauchnaya diskussiya na inostrannom yazyke kak ob'ekt metodicheskogo modelirovaniya [Intercultural academic discussion as an object of pedagogical modelling]. *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 11, pp. 10–19. (In Russ.)
5. Tareva E.G., Vikulova L.G. 2020. Kul'tura rechi uchitelya inostrannogo yazyka kak osnova pedagogicheskogo masterstva: analiticheskii obzor materialov II Vserossiiskoi konferentsii 'Pedagogicheskii diskurs: kachestvo rechi uchitelya' (Moskva, 27–29 marta 2020 g.) [Language teacher speech culture as the basis of educational mastery: an analytical review of the materials of the II Russian conference 'Educational discourse: quality of teacher's speech' (Moscow, 27–29 March 2020)]. *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 8, pp. 65–69. (In Russ.)
6. CEFR. 2018. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors*. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989> (accessed: 25.11.2021).
7. Freeman D., Katz A., Gomez P. G., Burns A. 2015. English-for-Teaching: rethinking teacher proficiency in the classroom. *ELT journal*, vol. 69, no. 2, pp. 129–139.
8. Walsh S. 2011. *Exploring Classroom Discourse: Language in Action*. New York, US: Routledge.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021;
одобрена после рецензирования 21.11.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 25.10.2021;
approved after reviewing 21.11.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Корнев Алексей Александрович — кандидат педагогических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; studywithkorenev@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Korenev — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Faculty of Foreign Language and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; studywithkorenev@gmail.com

РОЛЬ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПЕРЕВОДЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Чжу Инли

*Северо-восточный педагогический университет, Чанчунь, Китай;
zhuyingli_0624@126.com*

Аннотация: В современных условиях перевод общественно-политических текстов приобретает большое значение, являясь средством пропаганды. Перевод таких текстов на иностранный язык производится для распространения информации, от них зависит имидж страны на международной арене, таким образом, на перевод данных текстов возложены большие обязанности. Качество перевода общественно-политических текстов, направленного на иностранного читателя, напрямую влияет на результат распространения информации, а также на понимание и осмысление содержания текста читателями переводов. В тексте «О государственном управлении Си Цзиньпиня» на китайском много национально-маркированных выражений различного типа, которые имеют богатые китайские культурные содержания. Национально-маркированные выражения с фразеологиями представляются различного рода синтагматическим взаимодействием слов-компонентов в процессах переосмысления и формирования нового значения исходного сочетания. Еще имеются национально-маркированные выражения с политическими слогами, выражения, исходящие из Конфуцианских канонов или из древних стихов и т.д. Эти выражения в китайском языке зачастую бывают затруднительны для перевода на иностранные языки, поэтому способы перевода данных слов стали актуальной темой для исследования.

Ключевые слова: перевод общественно-политических текстов; реципиент; национально-маркированные выражения; способы перевода

Финансирование: Данная статья принадлежит к результатам «Изучение модели подготовки магистра перевода по русскому языку с ориентацией на языковые услуги» (МТИJZW202005) на фонде «Проекта исследования образования национального аспиранта по специальности перевода 2020 года».

Для цитирования: Чжу Инли. Роль культурологического фактора в переводе общественно-политических текстов с китайского на русский язык // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 164–176.

THE ROLE OF THE CULTURAL FACTOR IN THE TRANSLATION OF SOCIO-POLITICAL TEXTS FROM CHINESE INTO RUSSIAN

Zhu Ying-Li

Northeast Normal University, Changchun, China; zhuyingli_0624@126.com

Abstract: Socio-political texts are quite significant as a means of propaganda. It determines the image of the country on the world stage. The quality of social-political text translation influences the effectiveness of propaganda. Besides, it affects the understanding of the actual content by the readers. Culturally distinctive words in such texts present difficulties for translation and the question of what translation methods to use requires further exploration. There are various types of national names with Chinese cultural connotation in the text “XI JINPING The Governance of China”. In the process of translation new things, the national symbolic expressions with idioms are influenced by the interaction of different nature of words and components. There are also expressions of national symbols with political syllables, derived from religious rituals, or from ancient poetry. These words in Chinese are often difficult to translate into foreign languages. Therefore, the way of translating these words has become an important research topic.

Key words: social-political text; audience; national culture language; translation methods

Funding: This article belongs to the “Study on the training model of “Translation + Technology” for Master of Russian Translation oriented by language service (MTIJZW202005) of Education Research Project of the National Translation Degree Graduate Education Steering Committee in 2020.

For citation: Zhu Ying-Li (2022). The role of the cultural factor in the translation of socio-political texts from Chinese into Russian. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 164–176. (In Russ.)

1. Введение

Перевод общественно-политических текстов, направленный на иностранного читателя представляет собой столкновение и переплетение мыслей китайского и иностранного языков и в основном проявляется в преодолении различий между двумя культурами и реализации цели коммуникации. Отличия разных стран образовали их неповторимую культуру, поэтому зачастую переводы рассматриваются как мероприятие межкультурной коммуникации. Перевод текстов, направленных на иностранного читателя, на данный момент является актуальной темой для исследования. Для анализа данной работы были использованы статьи, найденные на сайте CNKI, объектом исследования стал язык объявлений, в материалах на англий-

ском языке авторы анализируют вопросы перевода текстов внешней пропаганды с точки зрения немецкой функциональной теории перевода, социальных коммуникаций и прагматики, статей на русском языке по этой теме практически нет. В данной статье произведено сравнение сборника Си Цзиньпина «О государственном управлении» на китайском и на русском языках, анализ содержания национально-маркированных выражений, их прагматическая ценность, а также описаны способы перевода. Смогут ли специфичные для китайского языка и культуры слова и выражения быть правильно переведены на русский язык, какой способ перевода необходимо использовать для обеспечения единства звучания, формы и красоты перевода — на этом сосредоточена данная статья.

2. Сущность общественно-политических текстов

При переводе материалов, предназначенных для распространения за границей, сначала необходимо сделать перевод «правдивым», т.е. правильно передать содержание текста. Необходимо также учитывать особенности данного вида текстов, перед началом перевода проработать текст, подумать, как внести необходимые изменения в перевод на основании особенностей и требований читателей, чтобы избежать пословного и дословного переводов. Хуан Чжунлянь (2010) в статье, опубликованной в газете «Гуанмин жибао», отметил, что «перевод текстов на иностранные языки по-прежнему остается одним из видов выхода культуры страны за границу, поэтому понимает под собой не только понятный для европейского читателя язык, но также стратегию и тактику выхода культуры за границу. Главная стратегия по выходу культуры за границу подразумевает быстрое, качественное, полноценное распространение информации о Китае, а также использование в стратегии восьми правил перевода» [Хуан Чжунлянь, 2010: 1]. Переводчик должен выполнять роль моста, он обязан не только понимать потребности, ценностные ориентиры и эстетические нормы читателя, но и уметь справляться с языковыми и культурными сложностями в переводе, не допустить слепого дословного перевода оригинала текста, что может помешать выстраиванию отношений с другими странами.

Перевод, направленный на иностранного читателя, зачастую понимают как обычный перевод с китайского на иностранный язык, однако они имеют существенные отличия. «Перевод с китайского на иностранный язык — это понятие схожее с переводом с иностранного языка на китайский, где акцент делается на направлении перевода, а также отличиях от текста оригинала, традиционными мерилami данного вида перевода являются “достоверность”, “передача информации”, “красота”; перевод, направленный на иностран-

ного читателя, является одним из видов практического перевода, и часто упоминается вместе с техническим и художественным переводом, а его мерилом является эффект от распространения информации» [Хэн Сяоцзюнь, 2011: 6].

Чтобы правильно выполнить такой перевод, необходимо сначала проработать информацию политического, экономического, образовательного, культурного или социального характера из оригинала, а затем на основании потребностей читателя преобразовать данную информацию в доступный этим читателям язык, таким образом, данный вид перевода является одним из видов межрегионального, межгосударственного, межкультурного распространения информации. Информация может распространяться с помощью различных средств, включая прессу, радио, телевидение, интернет и другие средства массовой коммуникации, направленные на распространение информации и культуры, выражение мнений и позиций, укрепление связей и взаимного доверия, тем самым создавая имидж страны и поддерживая дружеские контакты. В широком смысле данный вид перевода охватывает все отрасли и сектора, занимающиеся внешней пропагандой в области переводческой деятельности, в узком же смысле к данному виду перевода относятся различные правительственные документы, объявления, репортажи и доклады в средствах массовой информации, презентации правительства, различных предприятий и организаций, а также и другие виды практического перевода. В данной статье мы обсуждаем перевод, направленный на иностранного читателя, в узком смысле, а примеры взяты из сборника, составленного Китайской международной издательской группой, «О государственном управлении» [Си Цзиньпин, 2014].

3. Принцип перевода общественно-политических текстов

Главным принципом данного вида перевода является направленность на читателя. Переводчик обязан исходя из переводческого контекста учитывать языковые, мыслительные и культурные особенности языка, на который он переводит. Он не должен выполнять пословный прямой перевод на иностранный язык, это также определяется особенностями данного вида перевода. Общественно-политический перевод, направленный на иностранного читателя в основном описывает и объясняет направление развития важных событий, политический курс, отношения и позиции по тому или иному вопросу, в основном обладает свойством временной эффективности, политичностью и культурностью, для выражения зачастую используются характерные для китайского языка фразеологизмы и термины, абстрактные слова, он также обладает

особенностями отчетливого образа и живой передачи информации. Синтаксис в оригинальном тексте довольно формален, используется большое количество бесподлежащих приложений, параллельные конструкции. В связи с этим перед началом перевода необходимо проработать текст оригинала, не допустить дословного и пословного перевода, убедиться, что информация передается подходящим способом. «Общественно-политический перевод, направленный на иностранного читателя, кроме того, что должен следовать критериям “достоверность”, “передача информации”, “красота”, также требует того, чтобы переводчик ознакомился и правильно использовал три способа приближения: приближение к реальной ситуации развития Китая, приближение к потребностям иностранных читателей в отношении информации о Китае, приближение к образу мышления иностранного читателя» [Лю Яфэн, 2010: 35].

Несмотря на то что в последнее время Китай в деле общественно-политического перевода, направленного на иностранного читателя, все более склоняется к мирному взаимодействию, стремиться к тому, чтобы как можно большее количество стран пришли к пониманию и принятию, для этого в текстах по возможности не используются слова и фразы политического характера, которые могут затронуть интересы европейских читателей, в целях быстрого и лучшего принятия информации иностранцами, а также достижения соответствующего эффекта от распространения информации. Тем не менее многие китайские материалы, направленные на иностранного читателя, по-прежнему имеют тенденцию использовать большое количество пустых слов, стремятся к увеличению количества слов, перенасыщены избыточной информацией и т.д. В связи с этим в стратегии перевода переводчик должен основываться на психологических, культурных привычках читателя и произвести предварительную обработку текста оригинала. Таким образом, перевод должен не только соответствовать содержанию оригинала, но и учитывать фактор читателя, на которого он направлен.

В книге господина Чэн Чжэньцю «Во время перевода политических статей нужно говорить о политике» он также упомянул, что требования к переводу политических статей довольно строгие, поскольку переводчик не может самовольно удалять части текста или слова, а также изменять порядок слов в предложении. Однако с развитием дипломатического дела и появлением гражданской дипломатии, роль перевода, направленного на иностранного читателя, также претерпела изменения. Бывший премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао во время обсуждения того, как улучшить работу по данному виду перевода, отметил, что необходимо «по возможности использовать простой и понятный для международного сообщества язык,

а также производить взаимодействия на основании методов, которые будут приятны всем сторонам», т.е. необходимо учитывать различия разных стран и изменять языковые конструкции текста на основании потребностей иностранных читателей, ослаблять пропагандистский характер текста, рассказывать о событиях на основании методов, которые могут быть приняты иностранным читателем, говорить убедительно, четко излагать свою точку зрения, только так можно достигнуть необходимого эффекта.

В настоящий момент исследований по данной тематике довольно мало, не сложилось определенной теоретической базы, которая могла бы покрыть все сферы данного перевода, а предложенные техники перевода далеки от практики. Так, например, Сяо Цян в статье «Исследование политических переводов, направленных на иностранного читателя — на примере “Доклада о работе Правительства”», а также Сюэ Цзюаньлань в статье «Исследование перевода общественно-политических текстов, направленных на иностранного читателя в рамках немецкой функциональной теории перевода на примере “Мирное развитие Китая” (белая книга)» упомянули о таких трансформационных приемах перевода, как конкретизация, опущение слов, перестановка и др., однако не смогли ответить на такие практические вопросы, почему и в каких случаях необходимо использовать каждый из них, а в этом как раз и заключается превосходство теории экотранслатологии. Экотранслатология рассматривает вопросы перевода с более целостной и инклюзивной точки зрения, решает такие существенные вопросы, как почему следует использовать соответствующие стратегии перевода и как оценивать достоинства и недостатки разных стратегий перевода. Однако с точки зрения экотранслатологии теоретические исследования все еще находятся в процессе совершенствования и редко используются для исследования конкретных практических вопросов. Таким образом, основная цель написания данной статьи также обусловлена необходимостью изучения практического применения этой теории и направлении переводческой практики на основании кейс-исследований.

4. Методы перевода национально-маркированных выражений

Выражение «национально-маркированная лексика» или по-английски “culture-loaded word” подразумевает под собой лексику, обозначающую вещи или понятия уникальные для культуры определенной страны, это «слова, фразы и идиомы, которые обозначают вещи, характерные для определенной культуры, отражающие уникальный способ деятельности, накопленный конкретным народом

в течение долгой истории и отличающийся от других народов» [Ляо Цзи, 2002: 232].

Поскольку такая единица языка, как «слово» не может охватить характерные для данного вида текста особенности его выражения, то в данной статье за основу была взята «национально-маркированная лексика», включает не только лексические единицы, но и фразы, высказывания, идиоматические выражения, небольшие предложения и т.д. Китайская национально-маркированная лексика в полной мере отражает китайскую культуру, его характерные национальные особенности и образ мышления, она структурированная, лаконична и наполнена богатым содержанием. В книге Си Цзиньпиня «О государственном управлении» на русском и китайском языках было обнаружено большое количество новых слов и выражений, введенных в оборот Правительством Си, как правильно перевести данную национально-маркированную лексику, какие методы перевода необходимо использовать, чтобы заставить читателя понять смысл текста и чтобы у него сложилось одинаковое понимание как с прочтением оригинала — все это является ключевыми моментами данного исследования.

Бао Хуэйнань отметил, что «Человеческое общество пережило практически одинаковые этапы развития, общность материального мира и развития общества, общность человеческого мышления и эмоций стали основой для слияния и сходства различных языков мира, что обеспечило возможность межъязыкового перевода» [Бао Хуэйнань, 2001: 317] Однако разговорный и письменный язык также несет определенную культуру, каждый язык является реакцией различных народов или племен в определенном регионе на материальное производство, общественную деятельность, однако люди из разных регионов проживают в различных географических условиях, имеют различные уровни исторического развития и цивилизации, таким образом, у них формируются различные способы мышления, языковые структуры и этнокультурные различия, которые часто становятся барьерами для осуществления межъязыкового перевода. Н.С. Мкртычева, В.В. Баклакова в статье отметили: своеобразие семантической структуры слов в разных языках объясняется несопадением в лексических системах языков, которые отражаются в типе смысловой структуры. В связи с этим суть лексических трансформаций состоит в «замене отдельных лексических единиц». Они определили нижеследующие приемы как конкретизацию, генерализацию, прием лексического добавления, прием опущения, прием смыслового развития, компенсация и прием целостного преобразования [Мкртычева, Баклакова, 2013].

В Китае и России в течение длительных исторических трансформаций сформировались различные политические системы, общественные среды и религиозные убеждения, поэтому в области межкультурной коммуникации неизбежно сформировался слой «культурных пробелов», таким образом при переводе текстов культурного или религиозного характера зачастую бывает очень сложно перевести их похожими на оригинал не только содержательно, но и эмоционально. Однако это ни в коем случае не означает, что языковые носители культуры определенного народа неперевоидимы.

В высказываниях Си Цзиньпин часто использует отрывки из стихотворений или поговорок. Как правило, такие речевые формы имеют четкую структуру, часто содержат рифму, обладают функцией передачи информации, поэтому самой лучшей стратегией перевода здесь является сохранение первоначальной формы и смысла этих фраз. Однако поскольку главной функцией текста является передача информации, мы не можем передавать изначальную форму фразы в ущерб смыслу. Принадлежность русскоязычных текстов общественно-политической тематики к публицистическому стилю предполагает руководствоваться именно функциональным подходом в стремлении найти наиболее адекватные языковые средства при передаче прагматического значения ИТ [Мамедов, 2013(1)].

В соответствии с теорией Скопос функция целевого текста в переводе является основной. Несмотря на то что сохранение изначальной формы отрывков из стихотворений будет наиболее соответствовать оригиналу текста, но это нарушит целевую задачу текста, чего мы допустить не можем, поэтому переводить данные фразы необходимо исходя из цели и целевой аудитории.

Форму и смысл некоторых фраз, особенности формы и структуры оригинального текста можно сохранить с помощью усилий переводчика, а в некоторых фразах каждый отдельный иероглиф наполнен богатым смыслом, который возможно выразить только несколькими словами, поэтому сохранение формы и структуры оригинального текста здесь довольно затруднительно. В таких случаях применяется метод свободного перевода, объяснение смысла с помощью простых фраз. Любой язык, видимо, нуждается в некотором количестве заимствований, называющих реалии иноязычной культуры. В русском языке есть небольшие пласты широкоизвестных слов, передающих национальный колорит конкретной страны или региона [Виноградов, 2001: 113]. Окасиональные заимствования воспринимаются как иностранные слова и благодаря этому выполняют не только номинативную функцию, называя реалии, но и художественную, помогая воссоздавать национальный колорит подлинника [Виноградов, 2001: 114]. При первом заимствований в

тексте транскрибированные слова обычно сопровождаются сносками или объяснениями. **党的十八大**描绘了全面建成**小康社会**, **加快推进**社会主义现代化的宏伟蓝图。(Перевод: XVIII Всекитайский съезд КПК нарисовал *нам* грандиозную панораму окончательного построения **среднезажиточного общества** и ускорения социалистической модернизации.)

В переводе текста на английский язык после перевода китайского словосочетания “**小康社会**” на английский также добавлена его транслитерация, что удобно для распространения и повторения данного слова в дальнейшем. Однако слова и словосочетания, переведенные способом транслитерации, зачастую бывают совершенно непонятны для читателей, которые не знают культурного и языкового контекста, поэтому существует другой способ перевода — к транслитерации или прямому переводу добавляют пояснение. Этот прием нередко используют СМИ по всему миру, а его основная цель заключается в том, чтобы при сохранении культурных особенностей оригинала текста в наиболее возможной степени облегчить чтение и понимание текста иностранными читателями, а также привлечь внимание иностранных читателей к китайской культуре. Такой способ перевода может рассматриваться как один из способов распространения нового слова на начальном этапе его введения в оборот.

Добавление — это семантическая трансформация высказывания путем выражения добавочных семантических компонентов в соответствии с нормами ПЯ [Нелюбин, 2003: 1895]. Многие имплицитные элементы смысла, остающиеся в оригинале формально невыраженными, должны быть восстановлены в переводе с помощью дополнительных лексических или синтаксических единиц. Главные причины, вызывающие добавления, являются языковыми и неязыковыми факторами. **强调总依据, 是因为社会主义初级阶段是当代中国的最大国情、最大实际。我们在任何情况下都要牢牢把握这个最大国情, 推进任何方面的改革发展都要牢牢立足这个最大实际。不仅在经济建设中要始终立足初级阶段, 而且在政治建设、文化建设、社会建设、生态文明建设中也要始终牢记初级阶段; 不仅在经济总量低时候要立足初级阶段, 而且在经济总量提高后仍然要牢记初级阶段; 不仅在谋划长远发展时要立足初级阶段, 而且在日常工作中也要牢记初级阶段。** перевод: Мы (*связывающее добавление*) подчеркиваем важность общего обоснования, ибо то, что Китай находится на начальной стадии социализма, является первой реалией, фактом первостепенной важности для современного Китая. Нам ни при каких обстоятельствах нельзя забывать этот основной факт и, занимаясь реформами и развитием в любых сферах, мы (*связывающее добавление*) должны исходить из этой первой реалии. Это касается (*связывающее*

добавление) не только экономического строительства, но и политического, культурного и социального строительства, а также строительства экологической культуры. Мы должны всегда помнить тот факт, что Китай находится на начальной стадии социализма (*добавленное повторение*) — как при условиях совокупной мощи экономики, так и после ее наращивания, как при долгосрочном планировании развития, так и в своей повседневной работе.

В первой части фразы были использованы такие понятия, как “总依据”, “总布局”, “总任” которые подчеркивают важность «общего обоснования», а именно «начального периода социализма», что является ключевым смыслом фразы. При сравнении оригинала и перевода текста несложно заметить, что в оригинале на китайском языке редко используются местоимения, а пропущенные многочисленные подлежащие в переводе на русский язык выражены местоимениями, что определено синтаксическими особенностями слияния смысла слов в китайском языке. В оригинале имеется только одно местоимение “我们”, а в переводе на русский язык мы можем заметить четыре личных местоимения (мы, нам), а также одно указательное местоимение (это). С помощью метода добавлений в переводе можно сделать грамматику в тексте перевода более правильной и обеспечить более тесную связь между словами. Кроме того, в китайском языке преобладает паратаксис, нулевых указательных местоимений в разы больше, чем в русском языке, в китайском языке они также не имеют синтаксических ограничений. В большинстве случаев нулевые указательные местоимения имеют свой четкий смысл в контексте предложения или абзаца, а носители языка привыкли к такому способу выражения. В то время в русском языке преобладает гипотаксис, нулевые указательные местоимения в переводе на русский язык должны быть обязательно дополнены, только так можно правильно передать смысл предложения или абзаца. Если же полностью использовать постраничный перевод, то внутренняя логика между предложениями может нарушиться, и весь абзац может потерять смысловой центр.

Кроме того, если в китайском языке какое-то слово или словосочетание повторяется несколько раз, то оно не заменяется местоимениями, а снова повторяется, так, например, фраза “社会主义初级阶段” в оригинале текста потеряется более семи раз, а в переводе на русский язык она заменена указательным местоимением «это» или словосочетанием «этот факт», что помогло избежать многочисленных повторений и сделать текст более простым, что также наиболее соответствует особенностям языка перевода.

В китайском языке часто используются фразеологизмы, состоящие из четырех иероглифов, красочные риторические фигуры и

обороты, а также большое количество повторений. Для целевой аудитории важно получить ключевую информацию из текста, а большое количество повторений в тексте перевода может перегрузить текст ненужными, не несущими никакого смысла словами. В общественно-политическом переводе, направленном на иностранного читателя, разумное сокращение некоторых фраз в китайском языке является необходимым.

不仅在经济建设中要始终立足初级阶段,而且在政治建设、文化建设、社会建设、生态文明建设中也要始终牢记初级阶段;不仅在经济总量低时候要立足初级阶段,而且在经济总量提高后仍然要牢记初级阶段;不仅在谋划长远发展时要立足初级阶段,而且在日常工作中也要牢记初级阶段。(Перевод: Мы должны всегда помнить тот факт, что Китай находится на начальной стадии социализма, — как при условиях совокупной мощи экономики, так и после ее наращивания, как при долгосрочном планировании развития, так и в своей повседневной работе.) Как мы уже отмечали ранее, в китайском языке повторяющиеся слова и словосочетания не заменяются местоимениями и не опускаются, чтобы достигнуть эффекта акцентирования. Так в вышеприведенном абзаце текста оригинала словосочетание “社会主义初级阶段” было использовано шесть раз, а в переводе повторяющиеся словосочетания были объединены, а фразы соединены парным союзом «не только, но и», что помогло избежать ненужных слов и упростить текст.

В определениях Аристотеля отражен многоаспектный и диффузный подход к метафоре: это «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, 1983: 669]. Метафорические значения слов часто возникают в результате метафорического переноса названия с одного предмета на другой, основанного на эмоционально-оценочной характеристике данного слова [Бархударов, 1975: 669]. На основе эмоционально-оценочного значения слова происходит сдвиг в его референциальном значении — название переносится на другой предмет и у слова возникает метафорическое значение [Бархударов, 1975: 123]. 我们绝不会躺在过去的功劳簿上。(перевод: Мы ни в ком случае не будем почивать на лаврах.) Метафора: 功劳簿=桂冠, лавры=прошлые достижения. Китайское слово “功劳簿” (список достижений) обозначает книгу, в которой записывалась информация о полученных наградах и достижениях человека. Лавр “桂冠” — это явление греческой культуры, Бог Аполлон выбрал самого талантливого поэта во всей Греции и подарил ему ветку лаврового дерева прославляя его, что стало символом человека, который чего-то достиг в своей жизни.

В переводе был использован метод замены понятий, китайское слово “*功劳簿*” было заменено близким ему по смыслу в русском языке словом «лавры», что помогло избежать пояснения национально-маркированного китайского слова “*功劳簿*”, однако сможет ли фраза «почивать на лаврах» полностью, выразить смысл фразы оригинала еще стоит обсудить.

В стратегии выхода за границу общественно-политический перевод, направленный на иностранного читателя, играет важную роль. Особое содержание такого рода перевода — национально-маркированная лексика — культурное явление, представляющее сложность при переводе на иностранный язык. Столкнувшись с отличной политической системой, идеологией, культурными традициями и понятиями, а также социальными условиями и историческим контекстом развития определенной страны и ее народа важно обеспечить правильность перевода, ведь малейшие различия и недоработки могут повлиять на политические и экономические интересы страны, имидж страны на мировой арене, а также на отношения с другими странами, привести к необратимым последствиям. Таким образом переводчик должен постоянно совершенствовать свои навыки в переводе национально-маркированной лексики, исследовании культурного контекста языка перевода, а также идеологии страны языка перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983.
2. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975. С. 121, 123.
3. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001. С. 113–114.
4. *Мамедов А.Н.* Трудности при переводе текстов общественно-политической тематики // Вестник РУДН. 2013. № 1. С. 67.
5. *Мкртычева Н.С., Баклакова В.В.* Особенности перевода текстов общественно-политической тематики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 6-2. С. 30–32.
6. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. М., 2003. С. 49.
7. *Си Цзиньпин*. Си Цзиньпин о государственном управлении. Пекин, 2014.
8. *Хуан Чжунлянь*. Культурный экспорт требует инициативы массовых «переводческих трансформаций» // Гуанмин жибао. 2010. № 1.
9. *Хэн Сяоцзюнь*. Теория и практика общественно-политического перевода, направленного на иностранного читателя. Пекин, 2011.
10. *Лю Яфэн*. Привыкание и выбор переводчика: исследование общественно-политического перевода, направленного на иностранного читателя. Пекин, 2010.
11. *Ляо Ци*. Исследование современной западной теории перевода. Нанькин, 2002.
12. *Бао Хуэйнань*. Культурный контекст и перевод с одного языка на другой. Пекин, 2001.

REFERENCES

1. Aristotle. 1983. *Poetics*. In Aristotle. *Essays*: In 4 vol. Moscow, Mind, 669 p. (In Russ.)
2. Barkhudarov L.S. 1975. *Language and translation* [Questions of General and particular translation theory]. Moscow, International relationships, pp. 121, 123. (In Russ.)
3. Vinogradov V.S. 2001. *Introduction to translation studies* [General and lexical questions]. Moscow, publisher of the Institute of General secondary education RAO, pp. 113–114. (In Russ.)
4. Mammadov A.N. 2013. Difficulties in the translation of texts of social and political topics // *RUDN Journal of Russia*, no. 1, p. 67. (In Russ.)
5. Mkrtycheva N.S., Baklakova V.V. 2013. The peculiarities of translation of texts of social and political topics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. (In Russ.)
6. Nelyubin L.L. 2003. *Explanatory translation dictionary*. The third publisher. Moscow, p. 49. (In Russ.)
7. Xi Jinping. 2018. *The Governance of China*. Beijing, Foreign Languages press, China.
8. Huang Zhonglian. 2010. Cultural output needs to advocate “variable translation” [N]. *Guang Ming Daily*.
9. Heng Xiaojun. 2011. External publicity translation theory and practice. *BeiJing: World affairs press*, p. 6.
10. Liu Yafeng. 2010. *Adaptation and selection of translators: a study on the translation process of external publicity*. Beijing, People’s Publishing House, p. 35.
11. Liao Qiyi. 2002. *An exploration of contemporary western translation theories*. NanJing, Yilin Press, p. 232.
12. Bao Huinan. 2001. *Cultural context and language translation*. Bei Jing: China Translation & Publishing Corporation, p. 317.

Статья поступила в редакцию 04.11.2021;
одобрена после рецензирования 04.12.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 04.11.2021;
approved after reviewing 04.12.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Чжу Инли — доктор наук по специальности переводоведения, старший преподаватель Института иностранных языков Северо-восточного педагогического университета; zhuyingli_0624@126.com

ABOUT THE AUTHOR

Zhu Ying-li — Lecturer, Northeast Normal University, School of Foreign Languages; zhuyingli_0624 @126.com

10-я МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УЧИТЕЛЬ. УЧЕНИК. УЧЕБНИК (В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ)»

Г.Г. Молчанова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; dean@ffl.msu.ru*

Аннотация: Конференция была проведена 1920 ноября 2021 г. в рамках работы Научно-образовательной Школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», направление: «Коммуникативные модусы (коды) как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения» и посвящена 275-летию основания МГУ имени М.В. Ломоносова. Председатель Программного комитета — академик *В.А. Садовничий*, зам. председателя — д.ф.н., проф. *Г.Г. Молчанова*. Конференция посвящена рассмотрению одного из стремительно развивающихся направлений гуманитарных наук в последнее десятилетие — «цифровой гуманитаристике» (“the digital Humanities”), междисциплинарной области исследований, объединяющей методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук с целью изучения возможностей применения и интерпретации новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий, систематического использования цифровых ресурсов в гуманитарных и социокультурных исследованиях и образовании. Преобразование историко-культурного наследия в цифровые форматы сделало возможным радикальное изменение нашего отношения к знаниям, культурному материалу, технологиям и обществу в целом. В настоящее время уже не вызывает сомнений, что развитие цифровых ресурсов и технологий открывает новые горизонты в обучении и позволяет адекватно отвечать на актуальные вызовы современности, что, несомненно, благотворно сказывается на повышении качества и возможностей современной образовательной среды. Не секрет, что на этом пути возникает множество сложностей и проблем, которые требуют серьезного, обстоятельного рассмотрения, желательно, с помощью коллективного разума.

Ключевые слова: цифровой инструментарий; новые поколения Y, Z и I-Gen; лингводидактика; образовательный формат; междисциплинарные исследования

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Молчанова Г.Г. 10-я Международная научно-практическая конференция «Учитель. Ученик. Учебник (в контексте глобальных вызовов современности)» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 177–184.

THE 10-th ISC “TEXTBOOK. STUDENT. TEACHER (IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBAL CHALLENGES)”

Galina G. Molchanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dean@ffl.msu.ru

Abstract: The conference was held from 19th to 20th of November 2021 within the framework of Scientific and Educational School of Moscow State University “Preservation of World Cultural and Historical Heritage”: focus area “Communicative Modality (codes) as a means of New Generation Humanities Competence.” The conference was dedicated to the 270th anniversary of the foundation of Lomonosov Moscow State University (the chair of the Programme Committee — academic *V.A. Sadovnichiy*, the vice-chair - dr. hab., prof. *G.G. Molchanova*.) One of the key issues argued during the conference was the discussion of the rapidly developing academic field — “the Digital Humanities”, an interdisciplinary area of research that unites the methodological and practical approaches within Humanities with the aim of implementing and interpreting the new technologies and ICTs. One of the aims of the conference was to contribute to the rather neglected area of the research — the dark side of digital instruments. Some plenary reports focused on what happened when the abilities of digital tools were overestimated. It was made clear that a detailed and careful study of the issue should be undertaken in order to save our teachers and students from some disappointment in the future.

Key words: Digital Humanities in education; Y, Z, and I-Gen generations; language didactics; educational formats; interdisciplinary area of research

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Molchanova G.G. (2022) The 10-th ISC “Textbook. Student. Teacher (In Context of Global Modern Challenges). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 177–184. (In Russ.)

На конференции в дискуссионном формате ставились вопросы о том, какие возможности, перспективы и оптимизации ставит перед нами цифровизация науки и общества, с одной стороны, а с другой, какие неминуемые опасности и сложности подстерегают нас на этом пути. С докладами на конференции выступали более 200 ученых из различных стран мира (Россия, США, Китай, Германия, Великобритания, Польша), причем это не только вузовские преподаватели, но и учителя школ, что позволило объединить на конференции два важных научных направления — лингводидактику высшего образования и лингводидактику общего образования (школа). Расширение предметной сферы имеет важное значение для развития теории,

методики и практики преподавания иностранных языков, межкультурной коммуникации и других профессиональных профилей, изучаемых на ФИЯР. С пленарными докладами выступили ведущие ученые России и зарубежья: д.ф.н., профессор *Г.Г. Молчанова (Россия, МГУ)* «Бум цифрового инструментария: разум или чувство?», д. п. н., профессор *С.В. Титова (Россия, МГУ)* «Учебник для цифрового поколения как инновационное средство обучения», *Ben Goldstein (США, Нью Йорк)* «Познание культуры» (США), *Philip Kerr (Великобритания, Кембридж)* «Перевод в языковом классе: какое отношение к этому имеют искусственный интеллект, плюрилингвизм и инклюзия?», д. ф. н., профессор *Г.Т. Хухуни и А.А. Осипова* «Прогресс в художественном переводе: к постановке вопроса» (Россия, Московский государственный областной университет) д. ф. н., профессор *М.И. Солнышкина* «Определение уровня сложности текстов: современное состояние проблемы» (Россия, Казанский федеральный университет). Пленарное заседание задало векторы основных дискуссионных тем и докладов, обсуждаемых в ходе работы восьми научных секций, четырех круглых столов и 14 мастер-классов, проводимых опытными наставниками для молодых преподавателей, где участники демонстрировали блестящие научные и практические достижения в различных научных областях: методики обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному; цифровизации образования; лингвистики текста; перевода и сопоставительного изучения языков; межкультурной коммуникации; регионоведения и т.д. Так, в рамках секции «Традиции и инновации в обучении иностранным языкам и культурам» (сопредседатели — профессор *С.В. Титова* и доцент *О.А. Ксензенко*) были представлены доклады, посвященные направлениям оптимизации обучения иностранным языкам в высшей школе, взаимодействию традиционных и инновационных подходов в обучении иностранным языкам в условиях цифровизации, тенденциям развития методологии языка для специальных целей. На заседании секции были также рассмотрены вопросы, связанные с обучением иностранным языкам в школе, определены направления взаимодействия различных уровней образования. Целый ряд докладов был посвящен направлениям взаимодействия различных уровней образования, обучению иностранным языкам в школе, обсуждению типологии упражнений, направленных на развитие различных коммуникативных навыков в современном образовательном формате.

На секции «Дистанционное и удаленное обучение иностранным языкам в период пандемии» (сопредседатели — доцент *А.П. Авраменко* и ст. преподаватель *В.А. Фадеева*) обсуждались дискуссионные вопросы, обменивались идеями и материалами как в устной форме,

так и в чате. Большой интерес вызвали доклады участников секции «Актуальные проблемы лексикологии, анализа текста и дискурса» (сопредседатели — доцент *С.С. Грецкая* и доцент *Е.А. Глазова*). Секцию «Языковое разнообразие и русистика через призму преподавания иностранных языков в современном образовательном континууме» провели профессор *Л.И. Богданова* и профессор *Т.Ю. Загряжкина*. Секция «Проблемы профессиональной подготовки педагога иностранных языков» состоялась под руководством профессора *В.В. Сафоновой* и доцента *И.А. Басовой*. Секция «Вопросы взаимодействия и взаимовлияния обучающегося и преподавателя» была проведена профессором *Г.И. Бубновой* и доцентом *А.Н. Колесниковой*. Секцию «Перевод и сопоставительное изучение языков» возглавили профессор *А.П. Миньяр-Белоручева* и профессор *Г.Т. Хухуни*. Все доклады были чрезвычайно актуальны, отмечалось, что, поскольку в современном мире перевод продолжает играть важнейшую роль, необходимы новые учебники и учебные пособия для решения современных переводческих задач. Продуктивной была и работа секции «Проблемы регионоведения и межкультурной коммуникации в поликультурном пространстве» (сопредседатели: д.и.н., профессор *А.В. Павловская* и к.ф.н., доцент *В.В. Робустова*). Были освещены вопросы взаимодействия и взаимовлияния культур, современные проблемы регионоведения, отражение культуры в кинематографе, музейном пространстве, природном наследии, в рамках обучающего контента, в наименованиях религиозных объектов и в названиях красок цветовой палитры.

В рамках научно-методической программы конференции с успехом прошли 14 мастер-классов, которые провели на русском и английском языках талантливые российские и зарубежные педагоги и исследователи из МГУ имени М.В. Ломоносова, Высшей школы экономики, Дальневосточного федерального университета, Воронежского государственного университета, Московского педагогического университета, Тверского педагогического университета, Самарского национального исследовательского университета, University Duisburg-Essen (Germany), Southern Illinois University (USA), the United States Air Force Academy (USA). На мастер-классах всего присутствовало около 140 педагогов, которые проявили очень живой интерес к обсуждаемому материалу.

Мастер-классы проводились по актуальным научно-методическим направлениям:

1. «Мягкие» навыки в обучении иностранным языкам (Soft skills in language learning);
2. Развитие и формирование умений письма: подходы и стратегии/ Writing skills: approaches and strategies;

3. Повышение профессионального потенциала преподавателей ИЯ/Boosting the professional potential of FL teachers;

4. Цифровые технологии и ресурсы для развития коммуникативных умений/Digital technologies and resources for developing communication skills;

5. Инновации в обучении иностранным языкам/Innovative trends in language learning.

В рамках первого направления с мастер-классами выступили проф. *Титова С.В. (МГУ)*: «Обучение беглости речи и критических умений посредством простых онлайн решений», доцент *Кожевникова Л.А. (СГУ)*: «Мягкие навыки как ключ к максимизации потенциала студентов»; народный учитель РФ *Мишин А.В.*: «Применение навыков 21 века в практике обучения». Рассматривались и обсуждались особенности развития и формирования иноязычных речевых и практических умений обучающихся как в традиционном классе, так и в цифровой образовательной среде; принципы проектирования проблемно-ориентированных, коммуникативных заданий, которые развивают мягкие навыки и медиативные умения XXI в., а также беглость речи обучающихся. Особое внимание на мастер-классах уделялось дидактическим возможностям онлайн-инструментов, предоставляющих простые технические решения для разработки учебных материалов в процессе онлайн-занятий.

В рамках второго направления — «Развитие и формирование умений письма: подходы и стратегии» — мастер-классы провели: доцент, к.п.н. *Родоманченко А.С. (ВШЭ)*: «Чтение как опора для письменно-речевых умений»; доцент, к. п. н. *Басова И.А.*: «Иноязычные письменно-речевые умения: формирование и контроль в заданиях ЕГЭ нового формата»; проф., д. п. н. *Титова С.В.* «Традиционные и цифровые способы обеспечения обратной связи и рефлексии для развития письменно-речевых умений». Мастер-классы были посвящены развитию умений работать с различными текстами, выделять проблемы, оценивать эффективность предложенных решений и перерабатывать их в собственные письменные тексты; осваивать новую модель ЕГЭ, основанную на коммуникативно-когнитивном подходе к обучению иностранным языкам с акцентом на личностные результаты, метапредметность, практико-ориентированность; методике и стратегиям подготовки к выполнению новых заданий письменной части перспективной модели ЕГЭ 2022.

Третье направление научно-методической части конференции было посвящено вопросам профессионального роста педагогов иностранных языков. С интересными мастер-классами выступили доцент, к. п. н. *Корнев А.А. (МГУ)* «Эффективная коммуникация на занятии по иностранному языку: стратегии и критерии оценивания»;

доцент, к. п. н. *Конобеев А.В. (МППГУ)*: «Авторское право для учителя: как защитить свои методические разработки. Языковой коучинг в университетском контексте». На мастер-классах обсуждались актуальные проблемы: стратегии, которые могут использоваться педагогами для привлечения и удержания внимания обучающихся; построения базовых правил взаимодействия; объяснения материала и предоставления инструкций к выполнению заданий; мотивации и обратной связи; шкала оценивания эффективности коммуникативной деятельности учителя/преподавателя иностранного языка на занятии, которая может быть использована как для оценивания студентов во время педагогической практики, так и для взаимного и самооценивания языковых педагогов; вопросы авторского права для учителя и автора методических материалов в области обучения ИЯ.

Четвертое направление было посвящено вопросам онлайн-обучения иностранным языкам и способам интеграции цифровых ресурсов для развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. С уникальными мастер-классами на английском языке выступили проф. *Thibeault T. (USA)*: «Глобальные онлайн-ресурсы для изучения языков, проф. *Emeritus LeLOUP J. (USA)*: «Онлайн-класс: Создание сообщества и вовлечение студентов», *Deirdre Cijffers (UK)*: «Обучаем учиться с Cambridge One».

Пятое направление было представлено мастер-классами доцент, к. п. н. *Петросян Ж.В. (ВГУ)*: «Хакатон как способ реализации проектного обучения»; доцент, к. п. н. *Хукаленко Ю.С. и Гаязовой А.А (ДФГУ)* «VARVARA: виртуальная реальность для обучения английскому языку» (VARVARA: virtual reality for learning English)». Мастер-классы были посвящены инновационным технологиям в области обучения ИЯ: онлайн-хакатону как одному из наиболее эффективных и интерактивных видов проектного обучения, основная цель которого заключается в определении проблемы и поиска решения в ходе взаимодействия; технологии виртуальной реальности в контексте современного преподавания иностранных языков с позиции учителя, ученика и родителя.

На конференции с успехом прошли два Круглых стола, посвященных насущным научно-методическим проблемам обучения иностранных языков в вузе и в школе, на них присутствовало 98 человек. Участники конференции получили возможность задать вопросы представителям издательств, авторам УМК, получившим гриф издательства «Просвещение», ведущим специалистам в области обучения ИЯ и межкультурной коммуникации сегодня — проф., д.п.н. *Гальсковой Н.Д.*, проф. *Бубновой Г.А.*, проф. *Таревой Е.Г.*, проф. *Барышникову Н.В.*, проф. *Гриценко Е.С.* и др.

На Круглом столе «Учебник будущего: проектирование, оценивание качества, применение» (модератор — д. п. н., проф. *Титова С.В.*) принимали участие эксперты-участники: *Конобеев А.В.* (Москва, МПГУ); *Мишин А.В.* (Тверь, народный учитель РФ); *Бубнова Г.И.* (Москва, МГУ), д. ф. н., профессор *Тарева Е.Г.* (Москва, МПГУ). Обсуждались наиболее актуальные вопросы, связанные с разработкой современного учебника для обучения иностранным языкам, таким, как:

- Учебники и учебные пособия нового типа: вопросы преемственности и вызовы времени;
- Электронный учебник для обучения ИЯ: цифровая копия печатного или инновационный продукт;
- Новые требования к структуре, содержанию и оформлению учебника;
- Авторские дидактические материалы как приложение к новым учебникам: опыт разработки и авторское право;
- Учебник как отражение концепции авторского коллектива.

Круглый стол «Участники педагогического процесса в контексте глобализации образования» провела д. ф. н., проф. *Прошина З.Г.* (Россия, Москва). Обсуждались глобальные вопросы:

- какому языку и скольким языкам надо учить в XXI в.?
- родной язык, билингвизм и мультилингвизм в обучении иностранным языкам;
- соотношение лингвистических знаний и коммуникативных умений при обучении языку;
- что должен уметь и на что ориентироваться педагог ИЯ XXI в.?

В конференции принимали участие представители педагогического научного сообщества со всех краев нашей обширной страны и зарубежья: это ученые МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, Дипломатической академии МИД РФ, НИТУ «МИСиС», МПГУ, Санкт-Петербургского политехнического университета, Московского педагогического государственного университета, Научно-исследовательского университета «Московский институт электронной техники»; Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), Института русского языка им. В.В. Виноградова, МГИМО МИД России, РГГУ, МПГУ, Курского государственного университета, Варшавского университета, Дальневосточного Федерального университета (Владивосток), областной гимназии имени Е.М. Примакова (Московская область), ГАОУ ДПО «Центр педагогического мастерства», Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого, Южно-Уральского государственного университета, Университета Правительства Москвы, МФТИ, МОУ «Центр образования № 10, Рос. Гос. педагогический университет

им. А.И. Герцена, Минский государственный лингвистический университет, ГБОУ школа № 604, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Московский городской педагогический университет, МГИМО МИД России; Российский государственный гуманитарный университет, ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова; Московский областной педагогический государственный университет; Новосибирск, Новосибирский государственный университет; Магадан, Северо-Восточный государственный университет; НИУ ВШЭ, Амурский государственный университет и др. В ходе работы участники обсуждали дискуссионные вопросы, обменивались идеями и материалами как в устной форме, так и в чате, отмечая благотворную дружескую атмосферу, в которой проходила секция, высокий уровень организации научного мероприятия, возможность обменяться профессиональным опытом.

Работа конференции подтвердила, что формат междисциплинарности открывает возможности более глубокого и всестороннего исследования перспективных научных доминант, стратегий, методик и образовательных технологий с учетом вызовов сегодняшнего дня.

Статья поступила в редакцию 14.12.2021;
одобрена после рецензирования 14.12.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 14.12.2021;
approved after reviewing 14.12.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Молчанова Галина Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; dean@ffl.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Galina G. Molchanova — Dr.habil. in Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; dean@ffl.msu.ru